

СКВОЗЬ
ЗАВЕСУ
ВРЕМЕНИ

фантастические рассказы

СКВОЗЬ

ЗАВЕСУ

ВРЕМЕНИ

Магаданское книжное издательство 1971

СОДЕРЖАНИЕ

Фантастика и наука	3
Б. БОРИН. Неизвестный герой. <i>Рассказ</i>	5
Земное притяжение. <i>Рассказ</i>	18
Чужая память. <i>Рассказ</i>	30
Оранжевая планета. <i>Повесть</i>	46
В. САВЧЕНКО. Черта, за которой... <i>Рассказ</i>	80
Опасный шаг. <i>Памфлет</i>	88
Солнце село в полдень. <i>Рассказ</i>	96
Обелиск. <i>Рассказ</i>	103
О. МИХАЙЛОВ. Летающая радуга. <i>Рассказ</i>	111
Ю. ВАСИЛЬЕВ. Цветок лотоса. <i>Рассказ</i>	114

Составители В. Савченко, Л. Юрченко

Фантастика и наука

Фантастика всегда предвосхищала науку. А наука, в масштабах истории, очень быстро превращала в реальность фантазии, совсем недавно казавшиеся несбыточными. Ста лет не прошло с тех пор, как Жюль Верн написал «Вокруг Луны», а люди уже зашагали по нашему спутнику и умные аппараты стали ощупывать камни и кратеры на его поверхности. Ста лет не прошло со времени создания фантастического «Наутилуса», а атомные подводные лодки облазили бесконечные пространства океанов. Если дальность действия современного вертолета пока еще меньше дальности действия могучего корабля, созданного Робуром-завоевателем, то, во-первых, преодоление этого отставания дело очень небольшого времени, а во-вторых, летательные машины другого типа — самолеты летают уже сейчас гораздо быстрее и дальше.

Многие из ученых, двинувших науку вперед, увлекались научно-фантастическими романами, и кто сможет определить роль фантастики в смелости поиска Менделеева, Циолковского или Обручева. Сегодня наука обогнала фантастику прошлого века. Но гнаться за фантастикой все равно, что гнаться за горизонтом. Тебе кажется, что ты приближаешься к нему, а он уходит все дальше и дальше. Теперь фантастика вышла за пределы Солнечной системы, рыщет по дальним районам космоса, залетает в другие Галактики, свободно обращается с временем и расстоянием, пользуясь дерзкими открытиями науки. Наука обогащает фантастику, но подождет немного. Может быть, сбдутся фантастические предвидения современных писателей, как сбылись почти все предвидения фантастов прошлого века.

Фантастическая литература включает в себя много родов и видов. В ней существуют предвидения будущего — прочтите «Цветок лотоса» Ю. Васильева. В ней существуют предупреждения о том, что будет с миром, если мир свернет с правильного пути — прочтите «Оранжевую планету» Б. Борова или «Черта, за которой...» В. Савченко. Темой научной фантастики может стать даже просто ощущение тайны, как в рассказе О. Михайлова «Летающая радуга». Ощущение тайны зовет человека эту тайну раскрыть. И в призыве к раскрытию тайн тоже одна из задач научной фантастики. Наконец, научная фантастика может позволить нам взглянуть глазами будущего на нашего современника — прочтите рассказ Б. Борова «Неизвестный герой».

Словом, много целей и задач у фантастики, широкое поле деятельности, широкий круг тем открыты перед писателями-фантастами.

Будущее кажется мрачным, когда писатель-фантаст предупреждает, до чего доведет человечество капиталистический строй. Мы знаем, что будущее за коммунизмом. Тем больше у нас оснований предупреждать, каким окажется страшным будущее, если капитализм надолго останется жив. Да, коммунизм светлое будущее человечества, но и при коммунизме будут свои конфликты, свои человеческие драмы. Межзвездные корабли улетят в бесконечные дали космоса. Но как драматичны будут судьбы людей, побывавших в межзвездном пространстве несколько лет и вернувшихся на Землю, которая за это время стала на столетие старше и населена другим, неизвестным поколением. Прочтите об этом в рассказе «Земное притяжение» Б. Борова или в рассказе «Обелиск» В. Савченко. Пути первооткрывателей никогда не бывают легкими. и чем труднее задача, тем выше мужество. Человечество, освобожденное от тягот нищеты, социального неравенства, классовой борьбы, возьмется за достижение таких великих целей, предугадать которые под силу только фантастике.

Есть такая точка зрения: чем дальше, чем быстрее идет вперед наука, тем меньше остается на долю фантастики. Вряд ли в этой позиции есть хоть какая-нибудь доля правды. Научная фантастика развилась и созрела в середине прошлого века, когда наука и техника совершили колоссальный рывок и стали входить в повседневный жизненный обиход человечества. «Наутилус» в то время казался такой же далекой мечтой, как корабли с фотонными двигателями кажутся нашему современнику. Наука идет все быстрее и быстрее. Но фантастика не отстает от науки. То, что наука предполагает, предвидит, предсказывает, то фантастика представляет себе и заставляет читателя видеть так ясно, как будто это уже существует в реальности. Временами наука будет обгонять фантастику. Временами фантастика будет обгонять науку. В конечном счете наука и фантастика помогут друг другу двигаться вперед. А цель у них общая: та великая наука и техника человечества, которая разовьется на единой земле, освобожденной от социального неравенства, болезней и войн.

Евгений РЫСС.

Борис Борин

НЕИЗВЕСТНЫЙ ГЕРОЙ

Рассказ

«...в бою у мельницы на высоте 319,25 особо отличилась третья рота. В течение дня она отражала атакующие, много превосходящие ее по численности силы противника. Поддерживаемая огнем полковой батареи 45-миллиметровых пушек, рота удержала высоту. Противник не смог прорвать левый фланг полка и выйти на оперативный простор.

Командир роты, младший лейтенант (фамилия мне неизвестна, документы о его назначении должны быть в штабе полка), будучи раненым, до подхода подкреплений лично огнем автомата сдерживал наступающего противника.

Ходатайствую о посмертном награждении младшего лейтенанта орденом Отечественной войны II степени.

Командир 1-го батальона капитан В а с и л ь е в.

7 февраля 1945 года».

— Это донесение написано на желтом, выцветшем от времени листке бумаги. Оружие письма — карандаш, вставленный в деревянный футляр кусок графита. Пользовались им после того, как стило и гусиное перо были забыты человечеством. Карандаш, очевидно, существовал наряду с более прогрессивным оружием письма — так называемой авторучкой, трубочкой с металлическим пером, в которую наливали чернила...

Так начинался мой доклад на ученом совете Института по изучению прошлого Земли.

Мой научный руководитель нетерпеливо вскинул голову. Я знал этот жест и знал, что за этим последует. И не ошибся.

— Вы пришли не на пионерский сбор, Бобров, — сказал профессор, — и поэтому нечего нас удивлять рассказами

о карандашах и авторучках. Каждый из нас, историков, слава звездам, не только их видел, но даже держал в руках. Полгода назад вам было поручено выяснить фамилию и биографию младшего лейтенанта, погибшего у высоты 319,25. Что вы делали все это время?

Унылым и самому себе противным голосом я стал перечислять названия архивов, номера архивных документов, фамилии авторов мемуаров. Все это я изучил, чтобы отыскать хотя бы тропку, которая вывела бы меня на след погибшего младшего лейтенанта. Но профессор отмахнулся от длинного перечня, как отмахиваются от назойливого комариного писка.

— Вы хотите сказать, что обычным путем ничего не узнали. Так?

— Да.

— Что же вы предлагаете?

Он знал, что я предложу. И ждал моей просьбы, чтобы ее отвергнуть. Чтобы сказать, что я слишком молод и неопытен и институт не может идти на риск, прежде историки обходились без таких дорогостоящих и экстравагантных командировок, и так далее и тому подобное... Но я все-таки сказал:

— Прошу откомандировать меня в 6 февраля 1945 года, — и поспешил прибавить: — Бой длился один день, мне нужно всего десять-одиннадцать часов. В феврале быстро темнеет...

— «Всего», — недовольно повторил профессор. — Опасности такой командировки во времени вы себе представляете? Ну, конечно, вы ко всему готовы во имя науки. Можете нас не уговаривать. Ответ получите позже.

Я поклонился ученым мужам, которые, как мне казалось, неодобрительно все это прослушали, и подошел к двери. Она отступила, и лента эскалатора вынесла меня на улицу...

...Я — историк узкого профиля. Моя профессия — вторая мировая война. Человечество знает, ценой какой крови люди далеких сороковых годов XX столетия спасли землю от фашизма. И поэтому наш век должен знать имена и судьбы всех, кто погиб в этой войне, защищая, спасая будущее.

Я люблю то далекое время и знаю его настолько хорошо, насколько может знать прошлое историк. Я помню наизусть и Боевой устав пехоты и печальные песни тех лет.

Путешествия во времени открыты сравнительно недавно. И добиться командировки в прошлое трудно. Кроме колоссального расхода энергии, которая нужна машине для прорыва временного пояса, это еще связано с опасностью. Если задержишься сверх времени хотя бы на несколько секунд, можно затеряться в прошлом...

Экран видеофона осветился:

— Вас вызывают, вас вызывают! — забубнил автомат. Я нажал кнопку приема.

— Слушаю!

Профессор улыбался во весь экран:

— Командировка вам разрешена. Срок с шести утра до пяти вечера 6 февраля 1945 года.

— Спасибо! — заорал я, вскакивая со стула.

— Мне не нравится ваш восторг, — резко сказал профессор. — Это не прогулка на море, это опасно... Готовиться будете две недели. Завтра с утра — ко мне.

Экран видеофона погас. Но ничего уже не могло испортить моего настроения.

Дорога была гладкой, наезженной. И, несмотря на мороз, снег даже не поскрипывал под сапогами. Ковш Большой Медведицы указывал рукоятью прямо на землю. В предраассветных сумерках ярко горели окна дома, к которому сходились путаные линии проводов, да яркие угли с шипением падали на снег из топки походной кухни. Она стояла справа от крыльца, и от нее разносился запах какого-то вкусного кушанья. (Какого — я так и не узнал).

В дом со светлыми окнами входили офицеры. Они приезжали откуда-то на заиндевелых лошадях. А я переминался с ноги на ногу возле крыльца, не зная, что делать. На мне скрипели новенькие, взятые из музейного склада ремни офицерского снаряжения. Шершавый воротник шинели уже успел натереть шею. На мне были новенькие погоны с одной звездочкой. На поясе пустая дерматиновая кобура. Короче, я был одет как младший лейтенант по выпуску из училища.

Надо было разыскать третью роту первого батальона...

Идти в штаб полка я не решался. В документах, которыми меня снабдили, могла быть ошибка. И тогда я наверняка просидел бы одиннадцать своих драгоценных часов под арестом. Кроме того, меня не обязательно послали бы в третью роту...

Офицеры выходили из штаба. Ветер недолго катил по дороге горящую махорочную крупку. (Все офицеры, словно по традиции, подходя к коню, сильно затыгивались махорочной сигаретой, раз-другой, а потом, бросив ее, садились в седло).

Один из офицеров, выйдя из штаба, задержался у крыльца. Я, решившись, сделал шаг к нему, взял «под козырек» (это образное выражение — на самом деле я был в теплой шапке):

— Разрешите обратиться,— сказал я, как и полагалось по уставу.

— Ну чего тебе, младшой? — спросил офицер. Я разглядел четыре звезды у него на погоне.

— Не подскажите ли, товарищ капитан, как пройти в третью роту?

Вспыхнувший лучик карманного фонаря ударил по глазам, потом неторопливо обшарил меня от шапки до сапог. И погас.

— Новенький? — спросил капитан. И не дожидаясь ответа: — Что ж мне в штабе ничего не сказали? — И закричал: — Васька!

Словно из-за угла вывернулся солдат, держа за поводья двух лошадей.

— Где тебя черти носят! — беззлобно сказал капитан. — Проводишь вот лейтенанта к сорокапятчикам на батарею.

Потом он протянул руку:

— Давай знакомиться. Я — комбат один, Васильев. Третья рота уже получила задачу, вышла. Догонишь ее с батареей. Примешь командование. Офицеров в роте, кроме тебя, нет. Понял? А задача простая: держать высоту, держать до приказа, кровь из носу — держать. Твоя высота полк прикрывает. Понял? Драпанешь — расстреляю. — Капитан говорил быстро, словно вколачивал в меня слова. — Вся ответственность на тебе. Понял? Васька, проводи комроты на батарею. Счастливо! — Его горячая, крепкая ладонь, которую я еще помнил в своей руке, поднялась к виску. С руки свисала плеть с короткой рукоятью.

Ошалевший от неожиданности, я иду деревенской улицей за гороящимся Васькой. Он деловито посапывает, катясь колобком впереди меня. Над левым плечом торчит коротенький приклад пистолета-пулемета Шпагина, ППП, как его тогда называли.

Я шел, и было приятно, что так хорошо знаю эпоху. И вещи все узнал сразу, и язык, и даже жаргонные словеч-

ки. Например, драпанешь — это значит: трусишь, убежишь. И только одно меня пугало — как буду ротой командовать. Оружие того века я знал, стрелять умел, но командовать ротой меня никогда не учили. И почему там нет ни одного офицера? Ведь их должно быть по боевому уставу четыре. И где младший лейтенант, которого я ищу?

Васька свернул куда-то во двор. Две маленькие пушки были уже прицеплены к передкам, солдаты с поднятыми воротниками шинелей хмуро толпились возле орудий. Вспыхивали огоньки махорочных сигарет. В повозку, груженную какими-то ящиками, впрягали лошадей. Я видел, как солдат, втискивая удила в желтые лошадиные зубы, ударил кулаком коня и заорал:

— В господу душу мать...

Я вспомнил, это древнее ругательство. И мне стало стыдно. Неужели даже они, герои, в XX веке были такими невоспитанными?..

Додумать я не успел. Лейтенант, которого где-то отыскал рядовой Васька, подошел ко мне.

— Здорово. Я — Михайлов. Будем вместе воевать. — У него, как и у солдат, воротник шинели был поднят, в зубах торчала толстая махорочная сигарета. — Садись на пушку, сейчас трогаем.

Я разглядывал закутанное в мерзлый брезент орудие, думая, как на него садиться. Кто-то меня тронул за рукав:

— Садитесь к замку: не так тряско. — И я сел, схватившись за какую-то рукоять под брезентом. А лейтенант вдруг весело и совсем не по уставу заорал:

— Кончай ночевать! Расчеты по местам! Рысью марш! — Последнее слово он протянул, словно пропел.

Пушку качнуло на повороте. Одно колесо вдруг встало дыбом, потом вздыбилось другое, и, перевалив через канаву, мы выехали на дорогу. Застучали копыта, засвистел ветер... Огромное ярко-оранжевое солнце 6 февраля 1945 года вставало над заснеженным перелеском.

Летит снежная пыль из-под колес орудийного передка. (Это такая двухколесная тележка, в которую впрягают лошадей, за нее же цепляют пушку). Солнце подымается, и синие морозные тени становятся все короче. Хорошо!..

В этот яркий, солнечный день я не испытываю ни тревоги, ни страха. Качу прямо к месту командировки. Показываюсь на стальном лафете рядом с лучшими людьми XX века. Они, по-моему, тоже спокойны.

Они не знают, что сегодня их ждет тяжелый бой, в котором многие погибнут. Что этот день для них последний...

Я знаю.

И оттого, что я из будущего, что меня-то наверняка нельзя ни убить, ни покалечить, мне как-то неловко перед людьми. Вот перед этим, который отвернул от встречного ветра небритое, заросшее сивой щетиной лицо. Ему за сорок. Над маленькими, запавшими под лоб глазами тяжело нависли, как козырек, седоватые брови. Чуть шелушится кожа на примороженных скулах. А большие ширококостные руки говорят, что он и в мирной жизни нелегким трудом зарабатывал хлеб.

И наверное, дети у него, и такая же, как и он, ширококостная, могучая жена с постаревшим от работы и бессонных ночей лицом.

А есть среди солдат совсем мальчишки. Этому, который сидит на стволе, вцепившись рукавицами в броневой щит орудия, наверняка не больше восемнадцати. На морозе покраснели его нежно-розовые, почти девичьи щеки. А зубы уже пожелтели от махорки, и глаза — пристальные, по-взрослому суровые. Этот мальчишка, пожалуй, более жесток сердцем, чем тот сорокалетний. Заросший седой щетиной солдат успел пожить мирной жизнью, радовался подрастающим детям, любил свою жену. А младший шагнул прямо из детства — в бой, на войну...

Мне, привыкшему к большим скоростям, медленной и смешной показалась езда на животных. Но люди этого не замечали. Шесть лошадей, двадцать четыре копыта дружно молотили дорогу. Солдаты отворачивали лица от ветра. И вот из-за края земли медленно поползла вверх красная кирпичная мельница, накрест перечеркнутая собственными крыльями. Высота 319,25.

Я ждал боя, пулеметной очереди, визга разлетающейся мины. Но было тихо.

Было удивительно тихо. В синем безоблачном небе блестящей елочной игрушкой плыл странный самолет с двумя фюзеляжами.

— Рама,— словно про себя сказал, точнее тоскливо вздохнул пожилой солдат.

Я вспомнил: так солдаты называли фашистский самолет, который во второй мировой войне вел наблюдение и разведку.

В третьей роте всего девятнадцать человек. Это смертельно усталые люди, которые шли всю ночь, чтобы к утру

достичь высоты. Сейчас они спят вповалку в небольшом доме за мельницей. Спят прямо на полу, на разостланной соломе, широко разбросав или, наоборот, подтянув по-детски колени.

У мельницы похаживает постовой-наблюдатель с биноклем. И пулемет сторожко вытянул тупую морду в сторону леса, который синеет вдаль, подковой охватывая высоту. Артиллеристы роют в глубоком снегу огневые позиции. С лопат летит белая пыль и крупные комья снега. А рядом пушки задрали к небу тонкие стволы с брезентовыми намордниками.

Все это производило удивительно мирное впечатление. Было одиннадцать утра шестого февраля 1945 года...

А на столе толпятся высокие тонкогорлые бутылки со светлым немецким вином. Белеет жир в раскрытых коробках консервов. И лейтенант Михайлов, благодарно развалившись в кресле, поучает меня:

— Да ты не суетись. Все, что положено, мы сделаем. На место прибыли вовремя. Пушки мои ребята скоро расставят, твои славяне все в сборе, никто не отстал. Полный порядок. Да и фрицев не видно. Простоим здесь до вечера, а там двинем дальше.

— Нет,— говорю я,— здесь будет бой...

— Телеграмму от Гитлера получил? — смеется лейтенант.

У него черные волосы, цыганские глаза и очень белые зубы. Без шапки и шинели, с расстегнутым воротом гимнастерки, на которой красной эмалью отсвечивают два ордена. Он, пожалуй, красив. Портит его небритая щетина (а ведь наверняка моложе меня), складки-морщины, бегущие ко лбу от переносья.

— Выпей,— лейтенант наливает вина в здоровенную солдатскую кружку.— Да не бойся, оно слабое, как квас. А то ты не куришь, не пьешь — чистый монах.

Я выпиваю. Вино на самом деле слабое — сухое. И учить мне лейтенанта нечему. Он, видно, воюет не первый год. А все-таки я знаю больше него. Я знаю, что через несколько минут (или часов) здесь разыграется кровавая трагедия. А он знать этого не может. Я — из будущего, он — из прошлого. Ведь он скоро умрет. Я должен его предупредить. И не могу этого сделать.

Других офицеров на высоте нет. Только мы двое... Значит, в донесении просто спутано его звание. Он, оказывается, лейтенант, а не младший лейтенант.

— Что ты на меня смотришь, словно я твоя покойная бабушка? — спрашивает Михайлов. — Боишься, что ли? Да ты не дрейфь. Высота, господствующая над местностью, обстрел хороший. Две пушки, «максим», жить можно. И держать можно.

— Как вас зовут? — спрашиваю. Это во мне историк борется с эмоциями. И поборол-таки. И не особенно я сейчас себя уважаю за это.

— Алексей. А тебя?

— Володя. А вы откуда?

— Земляка ищешь? Из Москвы я. На Малой Бронной жил. Слышал такую улицу?

— Слышал, — киваю головой. Я ведь даже песню знаю о погибших ребятах-москвичах: «Сережка с Малой Бронной и Витька с Моховой...» И вот он сидит передо мной — Алешка с Малой Бронной, таскает ножом куски красно-белого мяса из железной банки.

— А ты откуда? — спрашивает человек из песни.

— Из Вологды.

— Зачуханный городишко, — авторитетным тоном столичного жителя говорит Михайлов. — Кончится война, приезжай ко мне, поживешь в Москве.

Сколько за время войны он так приглашал? Эх, показать бы ему, кстати, зачуханный город Вологду. Показать небоскребы, разбросанные среди тропической зелени. И речку, и набережную из пластика, который под влиянием интенсивности света сам меняет цвета...

— Вы чем до войны занимались? — продолжаю этот необходимый, но уже самому неприятный вопрос.

— В школе учился.

— А ордена вам за что дали?

— За войну, — грубо отрезает Михайлов. И я понимаю, что ему, фронтовику, неприятно говорить об этом с мальчишкой, который и фашиста-то живого в глаза не видел.

Лейтенант неприязненно смотрит на меня, резко выдыхая сразу из обеих ноздрей струи синего дыма. Смотрит и молчит.

Потом взгляд его смягчается, добреет. Видимо, он считает, что попросту я боюсь своего первого боя и потому сыплю дурацкие вопросы.

— Я тебе подарок сделаю, — говорит Михайлов, уже улыбаясь. — Небось все училище мечтал...

Из полевой сумки он достает вороненый парабеллум.

«Калибр — девять миллиметров, восемь патронов входит в обойму», — услужливо подсказывает память.

— Держи. Обращаться-то умеешь?

Обращаться с немецким стрелковым оружием я умею. И невольно краснею от радости, что у меня будет оружие, которое подарил боевой офицер второй мировой войны. Да ведь мои коллеги прямо осатанеют от зависти.

— Тебе сколько лет? — спрашивает вдруг не спускавший с меня глаз лейтенант.

— Двадцать шесть, — не подумав, отвечаю правду.

— Ну, вот бы не сказал. А мне — двадцать два... Небось в институте учился, отсрочку давали?

Я киваю головой...

— Товарищ лейтенант! — просовывается в дверь часовой. — Возле леса, кажись, фрицы появились...

Я вскакиваю, дрожащими руками всовываю дареный пистолет в свою огромную кобуру. Всовываю, а он не лезет.

Михайлов быстро, поверх ремней и снаряжения натягивает шинель. Когда я вскакиваю на крыльцо, он стоит, широко расставив ноги, приставив к глазам бинокль. Потом протягивает бинокль мне:

— Гляди...

Из леса вытянулись и движутся к высоте три темные полосы. И прежде чем я успеваю сообразить, что это, лейтенант говорит:

— Объявляй тревогу...

Я вбегаю в комнату, где мы так уютно беседовали, и ору, чуть не срывая голосовые связки:

— Тревога! Тревога! По местам!

Многоногая рота, спящая под шинелями, мгновенно просыпается. Шинели слетают с голов. Расхватав оружие, моя рота вываливается наружу. На соломе остается красный матерчатый кисет и винтовочная обойма с четырьмя патронами...

Коротенькая цепочка моих солдат на снегу перед мельницей. Я вижу их спины, широко раскинутые ноги в обмотках, сапогах, валенках. Впереди голов короткие черточки — стволы автоматов. Хищные силуэты пушек. Широко раскинув станины, они медленно ведут стволами за идущими прямо на нас гитлеровцами. В бинокль уже видно, как, проваливаясь по колено в снег, медленно, с опаской движутся вражеские солдаты.

Мы с Михайловым на мельнице. В ее кирпичном животе пробиты дыры, похожие на амбразуры. Из них открывается прекрасный обзор.

Немцы идут. Мои солдаты лежат. Михайлов молча смотрит в бинокль. Что делать? Я ведь команду ротой...

— Стрелять надо, — неуверенно говорю я.

— Зачем? — отзывается Михайлов. Он на минутку опускает бинокль. — Это идет разведка. Положить ее мы всегда успеем. Знать бы, сколько фрицев в лесу, да что у них на уме...

Михайлов улыбается, хотя я понимаю, что ему совсем невесело, он улыбается для меня.

— Не дрейфь, Володя, отобьемся. — И снова прикидывает к биноклю.

Не дойдя до мельницы примерно полкилометра, фашисты, которые прежде шли гуськом, друг за другом, разворачиваются в цепь. Так идти труднее, и немцы движутся медленнее. Я уже различаю глубоко надвинутые каски и блекло-зеленые шинели.

— Пора! — спокойно говорит Михайлов. — Давай огня...

— По наступающей пехоте противника! — кричу я, выскочив из мельницы. — Пояс, прицел...

Мои солдаты открывают огонь, не дождавшись конца команды. Прицел им, очевидно, известен и без меня, а нервы тоже на пределе. Михайлов, схватив меня сзади за ремень, рывком втаскивает под укрытие толстых кирпичных стен.

— Ну чего выставился? — ругается лейтенант. — Черт шалавый... Из мельницы, что, голоса твоего не услышат?..

Раскатисто и глухо бьет станковый пулемет. Звонко, короткими прицельными очередями стреляют автоматы. Немцы словно вжались в снег. Их почти незаметно. Однако больше половины лежит на виду неподвижно, в каких-то страшно нелепых, неживых положениях. И я не могу оторвать от них взгляда. Я смотрю на людей, которых убили по моей команде.

А смотреть надо не на них. В стены мельницы тупо ударяют пули. Потом раздается короткий, леденящий душу нарастающий визг. Возле мельницы вырастает столб снежной пыли, дым, пронизанный изнутри огненной вспышкой, и град осколков барабанит в стены.

— Славяне, в укрытие! — кричит Михайлов.

Мгновенье — и мельница набита запыхавшимися солдатами. Одного втаскивают, на его неподвижных ногах налип-

шие комья снега. У другого сквозь лохмотья шинельного рукава зябко желтеет тело и виден пропитанный кровью, дымящийся на морозе рукав натальной рубахи.

А у мельницы, чередуясь через равные промежутки, повторяется визг летящей мины, короткий треск разрыва и злобно свистящий разлет осколков...

Так продолжается примерно полчаса. Вокруг мельницы больше нет белого снега. Он почернел от сгоревшей взрывчатки, разбросан взрывными волнами, иссечен осколками. Сквозь амбразуры видно, как стены курятся красной кирпичной пылью. Потом наступает тишина. Какая-то пустая и зловещая...

— По местам! — командует Михайлов.

И люди покорно выходят из-под укрытия толстых кирпичных стен. Выходят на воздух, который минуту назад был пронизан разъяренным, свистящим, разящим металлом.

И я смотрю на них с ужасом и восторгом. Ведь мне, уверенном в своей полной безопасности, и то страшно. Страшно во время обстрела, когда хотелось сжаться в горшину, стать как можно меньше. Страшно сейчас, когда наступила эта продолжительная, ничего доброго не сулящая тишина.

А из леса выкатываются черные точки. И длинной цепью, захватывая нас в полукольцо, движутся вверх по склону.

А затем все повторяется. Наш огонь укладывает в снег вражескую цепь. Из леса раздается визг минометов. Солдаты собираются на мельницу... Затем снова команда: «По местам!».

Все повторяется. Только немецкая цепь все ближе, а солдат собирается в укрытие все меньше.

— Почему не стреляют пушки?! — кричу Михайлову.

— Рано! — отрезает лейтенант. Он по существу руководит боем. Осколок разрезал ему погон на левом плече, цыганские глаза напряженно сужены. — Рано!..

— Какой черт рано! Немцы рядом!

— Рано, Володя!..

Он оказался прав. На опушку леса медленно вылез танк. Уверенный в себе, он развернул квадратную башню. Нам в лицо уставился длинный орудийный ствол, мельница затряслась от удара. Второй поднял столб пыли у подножья

стены. Кирпичи обвалились, и в рваную дыру пахнуло едкой, обжигающей гарью...

Михайлова рядом не было. Я не успел заметить, когда он выбежал к пушкам. Но вот одна из них, стоящая справа от мельницы, выстрелила. Раз, другой, третий... Трассирующие снаряды били в лоб танку. И не в силах пробить броню, круто взмывали вверх. А пушка все била и била по танку, мешая ему в упор расстреливать мельницу.

Танк дрогнул и попятился назад. Но это на мгновение. Он тяжело выполз на бугор, развернулся, и снаряд обрушился на орудие. Второй... Четвертый...

Я не успел заметить, когда начала стрелять наша вторая пушка. Красные искорки снарядов один за одним ударили в бронированный бок танка. Они не взлетали вверх. Они словно исчезали, коснувшись брони. Танк дернулся и стал разворачиваться. Но не успел. Сначала откуда-то из-под башни поползли ленивые струйки дыма, потом блеснул узкий язык пламени. А через минуту взрыв потряс его квадратное тело. Башню отбросило назад, в редколесье, а на месте танка запылял костер.

Михайлов тяжело переводил дыхание, жадно дыша синим мажорочным дымом. Кровь сочилась из ссадин на щеке и лбу.

— Первый расчет накрылся, — сипло, сорванным голосом сказал он. — Во втором троих ранило. Если у фрицев есть еще танки — амба...

Мое время вышло. Уже двадцать минут как вышло. Двадцать минут назад я должен был нажать кнопку вызова (специальный аппарат вделан у меня в пряжку ремня, ее просто надо расстегнуть, и я бы исчез с высоты 319,25). Быстрота, с которой машина прорывает временный пояс, делает ее почти невидимой для человеческого глаза. Но я не смог нажать кнопку вызова.

Нас осталось трое. Мы били, били, били из автоматов по встающей, бегущей, ползущей немецкой цепи. А на земляном полу мельницы молчали, стонали, хрипели раненные.

Мы с Михайловым стреляли в проем стены, который образовался после танкового обстрела. Раненный в обе ноги мальчишка, который ехал вместе со мной на пушке, лежа на животе, снаряжал автоматные диски. Бледный от потери крови и боли, он набивал круглые, как подсолнухи, диски золотистыми патронами. И только все дальше прихватывал

закушенную губу желтыми большими зубами. А пожилой солдат лежал в стороне. Он был перетянут по голому животу обручем бинта, который побурел от крови. Ее так и не удалось унять. Проступавшие пятна слились в одно большое пятно, и солдат перестал стонать.

Я не мог покинуть этих людей. У меня уже дрожали руки и болело плечо от отдачи автоматного приклада. Но я видел в прорезь прицела фашистских солдат: в больших касках они напоминали саранчу, и палец сам нажимал на спусковой крючок...

Когда минометы опять стали молотить по мельнице, я забыл, что мое время вышло. Когда рядом блеснула вспышка разрыва, я шагнул вперед и закрыл собой Михайлова. Я не подумал, что нельзя переделывать прошлое и он все равно умрет. Я просто шагнул вперед. Ведь я из будущего. Меня не могут убить...

Меня ударило в грудь. А потом земля ударила меня по лицу. И стало нестерпимо душно. Михайлов испуганно спросил:

— Что с тобой, Володька?..

Острый нож царапнул мне грудь. Я догадался, что Михайлов разрезает на мне гимнастерку, чтобы перебинтовать, вспомнил, что время мое давно вышло, и понял, что умираю...

Я закончил доклад. И хотя в моей груди теперь билось искусственное сердце, которое управлялось электростимулятором, мне все же казалось, что от волнения оно стучит чаще, чем обычно.

— Подведем итоги вашей командировки, — сказал профессор. — Во-первых, вы вели себя крайне легкомысленно. Не историк, а просто мальчишка, начитавшийся старинных книг. Если бы лейтенант Михайлов, перевязывая вас, не расстегнул пряжку ремня и аппарат вызова не сработал бы автоматически, поисковая группа не смогла бы с абсолютной точностью выйти на место, и вы бы погибли. Ведь вас вывезли из XX века в состоянии клинической смерти.

Путешествия во времени, вплоть до особого распоряжения, запрещены Советом Республик, — сказал профессор. — Человечество не может вмешиваться в прошлое. Такие действия могут привести к неизученным еще изменениям настоящего. Вот так-то, неизвестный герой...

Мне никогда не забыть пережитого дня войны. Человеческого мужества, ужаса внезапной смерти. Нарастающего визга снаряда и дымящейся крови на снегу.

Иногда я достаю из стола подарок Алексея Михайлова.

Тупо и грозно заглядывает мне в лицо черное дуло пистолета.

Сквозь тысячи боев и миллионы смертей шло человечество к счастью. И мы будем всегда помнить об этом. Помнить каждого, кто погиб, защищая будущее.

Рассказ

ЗЕМНОЕ ПРИТЯЖЕНИЕ

Человеческая память несовершенна. И теперь, когда я хочу день за днем восстановить свое не совсем обычное детство, перед моими глазами встают отдельные картины, словно оторванные друг от друга кадры чудом сохранившейся киноленты.

Меня, наверное, очень любили и баловали: ведь я был единственным ребенком на звездолете «Россия». А вот автоматы, послушные и безотказные помощники взрослых, не обращали на меня никакого внимания. Даже у кухонного автомата, самого безобидного и доброго работника, я не мог выпросить кусочка сахара. Пока ему не приказывал кто-нибудь из экипажа, он смотрел на меня недружелюбно и молчал.

Только потом я понял: автоматы были настроены так, что «не слышали» моего голоса. А тогда, помню, я здорово обижался. Ребенку трудно было понять, что это машины. Они мне казались живыми — умные, смелые, спокойные...

Ясно запомнился день, когда звездолет опустел. Все вдруг куда-то исчезли. Только у пульта управления, не сводя глаз со стрелок и лампочек, сидел дядя Женя.

Чтобы ему не мешать, я уселся в уголке и начал строить башню из кубиков. Очевидно, игра меня увлекла, я увенчал свое сооружение шпилем (такие башни я видел на картинках), и вдруг началось непонятное...

Кто-то злой и огромный встряхнул звездолет. Кубики мои разлетелись, я хотел броситься к дяде Жене, но не смог даже встать. На мой крик дядя Женья не отозвался. Ему было, наверное, не до меня.

Но еще больше, чем вибрация, которая сотрясала корабль, меня испугали автоматы. Их всегда спокойные желто-зеленые глазки стали багровыми, будто налились кровью. Свет в кабине погас, только красные лампы вспыхивали и затухали, приборы судорожно перемигивались. Голубые экраны перечеркивали, сплетаясь, прерывистые молнии.

Что-то невидимое оторвало меня от пола, втиснуло в мягкую обивку стены. Я потерял сознание...

Родителей я почти не помню. Фотографии и киноленты постепенно вытеснили из памяти их облик, подменили собой живые лица. И когда я хочу припомнить отца, я слышу внутренним слухом только голос, записанный рацией звездолета: «Прощай, малыш... Мы с мамой тебя целуем...» Потом какой-то треск, грохот разрывов и приказ второму пилоту: «Ведите корабль к Земле! Ведите корабль к Земле! Передайте: экипаж погиб на планете... Несчастье... Ведите... к Земле... Передайте Земле...»

Голос отца глухой, словно сдавленный болью, с трудом прорывается сквозь несмолкаемый грохот и треск.

О межзвездном полете «России» и о загадочной гибели экипажа на одной из планет в созвездии Эридана написано много: ведь это был первый полет человека за пределы Солнечной системы. И к тому, что всем известно, я не смогу добавить ничего нового. Пятилетний ребенок и потрясенный трагедией пилот остались вдвоем на опустевшем звездолете, и вот десять бесконечных лет полета домой, на Землю...

Евгений Васильевич Карелов, второй пилот и мой второй отец, воспитывал меня как мог... Автокосмонавт, неторопливо помаргивая зелеными лампами, ведет корабль по заданному курсу, а дядя Женья рассказывает про будущий дом наш — планету Земля. Но мне трудно его понять. «Дождик», — ласково говорит дядя Женья, и я вспоминаю частые удары по корпусу звездолета, усталое, напряженное лицо с пристальным взглядом утомленных глаз: дядя Женья ведет корабль сквозь метеоритный дождь. «Небо, понимаешь, синее-синее», — продолжает рассказ пилот, а у меня перед глазами черная, как угольная яма, бездна. «Солнце, наше солнышко», — вспоминает дядя Женья, а я не

понимаю его тоску, потому что желтая звезда, которую он мне показывает в телескоп, ничем не лучше тысячи других звезд, застывших в безмерной черноте. Видовые кинокартины тоже мало помогали: все эти луга, моря, горы казались мне такими же придумками, как сказки об Иване-царевиче и Сером Волке.

Когда я подрос, мы с дядей Женей стали часами просиживать в библиотеке. Электронная машина перед полетом запомнила многие земные книги и теперь читала нам вслух. Она знала все: рассказы и романы, стихи и сказки. Она мне казалась необыкновенно умной, прямо-таки волшебной машиной. И даже дядя Женя относился к ней с уважением: ведь мы тогда не знали, что электронные библиотеки есть в каждом доме на планете Земля.

Люди в книгах были странные: они воевали, влюблялись, добывали какие-то «деньги». А планета Земля, которую так хвалил дядя Женя, мне казалась тогда не такой уж прекрасной: две страшные области — Пустыня и Океан часто губили людей. Но все-таки с каждым годом мне все сильнее хотелось побывать на этой планете. Ведь на ней родились дядя Женя, папа и мама. С нее ушел в космос наш звездолет... И наконец, на единственной во всей Вселенной планете — на Земле люди помнили о нас. Планета Земля помогала дяде Жене вести корабль точно по курсу, планета Земля разговаривала с нами, планета Земля уже долгие годы ждала нас.

Старые книги рассказывают: мальчишка-юнга с верхушки грот-мачты кричит: «Земля!» И капитан, проблуждавший два года в неизвестных широтах таинственного океана, смахивает радостную слезу... Дядя Женя не видел Землю двадцать один год, но, когда автомат распахнул люк звездолета, пилот только сказал: «Пошли, малыш...» — и взял меня за руку. Мы вместе ступили с трапа на твердую планету Земля.

Так вот ты какая, Земля! Над головой в голубизне плывут охалки чего-то плотного, но легкого, белого, розовеющего по краям; под ногами — плиты серого камня; вдали темно-зеленая, тусклая кайма... «Космодром», — догадался я.

Огромное поле космодрома пустынно. Потом с дальнего края поднялась железная стрекоза и, блестя вращающимися крыльями, полетела к нам. Она опустилась совсем рядом,

и я опасливо попятился к трапу. Дядя Женья крепче сжал мою руку: «Вертолет». Хлопнула дверца, из живота стрелы вышло двое людей.

Первый, высоченный, черный, как небо, сказал, наклоня курчавую голову:

— Поздравляю с прибытием! Давайте знакомиться.— Он улыбнулся, на черном лице блеснули зубы.— Меня зовут Тангар. Сейчас я работаю Председателем Совета Республик Солнечной системы. Вот,— Тангар показал на своего коренастого беловолосого спутника,— Главный Космонавт Республик Грат.

Дядя Женья шагнул вперед, вытянулся:

— Второй пилот звездолета «Россия» Карелов, сын погибшего капитана звездолета «Россия» Андрей...

Тангар поднял руку:

— Знаю, все знаю. Связь «России» с Землей была. Хотя с перерывами, но была... О вас все знают. Люди на Земле, Марсе, Венере, на далеких спутниках Сатурна и Урана сейчас наблюдают за нашей встречей. От имени людей Солнечной системы приветствую и благодарю вас.— Он снова низко склонил перед нами свою большую курчавую голову...

...Главный Космонавт встал, обошел стол, заваленный киноплёнкой, кассетами с магнитофонной лентой, осколками минералов и странными кристаллами.

— Великое дело,— негромко сказал Главный Космонавт,— вечная память людям, погибшим на планете Несчастья. Вы так ее называли, Карелов, в своей радиограмме. Под таким именем планету и занесли на звездные карты. Со временем мы раскроем загадку этой злосчастной планеты. А теперь,— Главный Космонавт присел на край стола, помолчал,— а теперь подумаем о вас... Двадцать один год полета на субсветовой скорости — пять сотен обычных земных лет... Вам нужно отдохнуть, осмотреться, многое узнать, Карелов. Мальчику — привыкнуть к Земле, приобрести друзей, выбрать профессию. Где бы вам хотелось пожить? Европа, Африка, Америка?

Дядя Женья усмехнулся:

— Через пять веков родственников, конечно, не сыщешь... Я бы хотел поселиться с малышом где-нибудь под Рязанью. Стосковался, знаете, по березе да по рябине...

— Ясно. Только учтите, что под Рязанью теперь субтропики, а климат среднерусской полосы отодвинулся к Полярному кругу. Полетите туда?

— Хорошо,— вздохнул дядя Женья.— Только я хотел бы поехать, а не полететь.

Главный Космонавт развел руками.

— Понимаю вас, но наземный транспорт, исключая монорельсы, не сохранился...

— Гладно,— дядя Женья поднялся с кресла.— Разрешите задать вам еще вопрос? Какой вы национальности?

— Что? Ах, понимаю: где я родился? Я землянин. А Тангар, к примеру, венерианец, родился на Венере.

— Так. А почему вы говорите по-русски?

— Все люди теперь свободно владеют шестью языками. Один из них — русский. Вас еще что-нибудь интересует?

— Ну... думаю, для первого дня новостей хватит. Когда можно будет выехать...— дядя Женья запнулся, словно позабыл нужное слово,— домой?

— Мой ракетоплан к вашим услугам. Но если желаете, отправляйтесь на монорельсе. За это время дом для вас подготовят.— Главный Космонавт протянул руку сначала дяде Жене, потом мне: — Значит, на Север!

— Да, в Россию...

Проснулся я оттого, что теплый ласковый свет щекал лицо: в квадратный застекленный иллюминатор били желтые лучи огромной звезды. Я кинулся к дозиметру, с которым мы никогда не расставались. К моему удивлению, тонкие, почти незаметные стекла совершенно не пропускали радиоактивных частиц. Прикрыв ладонью глаза от слишком яркого света, я подошел поближе к иллюминатору.

Всплывающая над горизонтом звезда была круглой, алой, окруженной узким желто-розовым ободком. От нее разбегались по прозрачному, как синяя вода, небу розовые, золотистые, белые облака. «Красиво»,— подумал я, опуская взгляд, и тут же в испуге отпрянул от иллюминатора. Огромное чудовище, вцепившись в серую почву единственной толстой ногой, протянуло к стеклу узловатые лапы. Его темные, извилистые лапы почти неподвижны, но трехпалые ладони, трепеща от жадности, тянулись ко мне. Они были бесчисленны, зеленые, тонкие, дрожащие.

— Дядя Женья! — закричал я, бросаясь к белому прямоугольнику люка.— Дядя Женья!

Дверца люка открылась, и дядя Женья шагнул ко мне.

— Доброе утро, Андрейка. Как спал?

Я в ужасе показал пальцем на многолапое чудище. Дядя Женья улыбнулся:

— Не пугайся, малыш. Это клен. Земное дерево. Абсолютно безвредно. И очень красиво.

Он подошел к иллюминатору и стал поднимать стекла. Я не спускал глаз с дозиметра. Лицо мне тронуло прохладным, удивительно свежим ветром. И... ничего, дозиметр не предупреждал об опасности.

— Бедный малыш! — Дядя Женья провел большой, твердой ладонью по моей голове, вынул у меня из рук дозиметр и небрежно бросил его на стол. — Землю защищает от радиоактивности воздух, атмосфера. Деревья на людей не кидаются. Солнце, — он показал на круглую, ставшую теперь желтой звезду, — согревает нас. Я же тебе обо всем этом рассказывал, малыш...

Да, жизнь моя на Земле началась с ошибок. И по тому, как мне было нелегко приспособиться к жизни на давно обжитой планете, я понял, насколько же труднее бывает разведчикам на вновь открытых планетах.

Казалось, про нас забыли. Никто нас не навещал, никто не мешал дяде Жене вспомнить, а мне узнавать Землю.

По утрам дядя Женья готовил завтрак (собственноручно, кухонные автоматы он надменно игнорировал, ворчал: «Надоели на звездолеге, вот возьму да и вернусь на пятьсот лет назад»). Потом, после завтрака, он усаживался перед электронной машиной послушать, как он говорил, новости. Зачастую новости были двухсот- или трехсотлетней давности, и поэтому дядя Женья называл машину «старая сплетница». Но оттащить его от «старой сплетницы» было невозможно: ерзая в кресле, блестя глазами, дядя Женья заставлял ее иногда по несколько раз рассказывать и показывать одно и то же. «Малыш, — кричал дядя Женья, — иди сюда!» Я подходил: на телеэкране волны надвигались на горбатые желтые пески. «Сахара!» — взволнованно покашливал дядя Женья. Или автоматы строили город из стекла и металла. «А это Марс, малыш...».

Я еще на «России» слышал от дяди Жени, что в пустынях будут моря, а планеты заселят люди. И я не понимал, почему дядя Женья так волнуется: ведь он все это знал заранее. Я торопился в сад, в лес — на Землю (с нашим домом я быстро освоился и больше не называл окно иллюминатором, а дверь входным люком).

Нет и не может быть во всей Вселенной планеты лучшей, чем Земля! Вы родились и выросли на ней, пригляделись и не замечаете, что вся она — сплошное чудо. Вот хоть воздух. На звездолете исправно работали регенераторы, ионизаторы, воздух был насыщен кислородом, дышалось легко.

Но разве можно сравнить этот обычный, искусственный воздух с земным! Днем он теплый, медовый, настоенный на луговых цветах и травах; пронизанный лучами солнца, он и сам кажется золотистым и густым, как топленое молоко. А вечером, когда планету заливают голубая влага, воздух прохладен и душист, словно в комнату внесли охапку лесных, мокрых от росы ландышей.

Застывшие в черноте где-то впереди корабля врывающиеся в телескоп алмазными, колющими глаз остриями звезды достаточно надоели мне за годы полета. Но на Земле они совсем другие. Зеленоватые, чуть мерцающие, они плывут по темной синеве неба, плывут медленно, почти незаметно. И огромный семизвездный ковш Большой Медведицы всю ночь черпает и не может вычерпать бездонного пространства...

А деревья! Может быть, самое большое земное чудо — деревья. Одноногие и многорукие, они разбрелись по всей планете, несмотря на свою, казалось бы, полную неподвижность. Клен, которого я так испугался в свое первое земное утро, добродушный, ласково помахивающий своими бесчисленными листьями, похожими на детские ладошки. Береза, опутившая легкие пряди ветвей до белокорых колен, задумчивая и нежная береза. Стремительная, рыжая стрела летящей ввысь сосны. Елка — темно-зеленый шатер с островерхой светлой макушкой... Трепетная, круглолистная осина... Дуб-богатырь, развернув грудь, плотно прижав крепкие, словно из позеленевшей бронзы вырезанные листья, бесстрашно встречает ветры на опушке леса, заслоняя собой более слабых. И ветры, ударившись о его твердую, потрескавшуюся кожу, поворачивают вспять...

Облака. На них можно смотреть часами. То белые, распластанные в полете, как лебединые крылья, то густо-синие, словно черные, глыбы, громоздящиеся друг на друга, откуда-то изнутри с грохотом раскалываемые фиолетовыми клиньями молний.

Цветы. Солнечные капли лютиков и густая кровь георгинов. Скромные иван-да-марья и пиршество запахов, красок, форм — розы...

Звуки. Молоточки дождя, шелест травы, треск кузнечиков и по ночам соловьи, перекатывающиеся в горле шарики из хрустально чистого, необыкновенно звонкого серебра...

Я влюбился в Землю. «Разве можно,— думалось мне,— променять такую прекрасную планету на какую-нибудь другую? Разве можно попрощаться с ней и на годы улететь в черную пустыню космоса? Нет, никогда. Дядя Женья тоже больше никуда не полетит, мы выберем себе земные профессии, мы будем жить только на Земле!»

Шли дни, похожие один на другой, как далекие звезды. Но дядя Женья уже больше не задавал своей машине вопросов о прошлом. Теперь на телеэкране появились схемы и чертежи: звездолеты различных конструкций, двигатели, солнечные паруса... Дядя Женья стал рассказывать по террасе молча, руки заложены за спину, брови сползли к переносице. С ним бывало такое и раньше на «России», но тогда я знал: он тоскует по дому, по планете Земля. А теперь ведь мы наконец прилетели, мы дома, мы никуда не собираемся... А он с утра ходит по террасе — пятнадцать шагов вперед, пятнадцать шагов назад, будто снова в рубке звездолета.

Сегодня дядя Женья сказал:

— Не убегай далеко, малыш, у нас будут гости...

И вот мы сидим в гостиной перед матовой стеклянной стеной. Вскоре она осветилась, и я увидел строгое, чуть печальное лицо Главного Космонавта и ослепительную улыбку Тангара.

— Как живете, товарищи? — спросил Тангар. — Отдохнули? Чем хотите заняться?

Дядя Женья встал, поблагодарил за внимание. Потом, ломая в пальцах зубочистку (он всегда так делает, когда волнуется), спросил:

— Мог бы я ознакомиться с последними системами космических кораблей? Чертежи и схемы не дают, видите ли, полного представления...

Лицо Главного Космонавта потеплело:

— Вы хотите вернуться к профессии межзвездного пилота?

— Да... То есть не совсем... — Дядя Женья запнулся, минуту помолчал и продолжал уже спокойней: — Я бы не хотел расставаться с мальчиком. А малыш не хочет улетать с Земли. Ведь в полете мы мечтали о возвращении

на родную планету. Я столько рассказывал мальчику о ней. И нет ничего удивительного...

— Чего же вы хотите? — удивился Главный Космонавт. — Я вас не понимаю...

— Я просто хотел бы ознакомиться со звездолетами последних конструкций.

— Пожалуйста. — Главный Космонавт, недоумевая, провел ладонью по волосам (теперь я знал, что они не светлые, а седые). — Может быть, вы не хотите говорить прямо потому, что рядом мальчик? Но ведь ему тоже придется делать выбор... Вам, Карелов, будут предоставлены все возможности для ознакомления со звездолетами. Вы увидите корабли, по сравнению с которыми ваш звездолет, бывший когда-то чудом технической мысли, — музейный экспонат. И вам, пилоту-испытателю, пилоту-космонавту, несомненно, захочется летать...

У меня заколотилось сердце. Неужели дядя Женья, единственный близкий мне человек, оставит меня? Он слушал, склонив голову так, что я почти не видел его лица. А Главный Космонавт продолжал:

— Вы сами знаете, Карелов, что я прав. Значит, все дело в мальчике. Кем ты хочешь быть? — повернулся ко мне Главный Космонавт.

Я тоже встал, подошел к дяде Жене и сказал, чувствуя на плече его большую твердую руку:

— Еще не знаю. Но я не хочу расставаться с дядей Женьей и не хочу улетать с Земли.

— Постой, Грат, — сказал Тангар, — так нельзя! Дай мне...

Он занял вдруг весь телеэкран, словно вошел в нашу комнату. Усаживаясь поудобнее в кресле, Тангар сказал:

— Садись, малыш. Потолкуем...

Мы сидим в одинаковых креслах, почти касаясь друг друга коленями. Тангар неторопливо расспрашивает:

— Что бы ты хотел делать, малыш? Лечить людей? Строить машины? Выращивать деревья? Писать стихи? Мы дадим тебе возможность научиться всему, чему ты захочешь.

— Я еще не выбрал, дядя Тангар, — отвечаю я тихо. — Но я бы хотел иметь земную, только земную профессию.

— Ты чудака, малыш! — усмехается Тангар. — «Только земных профессий» теперь нет. Ведь и раньше не было рязанских и донских, немецких и французских профессий. Люди жили тогда на Земле, и все профессии были земные.

А теперь мы живем на планетах Солнечной системы и нет профессий земных и марсианских, юпитерских и венерианских... Понимаешь? Вот посмотри сегодняшнюю телегазету.

Тангар исчезает. А на экране загораются крупные заголовки: «Требуется космознергетики для работ на Венере», «Садовники вылетели на Марс», «Молодежь, на освоение Сатурна!», «Второй день нет известий от геологов с Плутона», «Экипаж звездолета «Вперед» сообщает нашим планетам...»

Надписи пропадают с экрана. Тангар, по-прежнему улыбаясь, сидит против меня.

— Понял, Андрей? Люди живут на планетах единой семьей.

Я киваю головой:

— Понял. Но я все-таки хотел бы жить только на Земле...

— Хорошо подумай, Андрей! — Темное лицо Тангара становится суровым. — Я думал, ты не все знаешь, а ты просто эгоист. Ты хочешь жить на старой, удобной и самой благоустроенной планете. А другие? Они должны жить где похуже, да? Конечно, если ты хочешь, мы сделаем для тебя исключение. Ну, скажем, как для не сумевшего преодолеть земного притяжения. Но ведь это не по-товарищески, малыш...

Я краснею. Это на самом деле не по-товарищески. И тут у меня мелькает счастливая мысль.

— Нет, — кричу я, — не так! Пускай все люди живут на Земле! И пускай всем будет хорошо! Ведь она такая красивая!

— Для одной Земли людей слишком много, — светлеет в улыбке Тангар. — Исчезло большинство болезней, нет войн, голода, самоубийств. Средний возраст человека — сто пятьдесят лет. Мы уже заселили многие планеты Солнечной системы, и, поверь мне, малыш, скоро они будут ничем не хуже Земли... А потом ты же не знаешь: может быть, красные марсианские леса тебе понравятся больше зеленых земных. Так кем же ты хочешь быть?

— Я очень люблю земные деревья, дядя Тангар...

— Прекрасно, — взмахивает рукой Тангар, — скоро мы будем закладывать земные леса на моей родной Венере. Научись этому делу — приезжай. Я тебя буду ждать.

— Но ведь ты Председатель всей системы, — удивляюсь я, — и ведь ты живешь на Земле...

— Не совсем так, мой мальчик, — смеется Тангар, — не совсем так. Председатель — это общественное поручение, как говорили раньше. Это всего на два года. А потом я уеду к себе на Венеру...

— А почему Председателем выбрали тебя? — спрашиваю я.

Тангар пожимает плечами:

— Я историк. А историков выбирают чаще, чем других: мы хорошо помним людские ошибки...

Я не совсем понял, но продолжаю спрашивать:

— А Главный Космонавт? Его тоже снова не выберут?

— Космонавт — это профессия, мой мальчик. И пока Грат — лучший Космонавт Республики, он и будет, конечно, Главным Космонавтом.

Мы помолчали. А потом я сказал тихо-тихо: мне не хотелось, чтобы даже дядя Женья это слышал:

— А может быть, я буду поэтом, дядя Тангар. Мне очень нравятся стихи.

— Великолепно! — обрадовался Тангар и протянул руку, словно хотел коснуться меня. — Но тогда тебе придется, малыш, много летать. Ведь ты будешь говорить с миллиардами людей — с учеными, пилотами, инженерами... Они смелые люди, малыш, и тебе, чтобы понять их, придется побывать вместе с ними в лабораториях, экспедициях, на планетах и астероидах... Запомни, Андрей, никогда, какую бы ты профессию ни избрал, ты не будешь нуждаться ни в еде, ни в одежде, ни в жилье. Но если ты будешь жить только для себя, люди не будут тебя уважать. А это очень тяжело, малыш, когда люди тебя не уважают. Уж ты мне поверь: я историк, и я многое видел...

Тангар уплыл вместе с креслом куда-то вправо, а на его месте появился Главный Космонавт.

— Значит, договорились, Карелов, — продолжил он разговор с дядей Женьей. — Вы будете работать на космодроме... Ну хотя бы в районе старого Новосибирска. Кстати, там есть и Институт лесоводства, куда мальчик сможет поступить, окончив школу...

Желаю вам обоим удачи...

Уже больше двух лет прошло с той памятной беседы. Дядя Женья дважды летал — на Марс и Сатурн. И потому, как он иной раз ворчит, что не желает быть межпланетным извозчиком, я понимаю: его уже тянет к звездным полетам.

А я полюбил свою будущую профессию. Побывал в тропических джунглях Казахстана и в суровых лесах Антарктиды... А иногда, почему-то чаще всего по вечерам, когда дяди Жени нет дома, меня тянет на родину — на «Россию».

Я веду ракетоплан к небольшому, известному теперь каждому школьнику островку. Солнце закатывается за выпуклый, вспененный край океана. На черный, отполированный бурями базальт отвесных скал накатываются волны. Они бегут одна за другой, гневно встряхивая седыми гребнями, и с грохотом, подобным раскату грома, расширяются о берег. А «Россия», нацелив в небо стремительный, обгорелый, рябой от метеоритных дождей корпус, словно летит, вечно летит к далеким блистающим неизвестным звездам.

Автомат распахивает передо мной люк звездолета, и я переступаю высокий порог. Здесь все, как прежде. Автоматокосмонавта можно спросить о температуре и плотности воздуха, можно приказать ему проложить курс до Луны. Он все это сделает, но не сможет сделать только одного — выполнить команду «старт!», потому что в двигателях нет горючего. Автоматы содержат корабль в чистоте и порядке.

Электронная машина может по вашей просьбе прочитать вам Шекспира и Толстого, Блока и Хемингуэя.

Я медленно прохожу по отсекам звездолета, и старый корабль, кажется, узнает и приветствует меня. Потом я захожу в рубку управления, выдвигаю телескоп. И почему-то чаще всего я навожу его на созвездие Эридана. Там, вокруг одной из его звезд, невидимая с Земли, проносится планета Несчастья. Какая она? Почему погиб именно на ней экипаж «России»? Есть ли на планете жизнь, леса, моря, реки? Не знаю. Никто не знает. Главный Космонавт только через два года собирается послать туда экспедицию. А меня уже сейчас тянет в полет. Почему? Потому ли, что я внутренним слухом все чаще слышу голос отца, говорящего со мной с планеты Несчастья? Или я просто мечтаю, как тысячи мальчишек, попасть в интересную и опасную экспедицию? Не знаю...

В телескопе плывет далекое созвездие Эридана и ничего не желает рассказать о своих тайнах. Человеку придется их вырывать у Вселенной, как всегда, с боем...

А Тангар ждет меня на Венере. Во время нашей вчерашней телевстречи мы обсуждали с ним возможности роста земных пальмовых лесов на его жаркой планете.

I

Как все несчастья, это случилось неожиданно и глупо.

Наша работа на планете ВА-791 заканчивалась. Через два земных месяца звездолет должен был снять нас с этой занумерованной, даже не имеющей названия планеты. Старик то просиживал целые дни в лаборатории, то скитался по красным откосам гор. А я скучал.

Я — помощник Старика по техническим вопросам. А проще — механик, шофер и летчик. И конечно, отвечаю за жизнь этого межпланетного бродяги. Это и понятно. Ведь он даже родился на звездолете, руководил десятком экспедиций, сажал леса на Венере... Короче говоря, его имя знают школьники, с восторгом произносят студенты... А я — ничем не примечательный человек двадцати двух лет.

Планета ВА-791 — скучнейшая в космосе. Представьте себе шар, на котором нет ни одного ровного места. Кончается одна гора, начинается другая. Цвет почвы красно-коричневый, словно она создана из битых музейных кирпичей. Вершины гор плоские, как обеденный стол, заросли густым и цепким кустарником.

В этих зарослях водятся животные, напоминающие сусликов. И наверное, чтобы они, расплодившись, не сожрали всю растительность, за ними охотятся хвостатые, красноглазые твари. Они не больше кошки, но с узкими собачьими мордами и голыми крысиными хвостами.

Более омерзительных животных, наверное, не отыщешь во Вселенной. А Старик целый год возится с ними. Сначала у него дело не ладилось, и твари подыхали десятками, а теперь все вроде нормально. Несколько крысо-собак живут в вольере при лаборатории.

Несчастье, как я уже говорил, произошло неожиданно и глупо. Обычно, если Старик не работал в лаборатории, он уходил в горы. Регулярную радиосвязь с базой, несмотря на все инструкции и мои требования, Старик никогда не поддерживал. Он говорил, что эти дурацкие переговоры только мешают работать. И я, привыкнув, особо за него не

тревожился. Несмотря на свои шестьдесят лет, Старик был здоров и крепок. К тому же он был хорошо вооружен.

Я обычно настраивался на его волну и, услышав в конце дня координаты, вылетал к нему на вертолете.

В этот проклятый день радио вдруг загрохотало на аварийной волне: сигнал тревоги. Я немедленно поднял железную стрекозу в воздух.

Автопилот повел машину точно по тревожной нитке аварийного вызова. Сокращая расстояния, он бросал вертолет в узкие ущелья, резко перескакивал через вершины.

И вот, наконец, длинный, крутой, покрытый россыпью красного щебня склон и неподвижная человеческая фигура.

Я успел вовремя. Старик терял сознание. На вершине горы возбужденно суетилась стая крысо-собак. На склоне в трех местах щебень блестел, как расплавленное стекло. Значит, Старику уже пришлось отгонять их вспышками лучевого пистолета...

В кабине осмотрел Старика. Даже с моими врачебными познаниями нетрудно было понять, что дело плохо. Сломаны ноги, перебито два или три ребра; кисти рук, с которых лоскутами сорвана кожа, сочились кровью. И кажется, только голова, защищенная пластиковым шлемом, была не повреждена.

Я запеленал Старика болеуспокаивающими бинтами. Он очнулся, в его серых, всегда жестких и спокойных глазах были растерянность и тревога...

На базе я уложил Старика в ванну с анестезирующим раствором.

За полчаса полета лицо Старика осунулось, щеки ввалились, под глазами синие тени, но сами глаза теперь смотрели жестко и твердо. От растерянности и страха не осталось и следа.

— Я скоро умру, Март,— сказал Старик. Голос был слабый от перенесенной боли и потери крови, но звучал он, как всегда, спокойно.— Ты это знаешь не хуже меня...

Он замолчал, собирая силы для какого-то решения.

— Последние годы здесь и на других планетах я работал над проблемой бессмертия. Не вытаращивай глаза, я еще не сошел с ума... Так вот. Клетки человеческого тела, конечно, стареют. И остановить этот процесс пока невозможно. Но человек умирает только тогда, когда умирает его мозг. Тело в конце концов это — всего-навсего инстру-

мент, управляемый мозгом. Если сумеешь сохранить мозг, передать его другому телу — человек фактически станет бессмертным.

Пересадка мозга невозможна. Все это знают. И я пошел по другой дороге...

У крысо-собак этой планеты интересная особенность. Они всегда живут и охотятся стаями. И вожак у них не обязательно самый сильный, как у других животных, а самый опытный, умный, хитрый...

Я отлавливал вожakov, готовил из клеток их мозга экстракт и вводил его потом под череп щенкам и самкам, вживлял им в череп специальные передатчики и отпускал на волю. И они становились вожаками стаи. Укол шприца передавал им весь опыт, все знания, которые годами накапливались в мозгу вожака.

Метод изготовления экстракта подробно разработан и записан. Операцию проводит робот, которого мы с тобой сконструировали...

— Март, мой мальчик, — продолжал Старик (так он ко мне никогда не обращался — в голосе звучала просьба и нежность), — введение экстракта мозга можно сделать и человеку. Я умираю. Но я не хочу умирать, я не хочу, чтобы все мои знания, умение, опыт исчезли. Я завещаю все это тебе... Робот проведет операцию, и ты получишь все, что я знал, умел, видел...

Подумай над моим предложением, Март, и я продиктую завещание. Чтобы никто не мог тебя обвинить... — Старик устало прикрыл глаза.

Подумай... А что тут думать! Я, двадцатидвухлетний механик, стану одним из уважаемых ученых и путешественников на Земле. Слава! Влюбленные глаза женщин, восторженный гул аудиторий... Экспедиции, которые под моим руководством уходят в пустыню космоса и возвращаются на ликующую Землю.

— Включи магнитофон, — сказал Старик, словно угадав мое согласие. — И предупреди робота. У нас мало времени.

Лампы в лаборатории вспыхнули, когда я перешагнул через порог. Робот — хирург встал с железного стула. Я со страхом покосился на его блистающие никелем пальцы.

— Операция по пересадке болезненна? — спросил я. И тут же подумал: что эта усовершенствованная машина может знать о боли? Дурацкий вопрос. Но робот ответил:

— Для того, у кого берут мозг. Анестезирующими средствами пользоваться опасно: мозг теряет ясность мышления. Вводят же экстракт под глубоким наркозом. Пациент боли не ощущает.

— Приготовь Старика к операции.

Робот отступил на шаг и отчеканил:

— Такие опыты производятся только на животных.

Пререкался с ним было бесполезно, и я сказал:

— Иди за мной...

Старик, услышав железные шаги робота, открыл глаза. Он, наверное, уже продиктовал завещание, и диски магнитофона вращались впустую.

— Пусть он послушает,— Старик указал глазами на магнитофон.

Робот слушал завещание Старика, которое кончалось приказом для него, механического хирурга, опустив железную голову. Конечно, на металлическом лице-маске у робота ничего не отразилось, но я готов поклясться, что он бы заплакал, если бы мог.

Робот легко поднял ванну, в которой лежал Старик.

— Будьте готовы, Март. Я вас позову...

II

Голова сильно болела. Впрочем, не то слово. Череп был тонким, как яичная скорлупа. Еще минута — и он разлетится. Надо мной заботливой нянькой склонился робот:

— Операция прошла нормально. Сейчас введу болеутоляющее...

Шприц вошел в вену. Боль стала проходить, и я заснул.

Второе пробуждение было обычным. Только слабость и звериный аппетит. Никаких изменений я не ощущал. Я не поумнел, знал и помнил то, что и прежде, до операции.

После сытного завтрака, преодолевая сонливость, прошел в лабораторию, сел за стол Старика.

Я просматривал его записи, кривые стенографические крючки и ничего в них не понимал. И ощущал только тоскливое, сосущее беспокойство.

Вышел из здания, постоял во дворе, щурясь на яркую звезду, плывущую по сиреневому горизонту, и вернулся в лабораторию. Беспокойство почему-то усиливалось, я не находил себе места.

— Закурите трубку,— сказал робот.

Это еще зачем? На Земле давно уже бросили курить, и только некоторые старики так и не смогли отказаться от привычки отравляться табачным дымом. Мой Старик курил трубку. Изгрызанный черный мундштук всегда торчал из кармана куртки. На столе лежала еще одна — слегка изогнутая, с чубуком из светлого вереска. От нее всегда тяжело и неприятно пахло табачным перегаром.

— Закурите трубку,— повторил робот,— вы успокоитесь...

Ничего не понимая, я взял со стола эту, изогнутую, набил ее желтой сухой травой, которая хранилась Стариком в деревянной шкатулке. Робот щелкнул электрозажигалкой. Горький дым обжег горло, слегка закружилась голова.

Робот оказался прав — беспокойство незаметно кончилось, и я стал соображать, чем заняться в первую очередь...

И вдруг, потрясенный догадкой, я опасливо положил трубку на блестящее стекло стола. Этого еще не хватало! Старик передал мне свои ветхозаветные привычки, а не опыт и знания. Я остался таким же, только вынужден буду на Земле каждый час искать уединенное место, чтобы всласть задымить все окружающее.

Несколько минут я сидел, словно оглушенный этой мыслью. А когда, наконец, вышел из лаборатории, заметил, что черный мундштук торчит у меня из левого нагрудного кармана. Точь-в-точь, как у Старика.

Сон, который я видел следующей ночью, был тяжел и тревожен. Серая, уходящая вдаль пустая площадь космодрома. Вдали виднелась ракета, ее стремительный корпус, казалось, готов врезаться в космос.

Рядом со мной стояла женщина. Я видел ее впервые. И в то же время очень хорошо ее знал. Более того, я помнил ее мягкие, теплые губы, помнил ее прохладное тело, помнил, что на левой груди у нее большая, с горошину, родинка. Я помнил ее недавние слезы и мои резкие слова, что ради семейного счастья не могу отказаться от дела всей своей жизни. Что я исследователь космоса, у меня есть долг перед человечеством, перед товарищами, перед собой, наконец. Я говорил так жестоко потому, что мне было ее жалко, потому, что я понимал: у меня был долг и перед ней, этой женщиной.

А на космодроме мы ни о чем не говорили. Мы оба зна-

ли, что в полетах на субсветовых скоростях я должен прожить дольше ее. Если не погибну, конечно...

Минуты прощания тянулись нескончаемо долго. Мы молчали. И когда на космодроме прозвучал сигнал: «По местам!», — я с облегчением поцеловал ее мокрые от слез щеки и пошел к ракете.

Я любил эту женщину. И горячий ветер сушил слезы на моих ресницах.

Проснулся на мокрой от слез подушке. Привычным движением набил трубку, медленно затянулся. Я понимал, что происходит. Мозг Старика обогащает меня информацией. Но зачем мне эта информация? Почему я должен плакать по ночам из-за того, что сорок лет назад, когда я еще не родился, Старик расставался с какой-то женщиной. И вдруг с ужасом понял, что я эту женщину помню наяву. Помню ее губы, голос, темную родинку. И тоскую о ней, этой никогда не виданной женщине. И отдал бы полжизни, чтобы тогда не улетать, а остаться с ней там, на космодроме...

Мне стало страшно. Я был один на маленькой планете и не знал, какой сюрприз мне преподнесет завтра окаймляющая память Старика.

III

Утром я, как всегда, установил связь с межпланетной базой. Передал: «Все в порядке. Работа продолжается». Конечно, это было нарушением инструкции, но я не мог сообщить о случившемся. Я ждал, пока мой мозг освоится с тем, что мне передал Старик. Точнее — пока его мозг освоится в моем. Я почти физически ощущал, как это происходит.

Сегодня, войдя в лабораторию и посмотрев на красноглазую крысо-собаку, вспомнил, что ее пора выпускать, вспомнил, как я (точнее Старик) поймал ее.

Это было несколько месяцев назад. Суки щенились, и на это время стаи животных распадались на пары. Мне нужен был щенок-несмышлениш, которого надо взять из логова, пока его ничему не успели научить хвостатые родители. А потом начинать его информацией, взятой из мозга старого вожака.

Было жарко. Красные камни надоедливо прилипали к намагниченным подошвам. Я карабкался на крутую, врезанную в небо красными камнями, вершину. Пот заливал

глаза, а сердце колотилось, раскачиваясь по всей грудной клетке, словно маятник, ходивший между горлом и диафрагмой. И я чувствовал, что оно не прослужит долго. Немыслимые перегрузки фотонных кораблей, бессонные ночи, едкая горечь разлук и, наконец, годы сделали свое дело. Сердце стучало с перебоями, как изношенный мотор...

В гору я лез потому, что там было логово.

В сырой пещерке лежало четыре детеныша. Еще без шерсти, слепые, с белыми мутными глазами. Я выбрал самого маленького, самого слабого. Положил его в прорезиненный карман и начал спускаться с горы. Но не дойдя до половины склона, вынужден был сесть и вызвать вертолет с базы.

Я помнил теперь одновременно за нас обоих. Помнил, как я сидел на теплом шершавом камне, чувствуя, как шевелится, перебирая лапами, щенок в кармане.

Помнил и то, как вел вертолет к склону этой крутой, неприветливой горы. Я начинал свободно владеть нашей обоюдной памятью.

Отчет о всем происшедшем уместился на листке отрывного блокнота. Межпланетная база, выслушав, молчала не меньше получаса. Потом попросили передать все вторично. И снова получасовое молчание.

Потом последовал приказ:

— Прекратить работы. К вам вылетает смена. Как себя чувствуете? Прием.

Ответил:

— Работы завершены. Чувствую себя хорошо. Жду смену...

Через неделю я сдавал планету двум космобиологам. Эксперимент в основном завершен, и мне здесь больше нечего делать.

Ракета рвалась сквозь черный, расшитый алмазными остриями звезд космос. Пилоты, очевидно, торопились. Перегрузки все сильнее вдавливали тело в эластичное кресло...

IV

Когда Земля, наконец, показалась в иллюминаторе, я засмеялся от радости. Она была необыкновенно красива — голубая округлая капля в завитках облаков. Казалось, пла-

пета дышит, облака — следы ее вздохов, остывающие в ледяном космосе.

Ракета повисла над серой пустыней космодрома. Языки пламени, вылетающие из дюз, становились короче. Наконец, металлические штанги, широко расставленные и массивные, как ноги Гулливера, коснулись Земли.

Неторопливо распахнулся люк. На бетонную плиту, звякнув, упала лестница.

Меня никто не встречал...

Я, конечно, не ожидал ни многолюдных демонстраций, ни бравурного рева оркестров. Космонавтика давно вышла из пеленок. Прошло и забылось время, когда каждый полет в космос становился чуть ли не всепланетным праздником...

И все-таки было обидно. Я закончил, довершил эксперимент Старика. Впервые в истории человечества произведена пересадка мозга.

Я был уверен, что меня встретят члены Совета Межпланетных связей...

Меня ожидали в космопорту.

— Здравствуйте, Март! — сказал, поднимаясь из кресла, светловолосый парень, с хорошо натренированной фигурой спортсмена. — Я из института Граджа. Профессор просил вас сразу же приехать...

Это неплохо. Градж так же известен, как мой Старик. Работы в Институте космобиологии неувядающий, ученые иной раз неделями ждут его консультаций. А тут не успел, как говорится, ступить на Землю — и, пожалуйста.

В кабине маленького спортивного вертолета тесно. Я не мог оторвать взгляда от проплывающих внизу деревьев. Лицо моего спутника было непроницаемо. Он смотрел прямо перед собой. Ну, и черт с ним! Чересчур легко и просто досталось молодым то, что пришлось нам когда-то завоевывать трудом и кровью...

Профессор меня принял не в том, большом, хорошо известном по телепередачам кабинете, где проходили ученые советы, а в маленькой рабочей комнате. Старомодный деревянный стол, три жестких стула и стеллаж, туго набитый справочниками. Попасть в эту комнату считалось почетным. Здесь Градж работал, здесь, выключив все видеорации, он впрягался в науку и властно тащил ее за собой. На шаг, на полшага...

Он встал из-за стола, седой и красивый. Крепко пожал мне руку, всматриваясь в лицо небольшими, зоркими глазами. Потом кивнул на один из стульев:

— Садитесь.

Я было взялся за спинку стула и вдруг вспомнил, что у него надломлена ножка и Градж все никак не соберется сказать, чтобы стул починили. Я улыбнулся этому первому испытанию памяти Старика и сел на соседний стул.

— Так, — сказал Градж. — Курите?.. — Из стола вынырнул металлический штатив: две сигареты и ярко-красный огонек электрозажигалки. Я с удовлетворением затянулся крепким и ароматным дымом.

— Так, — вторично сказал Градж. — Значит, памятью Старика владеете свободно. Его привычки также перешли к вам. Рассказывайте. Не торопясь. По порядку.

Когда я закончил рассказ, в комнате синели сумерки, в которых светились два красноватых огонька сигарет. Градж зажег старомодную лампу под широким зеленым абажуром.

— Я считаю, что опыт был преждевременным. Старик поторопился. Вам, мальчик, придется туго. Если ваш интеллект достаточно силен и самостоятелен — грозит раздвоение личности. Понимаете, двое в одном. Это называется пизофренией. И вам придется лечиться. Если же интеллект Старика сильнее, вы будете жить его памятью и чувствами. А думаете, легко в двадцать два года обладать памятью старика?

— Но ведь не просто старика, — улыбнулся я, — а памятью Старика...

— Не хвались! — неожиданно крикнул профессор, ударив ладонью по столу. — Я же знаю, что ты сидишь в этом мальчишке. Все сам. Всегда сам. Желание облазить все планеты, сделать все открытия, прожить две жизни. Три! Десять!! Мне давно известны твои бредовые идеи бессмертия. Рано. Да и вряд ли нужно.

— Тише едешь — дальше будешь! — насмешливо перебил я. (Точнее не я, мне и в голову не могло прийти, что можно так разговаривать с Граджем. Я был просто рупором Старика). — Некогда! Понимаешь, некогда. У меня нет института, где бы я по крохам передавал ученикам свои знания. Я их отдал сразу.

— А кто тебе мешал работать на Земле? После истории с женщиной, которую ты любил и которую бросил, ты сокращал, как мог, свое пребывание на нашей планете. А ты

бы хотел иметь все — и бродячую жизнь космонавта, и любовь, и науку, и учеников...

— Не смей говорить о Зейге! — заорал я. — Это в конце концов нечестно! Это никого, кроме меня, не касается!

— Извини, — тихо сказал Градж. — Я не хотел делать тебе больно. — Он опустил голову.

— Что ты будешь делать дальше? — спросил профессор.

— Работать. Продолжать опыты. У тебя в институте.

— Пожалуйста. Можешь опять занять квартиру, где жил между своими полетами.

— Это еще зачем? Я буду жить у родителей. Они ждут меня.

— У родителей? — удивленно поднял брови профессор. — Ах да... — Градж улыбнулся. — Судя по нашему разговору, Март, шизофрении можно не бояться. Старик вселился в вас цепко.

Он обошел стол и тяжело оперся рукой о мое плечо.

— Тебе будет нелегко, мальчик. Очень нелегко. Помни, двери этой комнаты всегда для тебя открыты. Не стесняйся, приходи. Всегда, когда нужно.

Градж нажал кнопку видеорации.

— Вертолет к четвертой площадке. Вас отвезут к родителям, Март...

V

Если бы вы знали, как чудесно просыпаться на своей кровати. Старой, знакомой кровати, которая не выгибается под вами, эластично повторяя любой поворот тела, а чуть-чуть сопротивляется, упругая, словно живая. Утро входит в комнату теплым прямоугольником солнечного света. Кружкой холодного молока. Ласковым голосом мамы.

Вечер кончается бубенчиками — позывными знакомой с детства телепередачи. Поблескиванием толстых отцовских очков над глянцем книжных страниц. Ароматом крепкого чая над расписными чашками.

Я отдыхал, отдыхал каждой клеточкой тела. Валялся на теплом песке у речки. Загорал до черноты, не вспоминая ни об облучении, ни о радиации — первой опасности при ярком свете любой звезды. Дни тянулись лениво и медленно, а проходили почему-то быстро.

Мама только всплеснула руками, впервые увидев у меня

в зубах дымящуюся трубку. А потом я ненароком подслушал ее разговор с отцом.

— Оставь мальчика в покое,— говорил отец,— пусть курит, если уж привык к этому в космосе. Мы с тобой, мать, прожили жизнь на давно обжитой, удобной планете. А сын не захотел наследовать нашу профессию — выращивать хлеб. И не удивительно. О чем ему с детства кричали телегазеты, радиокниги? Техника, дальние планеты, космос... Ты видишь, как он устал в последнем полете. У него глаза бывают порой такие всезнающие, старческие... Помнишь, как Март любил книги? А теперь возьмет, полистает, усмехнется и ставит на место. словно все уже давно знает.

— Может быть, мальчик неудачно влюбился? — испуганно спросила мама.

— «Ищите женщину?» — усмехнулся отец. — Может быть, но скорее всего, он просто устал. Очень устал...

На другое утро мама вошла в мою комнату, притворила за собой дверь. Я сидел на постели, окна были открыты, и глаза блаженно щурились от заливающего комнату солнечного света.

Мама села рядом со мной, обняла и, притянув мою голову к своему теплomu и мягкому плечу, спросила:

— Что ты будешь делать после отдыха, Март?

Я видел близко-близко ее лицо, иссеченное лучиками мелких морщинок, встревоженные глаза. И мне почему-то захотелось заплакать, уткнувшись лицом, как в детстве, в ее добрые колени.

— Я буду работать в институте Граджа.

— Ты шутишь, мальчик, — улыбнулась мама. — У Граджа работают крупные ученые, а ты всего-навсего механик.

— Я буду работать у Граджа, — голос мой звучал почему-то высокомерно и нетерпеливо.

— Ты сделал важное открытие? — взволновалась мама. — И тебя пригласили в институт?

— Я буду работать у Граджа, — повторил я в третий раз.

Мама, вздохнув, ушла. А я почему-то заплакал, с силой вдавливая лицо в подушку. Откуда я знаю, что буду делать. Старик не мешал мне дома. Он словно отпустил меня на каникулы (очевидно, мои воспоминания детства оказались сильнее), но откуда я знаю, что будет дальше, когда я переступлю порог лаборатории?

VI

Когда я начал работать, пришлось поселиться при институте Граджа, в квартире Старика. Маленькая комната с жесткой, как стол, кроватью и длинным, как кровать, столом. Я ничего не менял здесь, только на голой стене повесил портрет Старика.

Старик стоял на плитах космодрома в скафандре, но без шлема. Бетер трепал его коротко стриженные волосы. А из-за спины вставала, разрезая горизонт надвое, ракета.

Я расшифровывал записи Старика, наговаривая их на магнитофонную ленту. Во-первых, боялся, что память может преподнести неожиданный сюрприз и я потом не смогу прочесть беглые степографические иероглифы. Во-вторых, когда я прослушивал эти записи, чужие мысли, произнесенные собственным голосом, казались почти моими. И, в-третьих, я, наверное, невольно оттягивал начало настоящей работы.

В небольшой кухоньке плита-автомат могла приготовить нехитрые блюда: отбивную, гренки, яичницу. И варила крепчайший кофе. Сначала у меня от такого кофе кололось сердце, а потом привык.

Ужинал в кафе на соседней улице. Там по вечерам было много народа. Мелькал сменяющимися кадрами вделанный в стену телевизор, но можно было не подключать наушники на своем кресле и, следовательно, не обращать на него внимания. Лампочки тоже зажигались на столах по желанию посетителей. Поэтому в кафе было по вечерам удивительно уютно. Ничто не гроыхало, не сверкало (к телевизору можно было сесть спиной), и я засиживался там часами, забывая о коктейле, в котором медленно таяли прозрачные кубики льда...

Она вошла неторопливой, спокойной походкой, которая невольно сообщалась всем, входящим в это кафе. Ее нельзя было назвать красавицей. Обычная девушка в обычном платье. Черные волосы, серые глаза. Губы казались яркими даже на смуглом лице.

Что-то сдавило грудь, подошло к горлу. словно испугавшись, я вышел из кафе.

На другой вечер, в это же время, я ждал ее. И она пришла.

Следующим вечером я маялся, вымеряя шагами тротуар возле кафе. А когда она пришла и выбрала столик, я сел рядом.

О чем говорить, как начать разговор, я не знал. Видимо, в космосе я здорово одичал. Поэтому молча смотрел, как она ела, боясь встретиться взглядом с ее спокойными, недоумевающими глазами.

Не знаю, чем бы это кончилось, если бы девушка не заговорила первая.

— Что с вами? — улыбаясь, спросила она. — В первый раз, когда я вошла в кафе, вы выскочили, как ошпаренный. А теперь не спускаете глаз с моей тарелки...

— Не знаю, — сказал я.

— Будем считать, что вы влюбились. — Она словно не слышала моей дурацкой реплики. — С первого взгляда. Это приятно и старомодно. — Девушка засмеялась, на столике рассыпалась горсть звонких стекляшек. — Так?

— Так. То есть не совсем. Просто я не знаю, почему... — Я замолчал, окончательно запутавшись.

— Тогда будем держаться первой гипотезы: любовь с первого взгляда... Откуда вы, застенчивый Ромео?

— Из космоса.

— Все молодые люди или прилетают из космоса или улетают в космос. Старушка Земля стала похожа на огромный аэровокзал. — Она это сказала не то чтобы печально или серьезно, а как-то горько.

— Я прилетел надолго, — зачем-то сказал я...

— Спасибо и на этом.

Девушка улыбнулась. Пока я снова искал слова, она поднялась и вышла из кафе.

Я догнал ее на улице.

— Простите, давайте сходим...

— Нет, — ее голос прозвучал неожиданно резко, — я не хочу ни в телетеатр, ни в видеопанораму, ни в клуб...

— Вы меня не поняли, — испугался я, — давайте просто походим по улицам.

Она внимательно посмотрела на меня. В свете фонарей ее глаза сверкнули теплыми золотыми искрами.

— Хорошо.

Только через двадцать шагов я осмелился взять ее под руку. Теплые пальцы доверчиво легли в мою ладонь.

Что такое любовь? Обычная вещь, случающаяся с каждым человеком? Чудо, делающее мир нестерпимо ярким, каждую мелочь — необычной, каждое слово — навеки запоминающимся?

VII

Белизна лаборатории. Клетки с крысами и морскими свинками. Магнитофон с расшифрованными записями. Одиночество.

Я умел делать то, что Старик. Я помнил то, что Старик. Нужно было только сделать следующий шаг, двинуться вперед. И я точно знал направление. Его тоже указал Старик.

Среди его записей была одна. Главная.

«Надо: выбрать из мозга знания, умение, талант. (Последнее слово в рукописи дважды подчеркнуто). А все узко личное — память о прожитой жизни, успехах и неудачах и т. д. оставить. Все это не нужно наследнику. Для этого...».

Что нужно для этого? Старик не знал? Или просто не успел записать? Вот мне-то и предстояло найти то, что надо непременно сделать. И я искал. Долго. Добросовестно. И пока безуспешно.

Пока!.. Да я просто не знал, как взяться за дело. И повторял опыты Старика. А вся методика операции была так подробно и тщательно разработана им самим, что робот-лаборант превосходно бы справился и без моей помощи.

Градж раза два заходил в лабораторию. Он бегло перелистывал журнал, где стояли номера животных и результаты опытов. Щурил глаза, грустно и насмешливо улыбаясь. И уходил. Чье самолюбие щадил профессор, мое или Старика? Или я был для него тоже подопытным существом, которому отдали все ненужное — память о прожитой жизни и не смогли передать главное.

— Вы много курите, Март. Пожалуй, больше, чем тот, кто подарил вам эту привычку...

Градж, еще более высокий от белого жестко накрахмаленного колпака, стоял в дверях лаборатории.

— И мало спите: у вас красные глаза.

Профессор подошел к столу, рука в белом рукаве потянулась за журналом. Я положил на твердую, гляцевую обложку ладонь.

— Не надо. Ничего нового.

— Так. Вы хотите мне что-либо сказать?

— Нет,— голос мой звучал тускло, я смотрел в стол, прямо перед собой.

— Тогда я скажу.— Лицо Граджа стало как у древ-

них воинов на старинных медалях.— Я вынужден это сказать, пока вы не запутались окончательно. Старик сумел вам передать все, кроме таланта. Вы набиты знаниями Старика, а комбинировать их, высекать ту искру, которая освещает новое, не можете. Поэтому и топчетесь на месте. Доходите до точки, на которой остановился Старик, и идете не вперед, а вспять. Так?

Я молчал, все ниже и ниже наклоняя голову.

— Отчаиваться не следует,— спокойно и жестоко говорил профессор,— вы ничего не потеряли, поскольку ничего и не было.

Белая дверь неслышно закрылась за Граджем.

Я остался один и просидел до вечера, тупо смотря в прямоугольную пустоту стола.

Весь день моросил дождь, а вечером туман сизой ватой вполз в улицы. Ветер вогнал его в каменные коридоры и бросил. Я шел сквозь эту промозглую воду, взвешенную в осеннем воздухе, шел медленно, хотя знал, что уже опоздал и Зора ждет меня.

Я наконец решил все рассказать. И про свои неудачи, и про справедливую жестокость Граджа. Он когда-то ссорился со Стариком, доказывал, что нельзя жить чужим опытом и талантом, и оказался прав.

Я подтвердил его доводы. Подтвердил беспощадно и ясно, как всегда бывает при хорошо поставленном опыте.

Толкнув дверь кафе и, не снимая мокрого плаща, подошел к Зоре. Она улыбнулась мне, и ледяное кольцо отчаянья чуточку подтаяло. Стало легко дышать.

Она спросила:

— Что случилось?

Я тоже попытался улыбнуться, чтобы ее успокоить, но мускулы лица словно забыли, как это делается. Зора повторила:

— Что случилось? Что с тобой?

— Пойдем, расскажу...

На улице быстро темнело, туман казался еще плотнее.

Один квартал. Другой. Вход. Лифт. Дверь моей комнаты.

Зора села в кресло, не снимая плаща. Она ждала.

— Я уйду из института.

— Не получается? — Зора знала, над чем я работаю.

Она только не знала, чем вызвана эта работа. — Ну что ж, прощайте мечты о муже — великом ученом... А может, ты торопишься? Сегодня не получается, завтра получится?

Ее глаза остановились на портрете Старика.

— Твой идеал — вечный бродяга-межпланетник?

— Просто был с ним в одной экспедиции. А что?

— А ничего. Просто он был моим отцом...

Двумя, особенно мучительными, снами одарил меня Старик. О первом — прощании на космодроме — я рассказал. Второй сон был не лучше.

На мокрый асфальт медленно падают яркие осенние листья. Это дворик детской больницы. Мы с Зейгой пришли за дочерью, которая долго болела. И вот няня выводит бледную девочку. Она одета в синее платишко с капюшоном. Ей три с чем-то года.

Дочка кидается к нам, словно мы можем снова исчезнуть. Она не плачет. Она берет меня за палец, стискивает его теплым и влажным кольцом кулачка и только тогда говорит: папа...

Всю дорогу она держится за меня, не отпускает, чтобы я опять не исчез.

Одной рукой за меня, другой — за Зейгу.

На этом сон обычно прерывался. И приходилось долго курить, чтобы хоть немного успокоиться.

Я помнил, как мыл двухлетнюю Зору в ванной, ее худенькое тело, родинку, такую же, как у Зейги, только на спине, на левой лопатке. И как она смешно ругала мыло, попавшее в глаза:

— Такое!.. Плохое!..

Я не слышал, что теперь говорила Зора. Да это было неважно. Я не могу быть с ней. Я не могу существовать в двух лицах, обладать одновременно памятью отца и мужа.

В один день рухнуло все — надежды, работа, любовь. И мне, пожалуй, уже не выкарабкаться из-под развалин.

— Мы с тобой больше не увидимся, — с трудом двигая губами, сказал я. — Улетаю в космос. Надолго...

Надолго, а быть может навсегда, запомнил растерянные и гневные глаза любимой женщины, которую сам вынужден был оттолкнуть...

Через неделю я и на самом деле улетел. Градж зачислил меня в одну из далеких экспедиций космобиологом — пригодились знания Старика.

Но летел я теперь за своим опытом, за своей памятью. И если удастся когда-нибудь продолжить работу Старика и мне даже покажется, что эксперимент может выйти, я никогда не проведу его, рискуя другим человеком. Никогда.

Среди провожающих на космодроме была и Зора. Но я не смог подойти. У меня не было жесткой силы Старика, его властной уверенности в своей правоте.

Фотонная ракета рванулась вперед, и за иллюминатором на долгие месяцы застыло черное небо космоса.

*Фантастическая
повесть*

ОРАНЖЕВАЯ ПЛАНЕТА

1. МЕНЯ ВСТРЕЧАЮТ РОБОТЫ

Пятые сутки... Сквозь иллюминатор виден оранжевый лес и блестящие доспехи роботов. Когда я наконец сел и выключил двигатель, в котором, прерывисто грохоча, взрывались последние капли горючего, роботы окружили ракету. В обшивку ударили маленькие обрезки металла, вылетающие из коротких трубок.

Пробить обшивку ракеты таким оружием невозможно. Кроме того, я держу эти взбесившиеся музейные экспонаты на расстоянии. Детонаторы не позволяют роботам переступить через незримую границу на выжженной поляне. Два храбреца, которые было рванулись к ракете, лежат с развороченной грудью. В обугленные пробоины видна медная путаница проводов.

Я — разведчик космолета «Одиссей». Неделю назад, когда я возвращался на космолет, крохотный метеор ударил в левую дюзу моей космической шлюпки. Ракета завертелась вокруг своей оси, словно артиллерийский снаряд, и потеряла управление...

Кончался аварийный запас горючего, когда я, наконец, посадил ракету на планету БА-117. Это одна из неисследованных планет в созвездии Эридана. Меня встретили роботы...

На этой окаянной планете необычно плотная ионосфера. Сигналы моей радиции отлетают от нее, словно камешки от стены. Мощная станция космолета пробивает ионосферу: пятые сутки я слышу свои позывные. Они становятся все глуше: видимо, «Одиссей», уверившись в моей гибели, продолжает полет...

Планета БА-117 значительно меньше Земли. По климату она напоминает Марс — жара, оранжево-бурая растительность, красные пески. Степи и приземистые, словно приплюснутые плоскогорья.

Сутки здесь длятся около 18 часов. Три спутника — три луны по ночам заливают планету ярким фиолетовым светом. Атмосфера пригодна для дыхания.

И самое главное, планета обитаема. По вечерам эфир набит квакающей музыкой, истощным песенным визгом. Мой языковый анализатор работает все эти дни на пределе.

Багровея сигнальными глазками, он накапливает информацию, расшифровывает, сравнивает.

Языковый анализатор — моя последняя надежда. Может быть, я смогу договориться с жителями планеты. Запасы воды и пищи на исходе.

Темнеет. Из-за лохматых деревьев стремительно выплывает первая луна. Бдительный робот бьет в иллюминатор из своего допотопного оружия. Детонаторы, автоматически разворачиваясь, наводят стволы на железного воина. Робот опасно шагает в сторону.

Шестые сутки...

Просыпаюсь. Отключаю провода, которые соединяли шлем скафандра с языковым анализатором. Он свое сделал — информация накоплена и передана.

Язык планетян довольно примитивен. Примерно тысяча слов. Эпитеты намертво приклеены к существительным: правитель — великий, солнце — желтое, звезды — далекие, робот — могучий. Планета Экз, что означает — оранжевая... Слова употребляются только в одном значении. Глаголы в основном повелительного наклонения.

Теперь надо начать переговоры. Надо объяснить, что я не враг. Кто я? Слов: путешественник, пилот, астронавт — не существует в языке обитателей планеты. Есть понятие: путник — тот, кто еще не пришел в пункт назначения. Ладно...

«Я, Путник далеких звезд, прошу разрешить мне жить на вашей прекрасной планете. Могучие роботы окружают меня. Прошу Великих Правителей приказать могучим роботам уйти. Я, Путник далеких звезд, хочу мира...»

Фу! Даже пот прошиб, пока я складывал необходимые фразы, каждый раз спотыкаясь о шаблонные эпитеты.

«Перехожу на прием. Иду справедливого решения. Перехожу на прием... Перехожу на прием...»

Когда я начал передачу, все радиостанции на оранжевой планете смолкли. Потом — торопливый писк, похожий на морзянку. Очевидно, узнав, что я владею их языком, планетяне стали шифровать передачи.

Наконец раздался скрипучий старческий голос: «Великие Правители разрешают тебе, Путник далеких звезд, жить на нашей прекрасной планете...»

Роботы, видимо, получив приказ — оставить меня в покое, засуетившись, скрылись среди оранжевой листвы. Радио молчало. Желто-багровое солнце висело над планетой, как аэростат.

Я взял с собой последний тюбик с питательной пастой. Лучевой пистолет оттягивал карман.

Идти было легко. Притяжение, раза в два меньшее, чем на Земле, позволяло шагать быстро и не утомляться. Я шел по просеке, проложенной роботами. Часа через два из-за холма стали медленно подниматься белые прямоугольники домов...

Не один десяток лет археологи и психоведы обшаривали космос в поисках разумных существ. До сих пор это кончалось неудачей. Разумными существами нельзя было признать ни рыбащеров в океанах Венеры, ни ту печально-знаменитую хищную плесень на планете ВИ-8, которая погубила экспедицию Гурина. Мне представлялась первая возможность знакомства с разумными существами в космосе.

В восторг эта возможность меня не приводила. Я не прошел специальной подготовки. Инструкция космолетчика запрещает вступать в контакт с мыслящими существами на других планетах. Даже «Одиссей», на котором немало всевозможных специалистов, должен был получить для этого особое разрешение Земли. Да и знакомство мое с планетой началось не очень удачно: я, защищаясь, превратил двух «могучих» в металлолом.

Город... Представьте себе плац, залитый чем-то вроде темного, непрозрачного стекла. На этом стекле стоят дома,

схожие, как близнецы. Ни одного окна. Тесный, по-солдатски выровненный строй белых, слепых стен.

Вдоль улиц проходили прямоугольные, похожие на ящики машины. Они были... на колесах. Странно было увидеть работающим это древнейшее человеческое изобретение. На Земле машины уже несколько веков проносятся над поверхностью дорог на воздушной подушке. А колесо автомобиля можно увидеть только в музее.

На меня никто не обращал внимания. Планетяне куда-то торопятся. Они выбегают из подъездов и бросаются к прямоугольным автобусам, которые с тихим шипом замирают на перекрестках. Затем — свисток, и снова колеса начинают вертеться на мостовой.

Жители этой планеты низкорослы. Самый высокий не достигает мне до плеча. Красная, словно обваренная кожа, треугольные, широко поставленные, темные глаза, короткие четырехпалые руки. Маленькие, странные, непривычные моему глазу люди.

Я шагаю по пустынным улицам. На площадях высятся статуи какого-то планетянина. Кто он? Великий поэт, ученый? Может быть, бог, которому поклоняются жители оранжевой планеты? В треугольных глазницах статуи горят лиловые огни.

Когда я, не торопясь, разглядывал одного из этих идолов, ко мне подошел робот.

— Почему ты один?

Я не понял. Робот ждал ответа. Тогда я спросил:

— А что, одному ходить нельзя?

Наверное, этому роботу вопросов не задавали. Он помолчал и снова спросил:

— Почему ты один? На улице?

— Гуляю, — ответил я. Глагола: гуляю, прогуливаюсь — нет в языке планетян. Поэтому я ответил примерно так: хожу без особой цели.

Робот заволновался. Металлическая рука приподнялась, словно собираясь коснуться моего плеча, и снова опустилась.

— Надо идти. Домой. На работу. На спорт.

Я не стал спорить с механическим блюстителем порядка.

Бродя по прямым, словно вычерченным по линейке улицам, я не знал, что с меня не спускают глаз соглядатаи службы наблюдения. Я даже не знал тогда, что такая служба есть на планете.

Первое донесение соглядатаев:

Путник прибыл в город Тув. Рост Путника — рост могучего робота. Вооружен. Оружие людям планеты Экз — известно. Следовательно, Путник опасен. Первые наблюдения показали, что Путник склонен к отвратительному пороку: к одиночеству.

2. НОЧЬ В ГОРОДЕ ТУВ

Весь день я бродил по городу. Роботы на перекрестках встречали и провожали меня пристальными взглядами, медленно поворачивая блестящие головы. Я устал, ноги болели. Хотелось найти какую-нибудь гостиницу, захлопнуть за собой дверь комнаты, отдохнуть. Но гостиниц на этой планете не было.

Правильные ряды домов. Неотличимые друг от друга подъезды. Одинаковые улицы... Расспрашивать роботов не хотелось: я опасался что-нибудь напутать.

Я ходил по улицам, задыхаясь от обиды и злости. Ведь не каждый день, черт возьми, сюда прилетают люди с иных планет! Так почему никто не подойдет ко мне, не заговорит? Не спросит, откуда я взялся?

На планете должны быть ученые. Неужели даже их не заинтересовал мой прилет? Я казался себе невидимкой: на меня смотрели — и меня не видели...

Ночь наступила, как всегда на оранжевой планете, внезапно. Желтая звезда — солнце — провалилась за квадратные крыши, и все три луны, как огромные лампы, зажглись и застыли в небе. Яркий фиолетовый свет окрасил здания. Тени гигантскими мантиями легли у подножия статуй.

И сразу, будто луны включили все радиостанции оранжевой планеты, водопад звуков затопил улицы. Музыка ревела и свистела, скрежетала и квакала. Музыка, плотная, как вода, стояла над городом.

Я ждал, что теперь-то откроются двери и краснокожие планетяне выйдут наконец на свои фиолетовые улицы. Подышать вечерней прохладой. Перекинуться словечком с соседом. Юноши будут ждать девушек на условленные свидания.

Улицы были по-прежнему пустынные. Изредка небольшие группы планетян переходили из подъезда в подъезд.

Люди смеялись и жестикулировали: трудно разговаривать в музыкальном грохоте.

Музыка буйствовала часа три. Потом минута тишины и — громовой голос прокатился над планетой: «Полночь. Поздняя пора. Людям Экза спать пора!»

Повторять не пришлось. Погасли огни. Исчезли, словно их унесло вихрем, автобусы. Последние прохожие опрометью кинулись к подъездам.

Я застыл посреди улицы. Это странное смешение детского сада с казармой показалось смешным и нелепым. Однако, как известно, в чужой монастырь со своим уставом не лезут. Надо было решать, где провести ночь.

Моя ракета — единственное место, где я могу выспаться, не думая об опасности. Откидное кресло пилота. Запертый люк. Автоматические детонаторы. Пошатываясь от навалившейся усталости, я двинулся к городской окраине.

Город вымер. Исчезли даже роботы с перекрестков. Впрочем, вскоре я услышал звонкий металлический стук. Роботы шли от окраин к центру. Каждый по своей улице. Навстречу друг другу. Куда бы я ни повернул — отовсюду ко мне двигался робот.

Я было положил руку на лучевой пистолет, но тут же ее отдернул. Неизвестно, сколько времени придется пробыть на планете. И вряд ли ее обитателям понравится, если они утром найдут на улице вместо могучего робота оплавленный кусок металла. Хватит и тех, двух, у ракеты...

Тяжелые шаги роботов приближались, когда из-за поворота выскочила маленькая человеческая фигура. Она, видимо, хотела перебежать улицу, но, увидев меня, остановилась. Я подошел поближе.

Это была планетянка, женщина. Обитатели планеты носили одинаковую одежду — что-то вроде комбинезона. Но длинные волосы, белая краска на узких губах...

Треугольные глаза удивленно расширились:

— Разве ты не могучий робот?

— Я — Путник...

— Ты — один, — укоризненно сказала планетянка.

— Ты тоже одна.

— Да-да, — согласилась она, — я опоздала...

За углом совсем рядом гремели шаги.

— Пойдем вместе. — Она взяла меня за руку торопливо и доверчиво, как ребенок.

Робот, выйдя на перекресток, увидел нас. Он встал, словно раздумывая: подойти или нет. Я чувствовал, страх

сотрясает маленькое тело. Пальцы похолодели, судорожно вцепившись в мою ладонь.

Будь что будет, но я не дам ее обидеть этому механическому болвану!

Робот медленно повернулся, пересек улицу. Женщина прерывисто вздохнула:

— Если б ты был один, могучий увел бы тебя...

— А тебя?

— И меня, — она улыбнулась. — Идем. Здесь недалеко...

Я не знал, что делать. Если я уйду, женщина может повстречать другого робота. И судя по тому, как она боится, ничем хорошим это не кончится. Да и мне, по совести говоря, не очень хотелось объяснять ночным патрулям, зачем и почему я брожу по спящему городу.

Оглядываясь, как испуганный зверек, женщина вела меня по улице.

Желтые двери подъездов освещены тусклой полоской света. Эта полоса, проходя на уровне груди планетянина, рассекает дверь пополам.

Возле одной из таких неразлично-одинаковых дверей женщина остановилась.

— Ты меня узнала? — спросила у двери женщина. — Это я — Ру.

Полоса стала ярче, словно за дверью зажгли вторую лампочку.

— Я тебя узнала, Ру, — ответил печальный голос, — но выпустить не могу. Поздно. Тебя должны увести могучие роботы.

— Заболела Юл, — оправдывалась перед дверью женщина. — Я была у нее. Ты ведь помнишь Юл?

— Я помню Юл, — сказал голос. И после паузы добавил: — Ты одна. Тебя должны увести могучие роботы.

— Я не одна! — закричала Ру. Она потянула меня за руку. Я встал против световой полосы. — Видишь, я не одна. Впусти нас!

Дверь распахнулась. Пустой холл. Узкая лестница.

Я переступил порог, ошарив от этого разговора. На Земле многие дома обслуживают говорящие автоматы. На Земле они — слуги. А здесь?..

Неужели довелось попасть в мир, где машины поработили людей? Разве такое возможно?

Ру прикоснулась пальцами к одной из маленьких дверей, выходящих в холл. Я ждал, что снова возобновятся переговоры, заморгает свет, повторится вся эта идиотская

комедия. Слава звездам, дверь не из болтливых, она открылась без предварительного собеседования, и мы вошли.

Комната была квадратной. В центре квадрата стояла правильная окружность стола. Стена украшена цветным портретом идола. Это его изваяния я видел на площадях и перекрестках. Идол начальственно выпучил со стены свои лиловые очи. Черный куб радиоящика. Вдоль стены два продолговатых овала. Судя по размеру — постели. Квадраты низких сидений. Окна в комнате не было: фиолетовый лунный свет проходил сквозь стену, как сквозь стекло.

Жить в этом прямоугольном неуюте можно только из-за сильной любви к геометрии.

Из кувшина, стоящего на столе, Ру налила в чашки что-то похожее на бульон. Вкус заставлял желать лучшего, однако привередничать не приходилось. Я выпил бульон залпом. Плохой, но все-таки ужин.

Ру, будто оправдываясь, сказала:

— Мы живем в этой комнате с Юл. Она заболела. Поэтому я одна. Я не хотела быть одна...

— Одной скучно,— вежливо подтвердил я.

— Ты ничего не понимаешь, Путник. Могучий робот может решить, что я нарочно одна. А это — очень плохо.

У меня, будто после стартовых перегрузок, болело тело. Веки сплиплись от усталости. И какое мне в конце концов дело до странных обычаев на оранжевой планете?

— Надо спать, Ру,— предложил я.

— Да, отозвалась она безучастно.

— Давай ложиться.

— Да.

— На какую кровать мне лечь?

— Все равно.

Продолговатый овал постели эластично прогнулся под моей тяжестью. И сразу погасли лампы под потолком.

Я так устал, что не мог заснуть. Перед глазами вертелась карусель: оранжевые деревья, луны... Я слышал прерывистое дыхание Ру: она по-прежнему сидела у стола.

— Ру,— позвал я,— ложись...

— Нет,— возмущенно заговорила Ру,— я не могу с тобой лечь, я не хочу с тобой лечь. У меня жепих...

От злости я даже сел на постели. Этого еще не хватало!

— А кто сказал, что тебе надо обязательно ложиться со мной? — спросил я, стараясь быть спокойным и вежливым.

— Ты — Путник,— всхлипывала Ру,— ты — бродяга

с далеких звезд. Радио предупредило женщин планеты, что ты... что тебя надо опасаться...

Я окончательно разозлился.

— Опасаться надо было на улице!

— На улице я так боялась могучих роботов, что про это забыла.

Я понимал, что злиться на Ру глупо. Надо ее успокоить.

— Ру, не бойся. Меня тоже ждут.

— Да?

— Меня ждут, Ру. На другой планете. Жена ждет, понимаешь?

— Такая же большая и уродливая, как ты? — заинтересовалась Ру.

— Да,— засмеялся я,— такая же большая. Спи...

Она тоже засмеялась.

Целый день меня мучило любопытство.

Хотелось узнать, кто стоит в городе Тув на бесчисленных пьедесталах?

— Ру,— спросил я,— чей портрет висит у тебя в комнате?

— Верховного Водителя.

Титул мне ничего не объяснил. Поэтому я продолжал:

— Кто это? Глава правительства? Король?

— Нет.

— Бог?

— Нет.

— Так расскажи, пожалуйста,— попросил я,— кто это — Верховный Водитель?

— Верховный Водитель,— голос Ру стал строгим и торжественным,— создал все на планете Экз. Радио, могучих роботов, мудрые машины. Верховный Водитель думает за нас. Он нужнее, чем солнце. Он победил в жестокой борьбе Випов и Эдов. Он велик и могуществен.

— Разве можно одному человеку все изобрести, да еще всех победить? — засмеялся я.

— Видеть Верховного Водителя нельзя,— декламировала Ру,— но он разговаривает с нами. По его сигналу планета засыпает и просыпается. Без Верховного Водителя мы погибнем.

— Народ не может погибнуть, если умрет один человек,— возразил я.

— Молчи, Путник. Прошу тебя, молчи!

Ру говорила печально и предостерегающе. Я замолчал. Утром я проснулся от шума. Ревел радиоящик. Это муд-

рый Верховный Водигель орал свои детские стишки: «Час настал! Уйди, дремота! Люди Экза, ждет работа! Просыпайся, люд! Ожидает труд!»

Второе донесение соглядатаев:

*Работница Ру (личный номер 007109) призналась домо-
вому соглядату: Путник далеких звезд говорил о Верхов-
ном Водителе без должного уважения. Сомневался в мудро-
сти и величии Верховного Водителя. Полагаем: поступить
с работницей Ру и Путником согласно справедливым зако-
нам планеты Экз.*

*Примечание. Хотя Путник провел ночь наедине
с работницей Ру, обследование показало, что смешение рас
не произошло. Это смягчает вину преступников.*

3. КРЕСЛО ПРИВИНЧЕНО К ПОЛУ

Я, астронавт, знаю опасности, на которые щедр космос. Радиоактивное излучение, метеорные дожди, магнитные бури, пылевые облака... Планеты, над которыми бушует огненная метель вулканического пепла. Жара, плавающая металлы, и мгновенно убивающий мороз.

Космос величествен, грозен и коварен в своем безразличии к человеку. Но сам человек — единственное мыслящее существо во Вселенной — добр, благороден, смел. Правда, учебники истории рассказывают о войнах, которые опустошали страны, о разбомбленных городах и выжженных селениях. О веках варварства — палачах и казнях, доносчиках и тюрьмах. Но теперь об этом можно прочесть только в учебниках.

Если судить по техническому прогрессу, планета Экз отстала от Земли лет примерно на двести. Наши прадедушки, пожалуй, не только в музеях видели роботов, скопированных со средневековых рыцарей. Наши прабабушки еще катались на автомобилях, у которых было четыре колеса... Наверное, поэтому мне казалось, что я попал в недавнее прошлое человечества. А вынужденная посадка забросила меня не в прошлое и не в будущее Земли, а в сторону: история планеты Экз не повторяла истории Земли.

...На улице ко мне подошел необычно одетый планетянин. Его голубая куртка была разукрашена множеством серебристых шнурков. Так, если верить старинным телефильмам, одевались когда-то гусары и швейцары.

Он произнес торжественно и высокопарно:

— Доблестный Путник далеких звезд, тебя приглашает для дружеской беседы Правитель службы наблюдения.

Слава звездам, наконец ученые заинтересовались моим полетом. Теперь я смогу ознакомиться с планетой по-настоящему, а не со слов Ру — суеверной и, видимо, необразованной девушки. Я попрошу помощи. Может, здесь есть мощные станции, радиоволны которых смогут пробить ионосферу оранжевой планеты...

— Я давно мечтаю побеседовать с Великими Правителями планеты Экз, — ответил я.

Мы сели в круглую машину. Зашинов, она дернулась вперед и помчалась вдоль улицы.

Выехав за город, машина свернула в рощу. Там, укрывшись за высокими деревьями, белело приземистое здание. Машина замерла возле подъезда, над которым трепыхалось голубое, как куртка моего провожатого, знамя. Его пересекал серебряный зигзаг.

Правитель сидел за высоким и длинным, похожим на стойку бара столом. На красной, как помидор, голове — ни единого волоса. Он, наверно, немолод, этот Правитель. Треугольные глаза его словно выгорели на солнце — такие они белесые.

Против длинного стола — кресло. С подлокотниками, но без спинки. Когда я усаживался на жесткое сиденье, то заметил, что кресло привинчено к полу. Я не обратил на это внимания...

— Зачем ты, Путник, посетил нас? — спросил Правитель.

Когда он заговорил, я узнал голос, разрешивший мне жить на оранжевой планете.

Я рассказал о вынужденной посадке. Объяснил, что глубоко сожалею, что, защищаясь, изувечил двух роботов.

— Ты разрушил не двух роботов, — возразил Правитель. — Когда ты ушел в город Тув, могучие хотели приблизиться к ракете. Но ты оставил там ловушку: теперь на поляне лежат пятеро бесстрашных...

Верно, уходя, я не выключил детонаторы. Я не хотел лишаться последнего убежища, не хотел найти вместо ракеты искореженную грудку металла. Думал, что роботы, получив наглядный урок, не сунутся больше к ракете.

Значит, еще трое. Наверное, они решили, что без меня оружие не сработает, и рванулись в атаку. Бесстрашные железные рыцари. Средневековые идиоты.

— Чем ты хочешь заняться, Путник? — спросил Правитель.

— Я хотел бы встретиться с вашими учеными.

— На планете Экз нет ученых, — последовал надменный ответ.

— Как — нет? — удивился я. — У вас высокий уровень техники. Автомобили, роботы, радио.

— Это создано давно. После победы над Випами и Эдами, когда мы истребили неполноценные расы и племена, ученых не стало. Они больше не нужны планете Экз. Нам не нужны еще более могучие роботы, еще более быстрые машины, еще более громкое радио. Так сказал Верховный Водитель!

Звезды белые и красные, что он говорит! Остановить мысль. Приказать: не смей думать, искать, создавать. Вот почему так несут службу, не зная ни минуты покоя, металлические полисмены...

— Ты напрасно не поверил Ру, — продолжал Правитель. — Она сказала правду. И напрасно усомнился в мудрости Верховного Водителя. Сомнения караются согласно нашим законам.

Ясно. Значит, они подослали Ру. А я, как последний дурак, стал спасать ее от роботов. Все было разыграно: страх и надежда. А я клюнул на наживу, как жадный щуренок.

Правитель службы наблюдения, казалось, читал мои мысли.

— Твоя встреча с работницей Ру случайна. Мы ее не подсылали. Любой, с кем бы ты ни встретился, поступил бы так же. Потому что каждый житель планеты Экз — соглядатай. Сначала мы учили рассказывать о соседях. Потом — о друзьях. Затем — о родителях. Правда, мы не сумели добиться, чтобы родители докладывали о детях. Но это и не нужно. Теперь дети воспитываются в специальных школах становления мыслей. Мы только следим, чтобы у детей были здоровые, нужные Верховному Водителю мысли.

Служба наблюдения правильно воспитала людей. Каждый следит за собой. Обитатели планеты Экз больше не доносят о других. Это — благородные люди с высокоразвитым чувством собственного достоинства. Они докладывают о себе, только о себе, Путник...

Синие губы старика расплзлись в довольной усмешке.

— Тебе придется многому научиться здесь, Путник...

Эпоха варварства! Память лихорадочно листала страницы учебника истории. Атилла, инквизиция, Наполеон... Нет, не то. Последняя война. Сумасшедшее лицо фанатика. Косая прядь волос над остекленелыми глазами убийцы. Диктатор одной из стран Европы. Фашизм...

Это случилось в далеком XX веке. Люди тогда уже вышли из эпохи варварства. Они обладали высокой, совершенной техникой. Человек уже летал по воздуху и плавал под водой. Было уже изобретено книгопечатание, радио, ракеты, великолепнейшие сложные машины. Существовало первое в мире рабочее государство...

И вдруг произошло невозможное. Совершенная техника была брошена на истребление людей. Убийцы взлетели на самолетах в небо, убийцы подняли ввысь ракеты и бросили их через Ламанш, начинив взрывчаткой. Убийцы затаились на дне океанов и морей в ожидании жертв.

Радио служило для передачи кровавых приказов, а книги и газеты для оглушения народов...

Неужели это повторилось на оранжевой планете?

Старик не давал времени на размышления.

— Ты отдашь нам свое оружие, Путник, и летучий снаряд.

— Нет,— крикнул я,— никогда!

— Подумай, Путник,— старик даже не повысил голоса.— Может быть, из глупого упрямства тебе придется сейчас умереть.

Я понимал, что это бесполезно, что я не смогу убить человека, но инстинкт самосохранения сработал, и рука рванулась к рукоятке лучевого пистолета.

Надо мной распахнулся люк. Я не успел ни встать, ни отскочить в сторону. Все было рассчитано. Боль обожгла спину...

«Кресло привинчено к полу»,— вспомнил я, теряя сознание.

...Черные небеса пролетают за иллюминаторами «Одиссея». Черное космическое небо с алмазными остриями звезд. И вдруг огромный голубой шар заслоняет полнеба. Земля — родина моя, красавица в синем плаще океанов! Все ближе ее прохладная зеленая кожа с голубыми прожилками рек. Затихающий грохот двигателей. Космодром...

По серым, выжженным плитам бежит к «Одиссее» Мария. А за ее белым платьем неуклюже, как медвежонок, топчет мальчишка. Сын!

А я считал, что больше никогда их не увижу. Мы зна-

ли, что «Одиссея» на Земле встретят наши внуки, а может, и правнуки.

Какие там внуки! Теория относительности — выдумка! Ученые ошиблись! Я обнимаю Марию. Я подхватываю на руки сына. Его волосы пахнут солнцем, молоком, хлебом.

Почему я снова в рубке «Одиссея»? Немыслимая перегрузка. Метеоры, дырявя обшивку, врываются в космолет. Словно пули, они проходят сквозь меня. А я еще жив. Вцепившись в штурвал, я веду космолет. К Земле. К Марии. К сыну.

...Холодная вода оmyвает лицо. Я вижу кувшин, который держит маленькая красная рука. Пятого пальца на этой руке нет.

4. ШКОЛА ОЗДОРОВЛЕНИЯ МЫСЛЕЙ

Оранжевый квадрат пустыни огорожен забором из тонкой проволоки. Ветер пересыпает песчинки, день и ночь шуршит ими на сутулых спинах барханов. Колодезь шахты. Ржавые глыбы руды. Длинные, пузатые трубы — место ночлега и отдыха заключенных.

Если быть точным, то надо признать, что слова «заключенный» нет в языке обитателей планеты. Мы именуемся «воспитанниками службы наблюдения». А тюрьма в оранжевой пустыне называется совсем поэтично: «школа оздоровления мыслей».

Как тюрьму ни называй, она остается тюрьмой. За проволочной оградой мерно вышагивают роботы. Идеальная стража. Не спят, не едят, стреляют без промаха. Наилегчайшее прикосновение к проволоке включает радиосирену.

Побег отсюда невозможен. Это мне радостно сообщил Главный Учитель школы оздоровления. Он рассказал, что лучевой пистолет, который у меня отобрали в канцелярии Правителя, не смог облегчить штурма ракеты. Я любезно объяснил Главному Учителю, что для взлома обшивки нужна лучевая пушка. Детонаторы не дадут роботам подойти к ракете, а лучевой пушки на оранжевой планете нет. Главный Учитель не менее любезно заявил, что служба наблюдения не торопится и, когда мне надоест пребывание в пустыне, я сам передам ракету службе наблюдения. С помощью такого оружия, пояснил Главный Учитель, служба наблюдения обезопасит свой народ от

пришельцев из космоса, а при необходимости колонизирует другие планеты...

Возмущенный протест не произвел впечатления. Главный Учитель вежливо пожелал мне доброго здоровья и хорошей работы. Он добавил, что готов возобновить переговоры в любой час дня или ночи... Робот личной охраны Главного Учителя передал меня роботу-конвоиру...

День в школе оздоровления мыслей начинается с радиостишков. Только на этот раз к воспитанникам обращается не Верховный Водитель (очевидно, разговаривать с заключенными ниже его достоинства), а Правитель службы наблюдения. Старческий голос, усиленный радиорупорами, гремит над пустыней: «Эй, воспитанник, подъем! Мы в столовую идем!».

Роботы одевают нас чашкой похлебки. В мутной воде разболтаны аминокислоты, витамины, углеводы... Учитывая мой рост и вес, мне наливают двойную порцию.

После завтрака вновь звучит бодрый радиоприказ: «Ну-ка, мигом, подтянись! В две шеренги становись!»

Становимся. Нас считают. Потом группами спускаемся в шахту. Узкие коридоры штолен. Кайло, лопата, тачка — каменный век. И равнодушные голоса автоматических весов, на которые мы вываливаем из тачек руду: «Прошел час, до нормы вам осталось...», «Прошло два часа, до нормы вам осталось...», «Норма выполнена, до конца урока осталось...». Последняя фраза звучит в подземелье редко. Чаще весы сообщают: «Урок кончился, до нормы еще осталось...»

Когда мы наконец вылезаем на поверхность, жадно хватая побелевшими губами воздух, нас встречает ночь. Фиолетовые луны, посвист ветра в песках, мерный лязг железных шагов. И снова радиорупоры потчуют нас негнимо оптимизмом: «Все тревоги и сомнения рождены, ребята, ленью. Мы трудились не ленись, ужин ожидает нас».

Чашка похлебки. Тесные лежа из эластичного пластика. И хотя мы за день устаем так, что у людей не хватает сил даже на перебранку с соседом, радио радостно внушает: «Спи. Ночные разговоры любят лодыри и воры. Честный гражданин планеты мирно дремлет до рассвета».

Так изо дня в день. Гнетущее однообразие. Жестокое равнодушие механизмов. Продуманная, выверенная годами система. Разумное существо превращается в животное: работа, еда, сон, работа, еда, сон...

И никакой надежды на побег.

К несчастью, человек умеет приспосабливаться к окружающему. К несчастью потому, что лучше умереть, чем утратить способность мыслить. Перестать быть человеком.

Я знал, что в оранжевой пустыне воспитываются поэты, которые не посмели ограничить себя воспеванием хорошей работы, крепкого сна и подвигов Верховного Водителя. Что среди горнорабочих есть ученые, чья мысль не пожелала остановиться, повинаясь приказу. Я видел, что здесь, в круглом колодце шахты, в проволочном квадрате тюрьмы, эти люди смирились. Инстинкт сохранения жизни заставил их думать только о необходимом, жить сегодняшним днем.

В редкие минуты отдыха мои рассказы о межзвездных полетах, о субсветовой скорости космических кораблей, о далекой Земле на миг зажигали глаза людей любопытством и вдохновением. Но равнодушный голос автоматических весов или радиоприказ обрывали разговор. И люди снова становились биологическими роботами. Но все-таки я не мог забыть эти редкие минуты вдохновения...

Я все чаще ловил себя на том, что, спускаясь в шахту, думаю только о вечерней чашке хлеба. А подымаясь, мечтаю о забытии, которое приносит сон. Отчаянье и усталость...

— Ты не смеешь отчаиваться, Путник! Ты не смеешь быть примерным воспитанником службы наблюдения! Ты должен отстоять себя, Путник!

Он не говорил — заклинал. Он вскинул ораторским жестом руку, изрезанную рубцами, в грубых наростах мозолей. Уродливую и прекрасную, как ветка старого дерева, руку горнорабочего. Под морщинистым, безбровым лбом блестели глаза. Это были глаза человека, и я впервые не заметил, что они — треугольные.

Зыбкое марево горизонта. Багровое солнце катилось через пески.

— Из оранжевой пустыни невозможно бежать. Здесь смиряются или умирают. Но ты, Путник, не смеешь отчаиваться! — заклинал старик. — Отчаянье — путь к смирению. Молчишь?.. Молчишь? Думаешь, я — соглядатай или сумасшедший? Выслушай меня, Путник...

Я кивнул. Пусть говорит — хуже не будет. Самое страшное уже произошло: моя идиотская прогулка по

планете закончилась тюрьмой. Астронавты не могут обыскивать одну планету за другой, чтобы отыскать мой труп. Ведь они считают меня погибшим, а на поиски уйдут годы... Свою ракету для космического разбоя я не отдам. Я сдохну среди этих проклятых песков, а ракета, оцетившись детонаторами, будет стоять в оранжевом лесу. И никого к себе не подпустит. За это я ручаюсь!

— Я старый человек, Путник. Отец мой еще помнил время, когда радио не выкрикивало примитивных стишков, а Великие Правители называли себя владельцами. Владелец шахт, владелец заводов, владелец домов... Это было очень давно, Путник.

Отец мой — ученый. Он создавал для армии Верховного Водителя роботов — солдат. Да, вот этих, которые теперь стерегут нас.

Тогда на планете было три государства, Путник. В лесах за южной границей жили свирепые Випы. И Верховный Водитель торопил ученых: ему нужна была железная армия воинов-автоматов для борьбы с Випами.

На восточной границе за каменными плоскогорьями стояли редкие города Эдов. Мирный, немногочисленный народ.

Они достигли совершенства в поэзии, живописи, скульптуре. Они верили не в превосходство машин, а в волшебство разума и рук человека.

А в нашей стране начался серийный выпуск военизированных роботов. Механические солдаты, от которых отскакивают пуля и штык, разбили армию Випов.

Верховный Водитель заявил, что Випы неполноценны. Они, даже побежденные, якобы угрожали цивилизации планеты Экз. По приказу Верховного Водителя Випы были истреблены. До последнего ребенка.

Победить немногочисленных Эдов не составляло труда. Верховный Водитель объявил их вырожденцами, лентяями — народом, который ни во что не верит. Роботы вторглись в мирную страну за широкими плоскогорьями.

Многих огорчило бесцельное истребление. Многие осуждали жестокость Верховного Водителя. И тогда, Путник, оставшиеся без дела роботы-солдаты стали стражами службы наблюдения. Тогда в центре оранжевой пустыни была вырыта шахта, огороженная проволокой.

Верховный Водитель и Великие Правители — так они себя стали называть — раскинули огромную сеть соглядатаев. Внушалась, вбивалась, вколачивалась мысль, что

любое сомнение в правоте Верховного Водителя и Великих Правителей — измена этой планете.

Доблестью стали считаться слежка и доносы. Желание самостоятельно мыслить, а следовательно, стремление к тишине и одиночеству объявлено самым мерзким пороком. Радио повсюду расставило свои оружие рупоры. Продажная журналистика теперь называется литературой. Какофония — музыкой. Соглядатай стал героем планеты.

Я — старый человек, Путник. Половина моей жизни прошла здесь, под конвоем роботов, которых когда-то создал мой отец. А попал я сюда потому, что, несмотря на приказ Верховного Водителя, продолжал жить как человек, а не придаток машины. Я хотел искупить невольную вину отца перед народом планеты Экз. Я начал конструировать роботов — врачей, учителей, нянь. Не владык, а помощников человека.

Меня арестовали. Чертежи и модели уничтожили.

А донесла на меня собственная дочь. Ей ведь с малолетства внушали, что сомнение в мудрости Верховного Водителя, малейшее неповиновение его приказам — измена, гнуснейший порок, преступление. Порой я даже не сержусь на нее: ведь ее воспитывала служба наблюдения...

— Ты должен помочь моему народу, Путник, — продолжал старый ученый. — Роботы — машины. В этом их сила и в этом — слабость. Мы должны перехитрить их...

— А сколько лет Верховному Водителю? — заинтересовался я. — Ведь он вел войны еще при твоём отце...

— Этого никто не знает, Путник. Служба наблюдения объявила, что он бессмертен. Врачи нашли особое средство, которое позволяет Верховному Водителю всегда оставаться молодым...

— И вы этому верите? — изумился я. — Вы — узники оранжевой пустыни, ученые и поэты, изобретатели и исследователи...

Старик, побледнев, боязливо оглянулся.

— Сомнение в бессмертии Верховного Водителя карается смертью, Путник.

Третье донесение соглядатаев:

Поведение и здоровье Путника пока не вызывают беспокойства. Работает, ест, спит хорошо. С охраной и другими воспитанниками вежлив.

Считаем целесообразным дальнейшее пребывание Путника среди воспитанников службы наблюдения. Успешные переговоры возможны после достижения полной безнадежности и отчаянья Путника.

Несмотря на период дождей, загадочное оружие Путника в оранжевых лесах продолжает действовать. При новой попытке приблизиться к летучему снаряду навсегда вышло из строя еще семеро могучих...

5. ДС-00011

— Мы должны обмануть службу наблюдения, — старик говорил еле слышным шепотом, дрожал и оглядывался. — А для этого надо уничтожить одного робота. Только одного, Путник...

Сумасшедший! Ну, конечно, сумасшедший. Какой толк в уничтожении одного робота? А остальные? Да они засыплют нас пулями сквозь прозрачную проволочную ограду!..

— Не смотри на меня так, Путник. Я знаю, что говорю. Ты рассказывал, что в давние времена люди на вашей планете ходили в железных костюмах. И вот я подумал...

Предложение старого ученого сначала показалось мне нелепым и невыполнимым. Но чем больше я думал, тем лучше понимал, что это — единственная возможность побега.

Роботы одного роста со мной. Надо «убить» металлического конвоира, не повредив, даже не поцарапав его блестящие латы. Потом «выпотрошить» из него электро-внутренности, влезть в железную шкуру, как в скафандр, и затеряться среди стражи. Затеряться и ждать. У роботов, как и у людей, бывают перемещения по службе...

— Во дворце Великих Правителей и Верховного Водителя есть мощная радиостанция, — продолжал чуть слышно старик. — Вход туда запрещен. Но ты прорвешься, Путник...

— Можно каким-то образом заманить робота к линии электропередач, — предложил я. — Короткое замыкание на железный корпус, и...

— Думал, не выйдет, — сразу оборвал меня ученый. — У роботов, правда, слабые контуры самозащиты — они солдаты, но к электропроводам они приближаются с величайшей осторожностью. Они их боятся... Роботы знают,

что в проводах таится смерть. Электрический ток — единственное, чего боятся роботы на планете Экз...

Понимаешь, Путник, — старик говорил медленно, словно наугад, ощупью подбирался к необходимой мысли. — Роботы очень самолюбивы. Более того, они заносчивы и надменны. Их убедили, что люди, а особенно, разумеется, воспитанники этой проклятой школы, слабы, глупы, жалки и ничтожны. Роботы уважают и боятся только службу наблюдения. Ведь запасные части, которые продлевают жизнь роботов, находятся на складах службы наблюдения...

Самолюбие и самоуверенность роботов надо использовать. Если наш железный владыка вдруг почувствует себя оскорбленным, резко повысится напряжение в электромозгу. Пробой изолятора...

Для робота это примерно то же, что для человека лопнувший кровеносный сосуд. Только вот обидеть робота трудно — он слишком презирует нас, чтобы обращать внимание на человеческие слова и насмешки...

Кожа у него ведь не просто толстая, — грустно пошутил мой собеседник, — железная...

— А если какая-нибудь игра, ну, к примеру, в загадки...

— Загадки — ерунда, — отозвался ученый. — Робота этим не заинтересуешь. Игра — дело другое. Но в каждой игре есть своя логика. А роботы, никогда не забывай этого, Путник, мыслят быстрее и логичней людей.

Значит, нужна игра азартная, интересная и нелогичная. Игра, требующая интуиции, а не последовательных, продуманных решений...

— Карты! Старая земная игра...

Старик потребовал объяснений. Внимательно выслушал. Покачал головой.

— Вряд ли. Однако надо попробовать. Беда в том, что, если робот одержит победу, его презрение возрастет. Ко всем людям и к тебе, Путник...

...Робот ДС-00011 — раздатчик пищи. Он давно находится в оранжевой пустыне, и, наверное, гнетущее однообразие надоело роботу. Ведь в его мозгу заложено гораздо больше информации, чем необходимо для ежедневной выдачи чашек с похлебкой. К тому же ДС-00011 после ужина на час-другой задерживается в столовой...

Карты мы изготовили без особого труда. Из ящика, в котором доставляют инструменты в шахту, старик украл лист белого, тонкого пластика — упаковочный материал. Рыжая руда и кусочки сажи послужили красками. Карточ-

ные дамы, нарисованные мной, конечно, не блистали красотой, а короли не поражали почтенным возрастом и несокрушимым здоровьем. Но различить их можно было без особого труда.

Трудность была в другом. О сложных карточных играх, которыми когда-то увлекались на Земле, о преферансе и покере я знал только понаслышке. Единственная игра, вспомнить которую мне удалось,— подкидной дурак. Старому ученому понравилось название. Но научился он этой игре, к нашему общему огорчению, легко и быстро. Однако выбора не было, и мы решили рискнуть.

Вечером, быстро выхлебав ужин, воспитанники разошлись. Робот помедлил несколько минут и, видя, что мы чего-то ждем, заявил:

— Второй порции никто не получит. Не полагается.

— Мы не собираемся просить у тебя вторую порцию, Доблестный Страж Три Ноля Одиннадцать,— подобострастно сказал старый ученый.— Я и мой друг Путник — пришелец с далеких звезд...

— Знаю,— прервал робот,— государственный преступник особой важности. Отказывается открыть планете Экз свою военную тайну.

— Ты все знаешь, могучий,— подтвердил старик,— Путник обучил меня игре, которой увлекаются люди на его далекой планете. Но играть нам негде: утром и днем — работа, а вечером — только у тебя светло и тихо...

— До голоса разрешаю,— заявил робот.

— До какого голоса? — не понял я.

— До голоса Правителя службы наблюдения. До приказа: «Спи!»

— Спасибо тебе, Доблестный Страж Три Ноля Одиннадцать,— поблагодарил я робота.— До голоса мы, наверно, успеем.

Мы сели так, чтобы никто не мог войти в столовую незамеченным. Я перетасовал самодельную колоду. Старый ученый, как заправский картежник, укрылся за раскрытым веером карт. Началась игра.

Сначала казалось, что все затеяно зря. Робот неторопливо убирал чашки, гремел ими на железных полках. Потом встал в открытых дверях. Фиолетовый свет блеснул на его латах, огромная тень доставала головой потолка. Он даже не оглядывался, а мы, вымученно улыбаясь, шлепали картами по нечистому столу. Унизительно и позорно чувствовать себя глупее машины.

Постояв у порога, робот неторопливо приблизился к нам. Со стороны это, наверное, выглядело забавным. Я астронавт, которому запрещено без специального разрешения общаться с разумными существами иных миров, азартно обыгрываю старого сгорбленного планетянина. А за нашей игрой внимательно наблюдает сквозь треугольные вырезы спущенного забрала средневековый рыцарь. Из его блестящего плеча вместо барсучьего султана или страусовых перьев торчит штывер радиоантенны.

ДС-00011 молчал. Я ждал, что с минуты на минуту прозвучит сентенция Правителя службы наблюдения о вреде ночных разговоров и пользе сна. Но расчет старика оказался правильным. Робот положил на колоду карт железную руку и потребовал:

— Объясни!

Он выслушал мою короткую лекцию о подкидном дураке. Спросил:

— Если кто на твоей планете проиграет, он считается дураком?

— Да.

— Хорошо. Я тебя обыграю, Путник.

Надо прямо сказать, что кибернетики планеты Экз не обидели ДС-00011 памятью. Он помнил все карты, все комбинации, помнил, у кого какие козыри. И он выиграл. Заставив принять меня свои последние карты — козырную девятку и короля, робот заявил мне:

— Дурак! — И старому ученому: — Дурак!

ДС-00011 не ругался, он, согласно правилам игры, констатировал факт.

Вторая, третья, четвертая партия. Как мы ни старались обыграть машину, у которой такие великолепные блоки памяти, это было невозможно.

Когда раздался радиоприказ, робот сказал:

— Идите спать, — и прибавил: — Дураки.

И это было очень обидно.

Я не изучал специального курса психотехники. Поэтому мне трудно судить о результатах этого вечера. Но старик сказал, что все прошло хорошо. Главная удача в том, что ДС-00011 игра понравилась. Выигрыш, правда, польстил самолюбию робота, и он еще сильнее уверовал в свое превосходство. Но если теперь мы сумеем подготовить для робота что-нибудь неожиданное, обида усилится

удивлением. «Чем более самолюбив робот, тем острее чувствует он оскорбление», — поучал меня ученый. Но откуда я возьму это «неожиданное», этот, будь он трижды проклят, удивительный, небывалый сюрприз?

Тщетно я рылся в памяти. Кто мог прежде подумать, что мне в космосе понадобятся земные игры людей далекой эпохи? Некоторые вспоминались: крокет, домино, лото, орлянка... Но все это явно не годилось.

Как ни странно, нужную игру подсказали мне автоматические весы. Когда я вывалил на них очередную тачку руды, часы заявили: «Прошло два с половиной часа, до конца нормы осталось двадцать одно...»

Ну, конечно же, — двадцать одно! Очко! — Карточная игра, которой увлекались в давние времена социально опасные люди — жулики и воры. Эта игра азартна. Быстрый темп, чередование проигрыша и выигрыша, удачи и неудачи. Мгновенная смена эмоций и, следовательно, мгновенная смена напряжений в электромозгу нашего металлического партнера.

Я объяснил правила игры своему ученому другу.

— Примитивно, — поморщился старый кибернетик.

Я предложил сыграть. На похлебку, как когда-то играли в тюрьмах. Старик взял карту, недоверчиво улыбаясь. Опомнился он, проиграв завтраки и ужины на месяц вперед. И мне пришлось убеждать потрясенного неудачей старика, что я не возьму у него ни одной выигранной чашки похлебки.

— Опасная игра, — сказал старик, — но это, пожалуй, то, что нужно. Полное отсутствие логики расположения карт в перетасованной колоде. Рассчитать нельзя, можно ориентироваться только на эмоции: предчувствие, веру, гадательные предположения.

По неподвижному лицу робота нельзя догадаться о мыслях и намереньях, поэтому, когда я предложил ДС-00011 сыграть в карты, он ответил не сразу. Казалось, что стук моего сердца может услышать даже стража за проволокой.

— Вы опять будете дураками, — наконец самодовольно сказал робот.

— Это другая игра, Доблестный Страж Три Ноля Одиннадцать, — объяснял старик. — Она примитивна. В эту игру на далекой планете играют дети...

— Проигравший считается дураком? — не дал закончить объяснения робот.

— Да. Считается, что он дурак даже среди детей.

— Правила?

Я рассказал.

— Карту!

Я остановился на семнадцати. У старика — двадцать три — перебор. У робота — две десятки.

— Дураки даже среди детей, — заявил нам ДС-00011.

Вскоре счастье изменило роботу. Он стал волноваться. Когда у него было мало очков, ДС-00011 барабанил железными пальцами по столу. Этот нервный стук был для меня сигналом — рискнуть, взять еще карту... И нет ничего удивительного, что робот проигрывал. И каждый раз я не забывал сказать ему:

— Ты — дурак. Даже среди детей.

Прозвучал радиоприказ: «Спи!» ДС-00011 не обратил на него внимания. Он проигрывал. Он мечтал отыгаться. Он, как тысячи незадачливых игроков, пытался угадать, понять, запомнить чередование карт в колоде. Самолюбие робота жестоко страдало. Электрические провода в его мозгу перегревались. Он погиб неожиданно, перегорел, как электроутюг.

Дальнейшее — просто. Ученый хорошо разбирался в роботехнике. Нажимая на какие-то рычаги, он раздвинул стальную оболочку робота, как раздвигают панцирь вареного рака. Старик, кряхтя и задыхаясь, вытаскивал из металлического костюма уйму каких-то шарниров, реле, метры перепутанного провода.

Все эти электровнутренности я зарыл глубоко в песок, возле столовой. Затем облачился в латы ДС-00011. Эти цифры были выгравированы у робота на груди и спине. Ходить в железном костюме тяжело, но я когда-то неплохо переносил перегрузку. Даже при разгоне космолета, который обычно проводит автопилот, я никогда не терял сознания.

— Пройдись еще раз, — попросил старик.

Я прошелся.

— Медленнее. Более степенно и важно.

Я прошелся медленно, степенно и важно.

— Теперь ничего. Скажи что-нибудь.

— Тебе пора спать! — Мой голос, замкнутый между забралом и металлическими захватами воротника, звучал глухо, как в подземелье.

— Похоже, — сказал, явно сомневаясь в этом, старик. Он хотел меня подбодрить. — Однако лучше говорить поменьше.

— Разумеется.

— Рычаги, чтобы снять шлем и нагрудник,— на правом боку. Твое место в случае тревоги, место ДС-00011,— возле главных ворот. Задача робота: не допустить прорыва воспитанников к воротам.

— Помню.

— Будь осторожен, Путник. Не забывай, что ты ДС-00011.

Стараясь ступать, как меня учил старик, важно и медленно, я подошел к воротам. Свет сильных ламп дрожал и переливался на моем панцире. Робот, охранявший выход, неторопливо и молча отодвинул массивную дверь.

Четвертое донесение соглядатаев:

...Следов подкопа под изгородью или перерезанной проволоки не обнаружено. Роботы в ту ночь были на местах, радиосирена в исправности. Необъяснимый побег Путника зародил в страже сомнения в своем превосходстве и могуществе. Объявлен всепланетный розыск...

Пятое донесение соглядатаев:

...Известие о побеге вызвало нежелательные толки. О Путнике говорят со страхом и уважением...

Шестое донесение соглядатаев:

...Сегодня ни один обитатель планеты не явился к домовому соглядату с рассказом о своих неблагонадежных мыслях и разговорах. Не доносят и друг на друга. Домовые и квартальные соглядаты встревожены...

6. Я ДЕЛАЮ КАРЬЕРУ

Радиосирена истошным воем вспорола воздух сразу же после завтрака. Тревога! Я бросил немытые чашки и полупустой котел с похлебкой. Скорей! Я стою на боевом посту возле главных ворот. В заключенных я стрелять не смогу, в роботов стрелять бесполезно...

Однако воспитанники и не рвутся к воротам. О чем-то оживленно переговариваясь, они бродят по песку. На работу никто не торопится. Да их и не посылают. За проволокой в ожидании замер железный ряд Доблестных Стражей.

Так прошел день. К вечеру прибыл сам Великий Правитель службы наблюдения.

Он шел вдоль проволоки, коротконогий, багровый, плешивый, злой. За ним шагали помощники в голубых куртках и роботы личной охраны. А сзади всех семенил Главный Учитель школы оздоровления мыслей. От его обычной, спокойной надменности не осталось и следа.

Что они искали? Правитель шел вдоль проволоки, как охотничья собака. Казалось, он даже принюхивается к песку. Правитель, видимо, искал мои следы. Он уже не верил ни роботам, ни соглядатаям. Он проверял свою гвардию сыска и стражи. Пускай, ничего он не найдет...

Обойдя проволочную ограду, Правитель со своей свитой вновь появился у главных ворот. Здесь он остановился, прижав растопыренные пальцы к жирной груди. Ходить пешком он отвык: я слышал прерывистое, астматическое дыхание.

— Где этот тупица? — спросил, отдышавшись, Правитель.

Всесильный Главный Учитель, видимо, не сомневался в том, кого так называет Правитель. Торопливо подбежал, согнулся в низком поклоне. Испуганно вздрогнул, почувствовав на плече металлическую руку робота личной охраны Правителя.

— Тупица, — повторил Правитель. — Сам тупица и соглядатаи твои — тупицы. Доносили: здоров, вежлив, хорошо спит... Болваны! Да ты понимаешь хоть, что произошло?

— Государственный преступник будет пойман, — пролепетал Главный Учитель. — Он слишком замечен. Его обнаружат в любом месте планеты.

— А вдруг Путник стал невидимым? А может, он летает по воздуху? — сказал Правитель. — Ведь это существо с другой планеты. Нам неизвестны его возможности и намеренья. Неизвестны, понял? А ты считал Путника обычным воспитанником. Давал ему двойную порцию. Хвастал, что скоро он придет в отчаянье и все расскажет. Тупица! Я пришел в отчаянье, а не Путник. И клянусь Верховным Водителем, ты тоже придешь в отчаянье!

Голубые куртки засуетились, испуганно шарахнулись в стороны. Робот личной охраны швырнул Главного Учителя на песок, короткий ствол ружья наклонился, словно сам отыскивал жертву.

— погоди, могучий, — закричал Главный Учитель

и пополз к ногам Правителя. — Двадцать лет службы! Первый побег! Никогда больше не повторится!..

— Что верно, то верно, — Правитель отступил от торопливо ползущего к нему человека, — больше никогда не повторится.

Выстрел. Главный Учитель ударился лицом о горячий песок. Раскинув руки, прижав разбитую голову к потемневшему от крови песку, он еще долго сучил ногами, будто хотел зарыться, спрятаться, уйти в глубь планеты. Даже после смерти он боялся Великого Правителя. Потом перевернулся набок, треугольные глаза остекленели, и он затих, подтянув колени к подбородку.

Я покачнулся, на миг теряя сознание. Первый раз в жизни я видел человека, убитого по воле другого человека. Не жалость, а какой-то темный, неосознанный ужас захлестнул меня. Варвары сбежали из прошлого! Они стояли передо мной. Повелевали. Управляли планетой. Бросали в тюрьмы ученых. Расстреливали. Они вывернули наизнанку высокие понятия о долге, совести, чести. Они запутали, оболванили, оглушили народ, руками которого были созданы великолепные машины. Они даже машины заставили следить, доносить, убивать. И пусть, если придется вернуться на Землю, меня трижды судит Совет Межпланетных Связей, я все равно не могу быть только очевидцем, только свидетелем, только разведчиком космоса. Я здесь, значит, я отвечаю за все. За все убийства, за все несправедливости, за все муки людей. Отвечаю, ибо я — человек, разумное существо...

— ДС-00011, ДС-00005, подойдите к Правителю службы наблюдения!

Зачем? Что ему нужно? Неужели они догадались? Мои ноги, тяжелые от металлической обуви, кажется, вросли в песок. Нужно было сделать величайшее усилие, чтобы сдвинуться с места. Слава звездам, лицо мое укрыто блестящим забралом.

— ДС-00011 — раздатчик пищи, ДС-00005 — смотритель работ, — представил нас Правителю юркий человечек в голубой куртке.

— Вы хорошо запомнили Путника? — спросил Правитель. — Походку, голос, лицо? Вы должны хорошо знать бежавшего государственного преступника. Ты — кормил его, ты — водил на работу.

— Помню его, хозяин, — сказал ДС-00005.

Я кивнул металлической головой.

Правитель помолчал. Он внимательно разглядывал нас своими треугольными глазками. Если он догадается... Я покосился на короткий ружейный ствол, торчащий у меня из-под правой руки...

— Я удостоаиваю вас великой чести, могучие роботы,— торжественно заговорил Правитель.— Вы будете первыми и единственными Бессмертными Роботами планеты Экз. Даже если вы испортитесь больше, чем наполовину, служба наблюдения всегда найдет для вас запасные части. Понятно?

— Да, хозяин,— восторженно проревели мы. Я, разумеется, старался реветь потише, чтобы железный коллега заглушил мой голос.

— Но, кроме великой чести, на вас возлагается и великая ответственность,— продолжал Правитель.— Ты,— ткнул он короткой рукой в грудь ДС-00005,— будешь охранять меня. Всегда, везде. Днем и ночью. И, если увидишь Путника, убьешь его! Ты,— обратился Правитель ко мне,— будешь стеречь комнату, из которой Верховный Водитель говорит с народом. Никто, кроме меня, не может войти туда. Ты будешь Бессмертным Роботом Ноль Один, Хранителем Белого Рычага с Круглой Пломбой. Все понятно?

— Да, хозяин.

— Отличить роботов знаками их великих достоинств,— распорядился Правитель.

Юркий человечек в голубой куртке залепил цифры, выгравированные на моем панцире, пластиковым квадратом со светящимся знаком БР-01.

Второй пластиковый квадрат мне наклеили на спину. На груди моего соседа засветилось БР-02.

— Бессмертный Робот Ноль Два, ко мне в машину,— приказал Правитель.— А этого немедленно доставить на везделете во дворец Верховного Водителя. Показать Рычаг с Пломбой. Объяснить обязанности...

Мы ехали по оранжевой пустыне. Солнце накалило латы. Я вспотел. Зудело и чесалось тело, но добраться до него сквозь железный костюм я, разумеется, не мог.

Когда я измучился настолько, что даже перестал ощущать на себе липкую рубаху, истлевающую от соли и зноя, голубая куртка, обернувшись, сообщила:

— Город Ок.

Ок был похож на Тув. Такие же безглазые дома, такие же безликие улицы. Города были схожи, как две капли

воды. Две капли. О, если бы сейчас поймать пересохшими, растрескавшимися губами хоть одну каплю!

— Дворец Верховного Водителя... Слышишь, БР-01?

— Да, хозяин.

7. СЛУШАЙ, ЗЕМЛЯ!..

Дворец Верховного Водителя не оправдывал своего пышного названия. Я не увидел ни мраморных лестниц, усталых цветастыми коврами, ни бесчисленных колонн, изукрашенных резьбой. Словом, всего, что связано по курсу истории с понятием дворец.

Дворец Верховного Водителя — большое здание с множеством длинных коридоров и квадратных комнат, по которым целый день сновали и в которых работали чиновники. Удивляло только одно: в маленьких комнатах гнулись над какими-то таблицами пять-восемь чиновников. А в больших, как правило, восседал один. И стол перед ним всегда пустой. Иногда этот чиновник выходил из своего большого квадрата и начальственно покрикивал на сидящих в тесноте. И они виновато горбились под надменным прищуром его треугольных очей.

Верхний этаж дворца занимает зал заседаний Великих Правителей с подсобными помещениями: комнатами приятных бесед, буфетом, ванными... И большой холл, в который выходит только одна дверь. Ее пересекает массивный рычаг, изготовленный из неизвестного на Земле белого металла. Сбоку — на витом золоченом шнуре большая пломба.

Сюда никто не заходит. Обычно из-за двери звучит малоприятная для моего слуха музыка. Утром и вечером доносится голос Верховного Водителя. Он читает стихи о том, что пора вставать или, наоборот, о необходимости немедленного сна. Каким образом Верховный Водитель проникает в комнату, где другой вход в нее, я пока не знаю.

До моего появления верхний этаж во дворце — точнее, дверь с рычагом и пломбой — охранял робот ДС-0043. Теперь мы сторожим рычаг вдвоем. Обязанности простые — убить каждого, кто попытается открыть заветную дверь. Если появится Путник, стрелять без предупреждения. Узнать Путника должен, разумеется, я.

Вечером, когда последний чиновник покинет дворец

и все входы и выходы займут роботы наружной охраны, я обхожу верхний этаж. Это, правда, не входит в мои обязанности. Но без вечернего обхода мне не выдержать роли робота. Я проникаю в буфет, благо он не запирается. Набираю снеди и запираюсь в ванной. Там я с наслаждением снимаю с себя панцирь и шлем, выбираюсь из железных штанов и ботинок. Умываюсь, ем, разминаю мускулы.

Это — короткий отдых. Потом снова, как улитка, влезаю в твердую оболочку. Важно и неторопливо возвращаюсь на свой боевой пост. Мой механический подчасок меня ни о чем не расспрашивает. Очевидно, он считает, что я по вечерам проверяю, не спрятался ли где Путник. Местонахождение Путника мне известно точно, я знаю, что он неожиданно появиться не может, и я спокойно засыпаю внутри металлического костюма. Сплю, конечно, стоя, привалившись плечом к стене.

Я не тороплюсь. Поспешность в моем положении — смерть. Когда я начну действовать, у меня будет всего один шанс из ста, а у моих противников — девяносто девять. Нужно продумать и выверить каждый будущий шаг, каждое движение, чтобы не споткнуться на какой-нибудь мелочи.

Ведь я теперь в ответе не только за свою жизнь. Я должен спасти старого кибернетика и его друзей — ученых, поэтов, философов, которых держат в оранжевой пустыне. Я должен помочь Ру, которая донесла на меня и себя, думая, что это ее долг. И другим, таким же, как Ру, — обманутым и запуганным, трудолюбивым и по-своему честным. Я должен помочь народу оранжевой планеты. Я должен... А я один, как перст...

Радиостанция, о которой мне рассказывал старый ученый, несомненно, находится за дверью с белым рычагом. Надо войти туда ночью, когда во дворце никого нет. Попробовать установить связь с Землей...

Легко сказать — войти. А мой железный коллега, который ни на секунду не отлучается от двери? Мало того, он стоит возле сигнализации — нажмет кнопку, и роботы внешней охраны прибегут к нему на помощь.

Я перебрал тысячи вариантов нападения на Доблестного Стража Два Ноля Сорок Три. И все они никуда не годятся. Пуля не пробьет его латы. Послать куда-нибудь ДС-0043 я не могу: он мне не подчиняется. Драться? Он, несомненно, сильнее меня...

Обычно мы стоим молча. Разговаривать нам не о чем. Инструкция предельно ясна. А личных дел у нас нет и быть не может: ведь мы — машины. И все-таки какие-то мысли бродят в его железной башке. Сегодня робот спросил:

— Ты видел Путника?

— Да.

— Какой он?

Почему это заинтересовало робота? Рвение часового, который хочет больше знать о предполагаемом враге? Желание чем-то занять мозг, давно не получавший информации? Попытка завязать со мной дружбу? (Кто его знает — вдруг роботы не чужды стремления обзаводиться приятелями?) Просто — провокация?

В моем положении надо ждать всего. И быть готовым к самому худшему. Поэтому я ответил, будто рапортовал начальству:

— Государственный преступник, Путник далеких звезд, достигает роста могучего робота. Волосы светлые, глаза — голубые, маленькие, овальные...

Казалось, ДС-0043 чем-то взволнован. Он несколько раз переступил с ноги на ногу, потом подошел ко мне.

— Говорят, он тоже робот.

Сердце у меня заколотилось и упало куда-то вниз, в железные башмаки.

— Он не может быть роботом, — я старался не выдать себя взволнованным дыханием. — Путник не металлический, он — мягкий, как люди...

— Может быть, на других планетах роботов делают не из железа, а из пластика? — предположил ДС-0043.

Я молчал. Будь я проклят, если буду продолжать разговор о Путнике-роботе. Одно неосторожное слово, и я проговорюсь.

ДС-0043, не дождавшись ответа, сказал:

— Человек никогда не сможет обмануть могучего робота. А Путник сумел. Он прошел без воды через оранжевую пустыню. Человек этого не может. Значит, Путник — робот...

Возразить трудно, логика безупречная. А может быть, не возражать? Объяснить себя Роботом далеких звезд? Поднять восстание роботов? Чуть! Такого не бывает. Роботы — мыслящие машины. И точка. Восстать они не могут. А вдруг...

— Ты давно охраняешь Белый Рычаг? — спросил я.

— Давно.

— Когда-нибудь видел, что за этой дверью?

— Нет.

— А если посмотреть?

ДС-0043 отшатнулся от меня, стал возле сигнализации. Только тогда ответил:

— Если будет сорвана Пломба, нас размонтируют.

Мы больше не разговаривали. Смерть есть смерть, и агитировать робота бесполезно. Жертвовать собой умеет только человек.

Наконец я придумал, как снять ДС-0043 с поста. Робот даже не успеет подать сигнал тревоги внешней охране. Я только не был уверен, что сам останусь жив после этого.

Другого выхода нет. Надо рисковать. Рано или поздно заметят, что в буфете исчезают продукты. А роботы не едят. Заметят мои путешествия в ванну. А роботы боятся воды. Заметят — и я погибну. Причем без всякой пользы...

Ночь. Я вернулся из своей обычной экспедиции в буфет. ДС-0043 стоял, как всегда, у своей кнопки.

— Путник не робот, — сказал я, будто вдруг меня осенило.

— Почему?

— Путник ел в оранжевой пустыне. Я сам выдавал ему пищу, — я переминался с ноги на ногу, словно разговор меня очень взволновал (прикидываться было нетрудно: я на самом деле сильно волновался). Подошел к Доблестному Стражу.

— Может быть, на других планетах роботы едят? — неуверенно предположил ДС-0043.

— Роботы нигде не едят, — сказал я и положил железную руку ему на плечо. Другой рукой я сорвал изоляцию с электропровода, который был натянут над узкой дверью.

...Не знаю, сколько времени мы пролежали на полу, рядышком, как родные братья. Робот, убитый коротким замыканием, и я, контуженный ударом тока. Напряженне, слава звездам, было небольшое, иначе бы я не выжил.

С трудом встал. Мышцы болели так, будто мясо отрывалось от костей. Я держался за рычаг, чтобы не упасть, и у меня не было сил его повернуть.

Вцепившись в рычаг двумя руками, я наконец дернул и порвал золоченый шнур. Ударом плеча вышиб дверь. Шагнул через порог.

Ну, конечно, другого входа нет. Верховного Водителя планеты Экз заменяла мощная радиостанция и магнитофон с часовым механизмом.

Первое — связь с Землей. Я надеялся, что роботы внешней охраны не ворвутся в здание без сигнала тревоги. Однако они могли оказаться более сообразительными и менее дисциплинированными служаками, чем я предполагал. Надо торопиться. Отрегулировав передатчик, я наклонился к микрофону:

— SOS! Слушай, Земля! — Я начал с древнего межпланетного сигнала, чтобы все радиостанции в космосе замолчали и настроились на мою волну. — Слушай, Земля! Космолеты, находящиеся вблизи созвездия Эридана! Говорит планета БА-117. Говорит разведчик «Одиссея» — Тванд. Планета БА-117 обитаема. Отношение к землянам враждебное. Будьте осторожны. Жду помощи.

Я знаю, что созвездие Эридана лежит в стороне от проторенных космических дорог.

Но древний сигнал человека, зовущего на помощь, дойдет до Земли. Мои слова летят сейчас через черные пространства космоса, и астронавты решают, кто из межзвездных кораблей ближе к оранжевой планете...

Теперь обращение к обитателям планеты Экз:

— Слушайте все! Говорит дворец Верховного Водителя. Верховный Водитель мертв. Он давно умер. Именем Верховного Водителя правят бесчестные люди. Богатеи, палачи и соглядатаи.

Люди! Не бойтесь службы наблюдения. Не доносите друг на друга! Не рассказывайте соглядатаям о себе! Я, Путник далеких звезд, говорю вам: верьте друг другу, помогайте друг другу!..

А теперь, чтобы вы хоть несколько дней подумали над моими словами в тишине, я ломаю радиостанцию. Передача закончена.

Я отключил ток. Железными кулаками крушил хрупкие радиодетали. Не успокоился, пока рация не превратилась в осколки битого стекла и мешанину порванных проводов.

Затем я втащил в комнату Доблестного Стража Два Ноля Сорок Три. Соединил шлем робота с электропроводами. После этого дал сигнал тревоги.

Вслед за роботами в комнату вбежал человек в голубой куртке, который привез меня из оранжевой пустыни. Я показал ему на ДС-0043.

— Он взбесился, хозяин. Я убил его.

— Поздно ты убил его, робот...

Расследования не было. Думаю, что службе наблюдения теперь не до меня. Я брожу по городу Ок. Изредка нахожу пищу. Чаще голодаю. Ослаб. Жду помощи. Слышишь, Земля?

Седьмое донесение соглядатаев:

Роботы ушли из оранжевой пустыни. Еретики, фантазеры, враги порядка затерялись среди жителей планеты...

Восьмое донесение...

Матери требуют вернуть им детей из школ становления мыслей. Разгромлено две такие школы. Задушено семнадцать соглядатаев...

Девятое...

Люди в одиночку и даже по ночам выходят на улицы. Большинство роботов не обращают на это внимания.

Десятое...

В городе Ок роботы захватили склады запасных частей. Объявили себя бессмертными. Считают Путника Роботом далеких звезд. Отказываются выполнять приказания службы наблюдения.

Одиннадцатое и последнее, принятое и расшифрованное космолетом «Сибирь»

Летучий снаряд опустился возле города Ок. Пришельцы увезли к звездам Бессмертного Робота Ноль Один. Летучий снаряд Путника, оставленный им возле города Тув, уничтожен пришельцами.

Ходят слухи, что БР-01 и есть Путник, который бежал из оранжевой пустыни.

Рабочие организуют комитеты самоуправления. Роботы планеты Экз бездействуют...

ЧЕРТА, ЗА КОТОРОЙ...

Рассказ

Он был обречен. Стрелка давно находилась за чертой, предупреждающей об опасности. Шкала прибора разделалась надвое: справа — черные цифры, слева — красные. И вот уже более двадцати минут стрелка дрожала на красной половине. Это означало, что доза облучения в несколько раз превысила допустимую норму.

Ему все еще не верилось, что он умрет. Как-то не укладывалось в голове, что сильные ловкие руки заломятся в конвульсиях, а чуткие пальцы скрючит нелепая судорога. Может быть, от неверия было не страшно, а только грустно.

Он выключил, потом снова включил портативный индикатор радиоактивности. Стрелка упрямо пересекла черту, остановилась на красной половине.

Тогда ему в голову пришла мысль, что через всю человеческую жизнь проходит такая же невидимая черта, и одним людям раньше, а другим позже все-таки приходится перешагивать через нее.

Когда он пересек свой невидимый рубеж?

Закрыв глаза, он представил события сегодняшнего дня...

Утро началось с массажа. Массаж был закончен, но он все еще лежал на животе, упираясь подбородком в твердый валик кушетки. Раздался звонок. Пилот поднялся с кушетки, подмигнул массажисту.

— Значит, летим?

— Летим,— закивал головой негр.

— Что тебе привести оттуда?

— Горсточку лунной пыли. Я расфасую ее в пакеты и буду продавать в розницу, как лучшее средство от лунатизма,— хихикал негр, старательно натягивая на Пилота противоперегрузочный костюм.

— Я лучше привезу тебе лунный камень, белый, как кусок рафинада. Ты натрешься этим камнем и станешь совсем таким, как я. Ведь ты мечтаешь стать белым?

— О да! Я с нетерпением буду ждать вас. Возвращайтесь скорей, мне не терпится стать белым.

Пилот приветливо помахал рукой и пошел к выходу. Его ослепило солнце. Под жаркими лучами белели бетонные плиты ракетодома, а огромное тело ракеты казалось отлитым из расплавленного металла. Здесь все до мелочей было знакомо ему — и бегущие с грузом оранжевые автокары, и муравьиная суета людей, облепивших ракету, и оглушительный грохот динамиков. Он смотрел на цветные кубики зданий Компании, на дрожащий в знойном мареве город, и ему начинало казаться, что когда-то давно, в детстве, необъяснимым внутренним зрением он уже видел все это. Ему показалось, что еще мальчишкой он знал, что будет вот так стоять в дверях и всматриваться в причудливо изломанную линию гор на горизонте.

К нему подошел доктор.

— Как себя чувствуете?

— Отлично, только курить здорово хочется.

— Вам повезло, — сказал доктор, — через час вы покинете это пекло. Все-таки пилоты счастливые люди, избранная каста, которой ничего не стоит взять и коснуться неба. Сегодня оно голубое и холодное, как кусочек льда.

Голос доктора, влажная лысина и темные круги пота под мышками — все это разозлило Пилота. Сдерживая растущее раздражение, он процедил сквозь зубы:

— Там нет неба. Там ничто. Черное ничто сверху, внизу — всюду.

Удивленный резким тоном, доктор взглянул в лицо Пилоту и, чтобы как-нибудь закончить разговор, сказал:

— Значит, самочувствие хорошее... Я очень рад. А курить перед полетом все-таки не рекомендую.

Пилот ничего не ответил. Он повернулся и, не прощаясь, пошел к Штабу полетов.

Инспектор встретил его подчеркнуто сухо.

— Вы опять опоздали к разбору программы. Если так будет продолжаться в дальнейшем, Компания расторгнет с вами контракт.

Пилота не испугала эта угроза. Он знал, что Компания опытными людьми не разбрасывается.

— Сегодня полетите с грузом, — продолжал Инспектор, — его нужно катапультировать в районе Моря Изо-

бия. Возьмите маршрутную карту. В пакете инструкции. Распечатаете в ракете. —

— Что-то уж очень таинственно, — усмехнулся Пилот.

— Не нам с вами обсуждать приказ Руководителя полетов.

Небрежно сунув карту в пакет, Пилот вышел из кабинета Инспектора. Он направился к входу в тоннель.

Двое служащих в серых форменных куртках Компании ощупали его карманы. Обыск ввели после того, как один из пилотов пронес на ракету бутылку спиртного и вернулся на Землю мертвецки пьяным.

Служащий спросил, нужен ли ему космический скафандр.

Пилот отказался. Он не любил летать в связывающем движения скафандре.

Электровагон промчал его тоннелем, который заканчивался у подножия эстакады. Лифт поднял Пилота к зияющему люку ракеты.

Опустившись в центральный пост управления, он лег в противоперегрузочное кресло, пристегнул себя ремнями, включил рацию.

В наушниках был слышен искаженный мембраной голос Инспектора.

— РВС-3, как слышите меня? Прием.

— Слышу хорошо. К полету готов! — ответил Пилот.

— Минута готовности! — объявил Инспектор.

У самого уха тоскливой осенней мухой бился в наушнике голос, отсчитывающий секунды: «Пять... три... одна... ноль!»

Наступила тишина. Ее взорвал рев двигателей.

Рев и вибрации сотрясали каждую клетку тела. А затем навалилась тяжесть, от которой трудно дышать и наливаются свинцом руки и ноги, а веки так давят на глаза, что в черном провале сознания начинают плясать цветные пятна.

Чтобы как-то отвлечься от неприятного состояния, Пилот начал в уме перемножать многозначные цифры. Это всегда помогало ему при перегрузках.

И вдруг рев прекратился. От внезапного перехода к тишине стало больно ушам. Исчезла тяжесть. Наступила невесомость.

Теперь ракета летела по инерции, управляемая с Земли лучом радионаведения. Информация, собранная чуткими приборами, поступала к пилоту-киберу — электронно-

аналитической машине, которая являлась мозгом космического корабля. Кибернетический пилот сопоставлял полученные данные, принимал решения, вносил поправки в курс. Человеку приходилось лишь страховать умную машину на случай выхода из строя какого-нибудь прибора. Но дублиаж приборов практически исключал этот случай. Поэтому восьмой параграф инструкции Компании гласил: «Пилоту разрешается самостоятельно управлять ракетой только при возникновении катастрофических обстоятельств».

Такие обстоятельства были маловероятными на этом проверенном обычном маршруте.

Пилот освободился от ремней и подошел, вернее, подплыл к пульту управления. Первым делом он включил экран кругового обзора. Над его головой засветился стеклянный купол, занимающий весь потолок кабины. Среди ячеек координационной сетки он увидел знакомые очертания созвездий.

Сзади, в черном ничто, повис голубой туманный шар Земли. От него к Луне протянулась белая пунктирная линия маршрута, по которой скользило силуэтное изображение ракеты.

Убедившись, что космический корабль идет по курсу, не рыская, Пилот занялся пультом управления.

Весело перемигивались цветные лампочки, самописцы чертили свои замысловатые кривые, шевелились черные усики стрелок и приборов.

Но что-то встревожило Пилота. Он наклонился к пульту и несколько раз ударил кулаком по металлической панели. Индикатор радиоактивности бездействовал. Его глазок мертво чернел среди остальных, работающих приборов.

Пилот вынул из кармана портативный индикатор и включил его. На крышке прибора зажглась зловещим красным светом неоновая лампочка, а стрелка поползла и остановилась на полпути от черты, предупреждающей об опасности.

Пилот озадаченно взглянул на рожок сирены. Сирена молчала. Тогда Пилот чертыхнулся. Он ничего не понимал. Радиационные поля Земли давно пройдены. Откуда на корабле такая мощная радиация?

Его тренированный мозг подсказал быстрое и правильное решение. Пилот, не дожидаясь сеанса связи, запросил Землю. Он нажал кнопку экстренного вызова.

На экране видеофона появилось искаженное помехами лицо Инспектора.

— Что-нибудь случилось? — спросил Инспектор.

— Сам не пойму. Испортился индикатор радиоактивности. А портативный показывает такое, что если ему верить, то я нахожусь не в ракете, а в атомном котле.

— У вас разве есть индикатор? — встревожился Инспектор.

— Портативный, я его всегда беру с собой. На всякий случай.

Инспектор выругался в сторону и сказал:

— Вы ознакомились с инструкцией?

— Еще не успел. Сейчас вскрыю пакет.

— Не нужно. Я соединяю вас с Руководителем полетов.

Вместо Инспектора теперь с экрана смотрели выпуклые зеленые глаза Руководителя полетов. Этот человек был для многих загадкой. Пилот не раз слышал о блестящем уме, о ледяном хладнокровии и неуловимой жестокости Руководителя.

При немногих личных встречах Пилоту почему-то всегда казалось, что он имеет дело с кибернетическим устройством, которому волей случая приданы человеческие формы. Может быть, поэтому личность Руководителя полетов вызывала в нем болезненное любопытство.

— Что за паника? — донеслось с экрана.

— Меня беспокоит радиоактивность.

— Вас предупредили о грузе.

— Да.

— Тогда можете взглянуть на него.

Цепляясь за ременные петли, Пилот добрался до грузового отсека. Сорвав пломбу, он открыл дверь. Посреди низкого помещения стояли два освинцованных ящика. На ящиках было написано «РО», а под буквами в жуткой усмешке скалил зубы череп.

— Радиоактивные отходы, — дошел до сознания Пилота смысл написанного. У него побежал по спине холодок.

Пилот повернулся. За ним следили умные глаза Руководителя полетов. Задыхаясь от внезапно охватившего его ужаса, Пилот одним прыжком очутился у пульта.

— Что это значит?! Что это значит?! — стуча зубами, повторил он. — Вы решили избавиться от меня?

— Прекратите истерику, Пилот, — холодно приказал Руководитель полетов. — Никто не покушается на вашу

жизнь. Ящики страшны только с непривычки. На самом деле врачом точно подсчитана доза облучения за время полета. Она не превышает допустимой нормы. Могу только сообщить, что Компания оплатит этот полет втрое по сравнению с обычным тарифом.

— Но мне не нужны лишние рентгены,— заорал Пилот.

— Понимаю, груз не из приятных,— сказал Руководитель полетов.— И все же ничего не поделаешь! За точное выполнение программы вам платят деньги. Очень хорошие деньги. Постарайтесь представить, что в ящиках находятся аккумуляторы или, скажем, яйца. Обыкновенные куриные яйца.

Руководитель полетов замолчал. По экрану бежали косые линии. Сеанс связи был закончен.

Пилот взглянул на портативный индикатор. Стрелка прибора передвинулась еще на несколько линий, но все еще находилась достаточно далеко от красной черты. Пилот поднял глаза вверх. Лунный диск теперь занимал почти всю переднюю часть купола кругового обзора. Через десять минут включатся двигатели и переведут ракету на орбитальную кривую. Некоторое время она будет спутником Луны.

Когда ракета пройдет над Морем Изобилия, Пилоту придется нажать кнопку. Свинцовые ящики уползут по транспортеру в катапульту. После этого останется только потянуть на себя красный рычаг.

Короткое движение избавит Пилота от опасного груза, от тревожного ожидания, что стрелка прибора пересечет опасную черту.

Сжатый воздух вытолкнет ящики из ракеты. Они с чудовищной скоростью врежутся где-то в кратере Колумба. И только фонтаны пыли да две воронки будут напоминать о том, что на Луну упали ящики со страшными буквами «РО».

Пилот поймал себя на мысли, что он не понимает, зачем должны выбрасываться радиоактивные отходы на Луну. Вблизи Моря Холода, в кратере Платона, находится геологическая станция. В кратере Лонгрена строится обсерватория. Океан Бурь в скором времени станет отличным международным ракетодромом. Правда, сброс произойдет далеко от этих мест. Но ведь и в Море Изобилия когда-нибудь придут люди. Безобидная на первый взгляд пыль будет занесена в жилища... и там пылинкам удастся

попасть в царапину кожи или на слизистую оболочку, они будут нести смерть всему живому.

Световое табло предупредило Пилота о том, что через минуту включатся двигатели.

Но он не нажал кнопку, и транспортер не опустил свинцовые ящики в катапульту.

Пилот думал.

Разрозненные незначительные факты, накопленные памятью, приобрели значимость. Цепляясь друг за друга, они вытянулись в его сознании в извилистую, но логическую линию.

Значит, все было предусмотрено... Индикатор радиоактивности на пульте отказал не случайно, он был просто отключен. И этот разговор с Руководителем полетов... Человек — правая рука Президента Компании — снисходит до разговора с рядовым Пилотом. Необычное явление...

Включились двигатели. Ускорение вдавило голову в плечи. Острой болью свело позвоночник. Хорошо, что все быстро кончилось, не то Пилот потерял бы сознание.

Вокруг Луны было сделано уже два витка, а груз все еще находился на ракете.

Пилот вспомнил, что когда-то он читал в газете, будто, несмотря на международное соглашение, одно из государств тайно продолжает ядерное вооружение. Тогда он не придал этому значения. Пилот всегда был далек от политики. А сейчас... Газетные строки связались в его голове с приездом на ракетодром месяц назад неизвестных людей. Ходили слухи, якобы они прибыли для заключения коммерческой сделки, которая намного увеличивает дивиденды Компании. Эти люди в сопровождении секретаря Компании осматривали ракеты, ангары, взлетную площадку. Гражданские костюмы не могли скрыть их военной выправки...

Теперь Пилот понял, что это были за люди. Те самые, что вопреки мировому мнению, готовились к войне. Понял, зачем его послали в этот рейс. Им нужно было уничтожить компрометирующие улики преступных намерений. И вот свинцовые ящики с радиоактивными отходами отправлены по маршруту Земля — Луна.

Разве он мог предположить, что помимо воли будет втянут в аферу по превращению Луны в радиоактивную свалку! Но даже невольное соучастие не снимет с него ответственности за ПРЕСТУПЛЕНИЕ.

Именно это слово подытожило его размышления.

Он не разбирается в политике, но отличить хорошее от плохого может. Что делать? Людям на Земле неизвестно ничего. Если сработает катапульта, никто не будет знать об этом...

Не будет вещественных доказательств. Если без ящиков Компании предъявить обвинение, она сумеет выпутаться. Что делать?

Стрелка дрожит в трех делениях от красной черты. Когда она пересечет зловещую границу, уже ничто не остановит смерть. А если...

Мысль вспышкой озарила его. Рация. Нужно известить мир.

Пилот торопливо включил передатчик. Он работал только на связь с радиомаяком Компании.

Они и здесь все предусмотрели. Отключен широкодиапазонный диапазон.

— Вы что, уснули? — раздался голос из видеофона. С экрана на Пилота смотрело костистое вытянутое лицо Инспектора.

— Почему не сброшен груз? Вы выбиваетесь из графика!

— Нет, я только проснулся, — ответил Пилот. — Знаете, бывает такое кошмарное состояние, когда человек во сне борется с громадным спрутом. Тот опутывает его своими щупальцами, и нет сил разорвать кольцо. Но вот человек просыпается. Оказывается, никакого спрута нет. Просто на лицо было натянуто одеяло. Человек сбрасывает одеяло и дышит свободно.

— Что за чушь вы там плетете! — возмутился Инспектор. — Немедленно катапультируйте груз, иначе будет поздно.

— Вы ограниченный человек, Инспектор. Вам недоступны гиперболы. Не сомневаюсь, вас удивит то, что я сейчас сделаю. Я нарушу восьмой параграф инструкции. Почему вы так побледнели?

— Это невозможно, — пробормотал Инспектор, — возвращение с грузом назад равносильно смерти. Врач точно рассчитал дозу облучения. Но он учитывал только время, необходимое для полета к Луне. Если вы вернетесь на Землю с грузом, количество рентгенов увеличится вдвое.

— Я это знаю, — просто сказал Пилот, — но ведь передатчик испорчен, а мне необходимо предупредить людей о махинациях Компании.

— Послушайте,— заторопился Инспектор,— я вам даю добрый совет. Выбросьте из головы блажь. Кончайте с грузом и возвращайтесь назад. Время еще есть.

— Я всегда утверждал, что у вас не хватает фантазии, Инспектор,— грустно улыбнулся Пилот.

— Безумец! Осел! Тупица! — сыпалось с экрана.

Пилот выключил звуковой канал и, посмотрев, как беззвучно шевелятся губы Инспектора, сел в кресло. Он отключил кибернетическое устройство и сам взялся за ручное управление.

Он был обречен. Об этом говорила стрелка портативного индикатора радиоактивности. Она давно пересекла черту, предупреждающую об опасности, и теперь дрожала на красной половине шкалы.

Но Пилот больше не смотрел на шкалу прибора. Его взгляд был устремлен вверх. Туда, где на куполе кругового обзора выросла голубой шар Земли. От маленького пятка Луны к нему протянулся белый пунктир маршрута. На каком-то участке этой пунктирной линии стрелка индикатора пересекла красную черту — своеобразную границу жизни.

Линия маршрута резко изменила свое направление. Именно в этой точке Пилот взял управление ракетой в свои руки.

Ему нет смысла возвращаться на свой ракетодром. Слава богу, на Земле есть другие, на которых люди выслушают его. И поймут. У него осталось очень мало времени для того, чтобы предупредить их.

Пилот без страха смотрел на линию маршрута. В каком-то ее участке стрелка индикатора пересекла красную черту. Границу жизни. И он шагнул навстречу смерти. А может, бессмертию?

Памфлет

ОПАСНЫЙ ШАГ

В разгар предвыборной кампании Джек Лесли чувствовал себя дирижером огромного оркестра. Только роль дирижерской палочки исполняли поддерживающие его газеты, телевизионные студии и радиовещательные стан-

ции. А в роли музыкантов выступали агенты-вербовщики голосов избирателей.

Самым главным и наиболее серьезным своим конкурентом Лесли считал Стива Джебсона — ставленника крупной нефтяной картели. Это был серый волк, знающий все тропы буржуазной демократии.

На сегодняшний день их шансы пройти в Конгресс были равными, и каждый ломал голову над хитроумной комбинацией, которая помогла бы утопить противника.

Утро Лесли начал с пересмотра газет и журналов. Неожиданно его внимание привлекло объявление, обведенное красным карандашом. Оно помещалось на последней странице газеты «Независимость».

«Доктор Краузе, — говорилось в объявлении, — с помощью изобретенного им «Детектора Правды» берется лечить пациентов от лживости, трусости, жадности и других моральных пороков».

«Очередное шарлатанство», — подумал Лесли и сердито нажал кнопку звонка.

Вошел секретарь.

— Что это значит, Бен?

— Что именно, сэр?

— Это объявление. Какое отношение оно имеет ко мне?

— Я думал, оно вас заинтересует.

— Какой вздор!

— Мне казалось, это объявление могло бы быть полезным.

— Вы так считаете? — Лесли задумался, что-то взвешивая про себя.

— Отлично, — наконец сказал он. — Отлично, мой мальчик. Немедленно привезите ко мне этого человека.

Когда секретарь ушел, Лесли вызвал к себе редактора газеты «Независимость». Редактор приехал через полчаса.

— Как вы смотрите на это? — без вступления спросил его Лесли, показывая на объявление.

Смит Лоусен прочитал, поморщил лоб.

— Какая-то чепуха, — сказал он.

— Зачем же ваша газета напечатала эту чепуху?

— Мы печатаем все, за что нам платят деньги, — сухо ответил Лоусен.

— Что вам известно о докторе Краузе?

— Ровным счетом ничего. Я не принимаю бредовые объявления. Этим занимаются мои сотрудники.

— Вы не имеете права обижаться,— жестко сказал Лесли,— потому что мой банк платит вам деньги, и немалые. С минуты на минуту здесь будет доктор Краузе. Садитесь, слушайте и наблюдайте!

В динамике, вмонтированном в стол, щелкнуло, и голос Бена сказал: «Доктор Краузе ожидает в приемной».

— Просите,— ответил в микрофон Лесли,— и никого ко мне больше не пускайте.

В кабинет вошел высокий, худой старик в сером поношенном костюме. Лесли сорвался с кресла и бросился ему навстречу.

— Мистер Краузе?! Как поживаете? Я вас ждал с нетерпением, дорогой док! Смит Лоусен,— отрекомендовал редактора Лесли, усаживая старика в глубокое кресло.— Он нам не помешает.

Ошеломленный такой встречей, старик молча рассматривал кабинет и время от времени большой жилистой рукой поправлял тесный пластмассовый воротничок.

— Мы вас пригласили сюда, дорогой мистер Краузе, чтобы узнать несколько подробнее о вашем замечательном изобретении.

Лесли устроился в кресле напротив и стал с интересом рассматривать гостя.

Доктору Краузе было за шестьдесят. Узкое лицо, голубые глаза и упрямо торчащий подбородок сразу выдавали в нем немца. Ключки седых бровей, нависающие на глаза, придавали его лицу угрюмое выражение.

— Тридцать лет,— глухо сказал Краузе,— тридцать лет поисков, надежд и разочарований. И вот, когда цель достигнута, когда найдено средство сделать человека чище, красивее, гармоничнее, оказывается, что это никому уже не нужно.

Я истратил на постройку «Детектора Правды» почти все свои сбережения, на объявления уходят последние деньги, но еще никто не пожелал воспользоваться моим прибором.

— Не нужно смотреть на жизнь так мрачно. Теперь все изменится. Ваше изобретение плюс моя финансовая помощь помогут вам приобрести уверенность и высоко поднять знамя благородной миссии очищения нашей нации от скверны. Не забывайте, вы здесь среди друзей. Не так ли, мистер Лоусен?

Лоусен, не понимая, куда гнет старая лиса, утвердительно кивнул головой.

— А теперь, дорогой док, не могли бы вы нам объяснить принцип действия вашего прибора?

— Я постараюсь рассказать, как работает мой аппарат. Только мне хотелось бы узнать: то, что вы говорили только что, серьезно?

— Вполне серьезно, — ответил Лесли. — Я обещаю финансовую поддержку и рекламу при условии, что ни один человек до установленного мной срока не воспользуется вашим детектором.

— Хорошо, — согласился Краузе. — Теперь о самом приборе. Вы, наверное, знаете, что человеческий мозг по своему строению во многом напоминает электронную машину. Только его конструкция неизмеримо сложнее и роль ламп в ней выполняют клетки. Миллионы клеток! В радиотехнике известно явление под названием «паразитические связи». Рядом стоящие машины или радиодетали наводят друг на друга индуктивные поля. Эта наводка мешает нормальной работе схем. Мною установлено, что в мозгу происходят приблизительно такие процессы. Нормальный человек не может родиться лжецом, мошенником, вором. Таким его делает окружающая среда, общество, создавшее благоприятные условия для свершения дурных поступков. Совершив однажды такой поступок, человек делает его еще раз, еще... В мозгу возникает центр, руководящий этим поступком. Со временем деятельность этого центра настолько усиливается, что он начинает пагубно действовать (наводит индуктивные поля) на соседние центры, например, каких-нибудь благородных поступков и разрушает их поля. Возникает паразитическая связь. С помощью электромагнитного поля определенной частоты и интенсивности «Детектор Правды» разрушает эти связи, и человек освобождается от моральных пороков.

— А это не опасно? — спросил Лесли.

— Не больше, чем сидеть возле вашего вентилятора.

— Все, что вы здесь рассказали, чрезвычайно интересно. Но прибор должен пройти серьезные испытания. Я решил проверить его действие на себе. Если результаты будут положительными, мы наладим массовый выпуск ваших приборов.

— Это то, о чем я мечтал! — со слезами на глазах сказал доктор Краузе.

— Завтра, перед выступлением по телевидению, я приду к вам. Только не забывайте о нашем договоре. Впрочем, я сам побеспокоюсь, чтобы он был выполнен.

Распроставшись с доктором, Лесли легко опустился в кресло. Лицо его расплылось в улыбке.

— Как сработано, дорогой Лоусен? Не дурно, не правда ли? Этот старый маньяк и не подозревает, в какую крупную игру влез?!

Лоусен недоуменно пожал плечами.

— Я что-то плохо соображаю, мистер Лесли! Какое отношение имеет этот сумасшедший со своим бредовым изобретением к предвыборной кампании?

— О-о, мой друг! Я думал, вы давно все поняли. Но если нет, значит, мой секретарь недаром ест хлеб. Слушайте! Я открою вам карты, так как большую часть работы предстоит сделать вашим мальчикам. Они не пожалеют, что взялись за это дело. — Лесли удобнее устроился в кресле. — Так же, как и вы, я не поверил ни одному слову этого доктора Краузе и уверен, что «Детектор Правды» — очередное шарлатанство, рассчитанное на дураков. Но Краузе может нам здорово помочь и своим аппаратом прибавить не одну тысячу голосов.

— Как же это он будет делать? — недоверчиво улыбнулся Лоусен. — Вы-то слышали: ни один человек не пожелал прийти к нему очистить свою душу от грехов.

— Это то, что нам нужно! Единственным человеком, который ничем не рискует, примет один сеанс очищения своей души и совести, как сказали вы, — Лесли рассмеялся, широко открыв рот, — буду я, Джек Лесли!

— Но зачем это вам?

— Слушайте до конца и не перебивайте! Итак, я буду единственным человеком, который избавится от моральных недостатков, душа которого будет чиста, как у новорожденного. А какой избиратель не захочет иметь в Конгрессе своего депутата с правдивой и чистой душой — депутата, который отстаивает его интересы, не ввязываясь в интриги и не делая свой личный бизнес?!

Старикашка своим «Детектором Правды» поможет нам убедить избирателей, что именно такого депутата они будут иметь в лице Джека Лесли. Теперь вы поняли меня, Лоусен?

— Это замечательный ход, мистер Лесли! Уверен, что полтора миллиона, тираж вечернего выпуска моей газеты город проглотит за полчаса. А кандидатура Стива Джейсона полетит у нас ко всем чертям.

— Не торопитесь, Лоусен, нужно все хорошо продумать и, самое главное, позаботиться, чтобы об этом трубили все

газеты и журналы. Чем больше треска, тем лучше. Ну, не мне вас учить, как это делается. Итак, если все ясно, действуйте. Желаю успеха!

Смит Лоусен действительно отлично знал свое дело. На следующее утро его газеты кричали огромными жирными заголовками:

«Джек Лесли будет самым правдивым человеком на земле!», «Верить можно только кандидату Лесли!», «Шансы Лесли быть избранным — растут!»

Сообщение о «Детекторе Правды» вызвало сенсацию. Возле дома доктора Краузе собралась толпа. Но даже самым пронырливым корреспондентам не удалось проникнуть внутрь дома. Вход надежно охраняло полицейское оцепление.

В семнадцать часов к дому подъехал шикарный черный автомобиль. Засверкали вспышки фотолампы, затрещали кинокамеры...

Доктор Краузе встретил Джека Лесли в тесном коридоре.

— Как это понимать, мистер Лесли? Со вчерашнего вечера ко мне никого не пускают. Больше того, эти люди не разрешают мне выходить из дому. Рядом с доктором стояли два здоровенных детектива.

— Не волнуйтесь, мистер Краузе, — ответил Лесли, — все это сделано для вашей пользы. Люди слишком возбуждены необычайностью опыта. Они будут вам мешать своим любопытством. В моем распоряжении немного времени. Может быть, начнем?

Доктор Краузе привел Лесли в небольшую комнату, увешанную всевозможными схемами. Вдоль стен разместились большие металлические шкафы. От них тянулись толстые черные провода к низкому белому креслу, установленному посередине комнаты. На спинке кресла был закреплен шлем, сверкающий в свете ламп, очень похожий на головной убор древневековых рыцарей.

— Это и есть «Детектор Правды», — сказал доктор Краузе, предлагая Джеку Лесли занять место в кресле. — В шкафах размещены генераторы и контрольные приборы. Их колебания подаются датчиком, вмонтированным вот здесь, — объяснил доктор, туго затягивая на подбородке Лесли ремни шлема.

Лесли вдруг стало страшно. «Может, старик действительно великий изобретатель», — мелькнула мысль. — В таком случае...

— Я начинаю! — прервал его мысли голос доктора.

Что-то сухо щелкнуло за спиной, и где-то низким басом загудел генератор.

Лесли в страхе весь подобрался. Но ничего не произошло. Он все так же сидел в кресле, голову охладили металлические пластинки датчиков, и за спиной продолжал свою монотонную песню генератор.

Джеку надоело сидеть в кресле, и он хотел было крикнуть старику в другую комнату, чтобы тот прекратил комедию, как вновь раздался сухой щелчок и голос доктора Краузе сказал:

— Вот и все!

— Я вам очень признателен, дорогой док,— говорил Лесли, освобождаясь от шлема.— После этой процедуры чувствуешь себя каким-то обновленным, чистым, добрым.

— Не так сразу,— улыбкой ответил Краузе.— Действие прибора проявляется через два-три часа.

«Обыкновенный мошенник,— с облегчением думал Лесли, выписывая чек для доктора.— Что ж, тем лучше!»

В студии телевидения Лесли в последний раз просматривал тезисы своего выступления. На экранах в это время шел специальный выпуск о великом очищении кандидата Конгресса.

Пробегаая глазами строчки выступления, Лесли почувствовал какое-то смутное беспокойство, неудовлетворение написанным.

«Странно, ведь текст писал один из лучших журналистов, выделенный редактором Лоусеном. Здесь в меру обещания, которым никогда не суждено сбыться, в меру нападок на конкурента Джебсона и не так много само-рекламы».

Обыкновенное предвыборное выступление. И все же Лесли казалось, что в нем что-то не так.

— Мистер Лесли! — позвал его помощник режиссера.

Лесли вышел в павильон. Зажмурившись от яркого света ламп, он сел за столик и положил перед собой напечатанный текст.

Оператор возился со светом, направляя на выступающего то один, то другой прожектор. Раньше такая возня раздражала Лесли, но сейчас чувство раздражения уступило место какому-то новому чувству, росшему в груди.

Он сидел, закрыв глаза, и прислушивался, как внутри него поднимаются теплые радостные волны.

Раздался звонок.

Вспыхнула надпись: «Микрофон».

Лесли открыл глаза и увидел красный светящийся глазок нацеленной на него телекамеры. Тогда сам не сознавая, что он хочет делать, Лесли взглянул в объектив и решительным движением отложил в сторону напечатанный текст.

— Дорогие друзья! Братья! Сестры! — сказал он про-
никновенным голосом, замирая от острой любви к людям,
пронизывающей все его существо. — Я хотел вас обмануть
нагло и бесстыдно. Здесь, — Лесли потряс текстом своего
выступления, — пятнадцать страниц спрессованной добро-
качественной лжи. Но в самый последний момент я опом-
нился...

Не мне быть вашим избранником, проводником ваших
надежд и желаний.

Режиссер и редактор передачи переглянулись.

— Что он там говорит? — спросил режиссер.

— Не знаю, — ответил редактор, — в тексте такого нет!

А с экрана на режиссерском пульте несло:

— Не поддавайтесь на предвыборные трюки. Они
существуют только для того, чтобы по вашим головам про-
лезть в Конгресс и проводить там политику, несущую
войну...

— Это же коммунистическая пропаганда, — взвизгнул
режиссер. — Он сошел с ума. Я не хочу лишиться работы.
Я прекращаю передачу!

Редактор вызвал по телефону скорую помощь.

Вместо Лесли на экранах появилось растерянное лицо
диктора. Он объявил, что по техническим причинам пере-
дача прекращается.

Два санитара волокли отбивающегося Лесли.

— Это вы сумасшедшие, вы, вы! — кричал он. — Вы
поражены бактерией человеконенавистничества. Не тро-
гайте меня!

На следующее утро в газетах появилось сообщение,
что кандидат в Конгресс Джек Лесли неожиданно сошел
с ума и находится в психиатрической больнице. Журна-
листы связывали это с вчерашним опытом в доме доктора
Краузе.

На выборах победил Стив Джебсон.

СОЛНЦЕ СЕЛО
В ПОЛДЕНЬ

Э-Чи ждал. Его красновато-коричневое тело почти сливалось с корой старого дерева, за которым он прятался. Э-Чи умел выжидать долго, терпеливо, закрыв глаза, чтобы блеск белков не выдал его присутствия. Но его уши и нос были настрожены.

Рядом проходила тропа к водопою. По ней, гонимые жаждой, спускались к реке животные. Вряд ли можно было найти лучшее место для охоты. Теперь Э-Чи понятно, почему Ла-Лах объявил эти места священными. Жрец говорил, что здесь охотится сам Великий Хас — огненное солнце, которое каждое утро рождается среди синеющих вершин гор и к вечеру прячется за дальними деревьями. И никто из мужчин не рисковал нарушить запрет. А Э-Чи нарушил, потому что в вигвамах племени уже давно не было мяса. Женщины толкли в каменных ступах коренья. Жалобно пищали голодные дети. Мужчины приходили с охоты уставшие и злые. Удача покинула их.

И только верховный жрец ел каждый день свежее мясо. Он не делился ни с кем. А когда, наконец, зароптали мужчины и пришли к нему, чтобы объявить о своем решении тоже идти охотиться в Дальний лес, Ла-Лах спокойно отложил в сторону кусок мяса, вытер рукой жир, стекающий с подбородка, и равнодушно сказал:

— Идите, но помните, того, кто охотится в священных местах, настигнет гнев Великого Хаса.

И охотники, которые не страшились встретиться один на один с пумой, испугались слов старика.

А Э-Чи не испугался, потому что у него было молодое мужественное сердце настоящего охотника.

Теперь ему было ясно, почему на жертвенном камне каждое утро лежала окровавленная туша. Жрец тайком от всех охотился в Дальнем лесу...

...Много времени находится в засаде Э-Чи. А Хас не сердится. Он вообще будто не замечает его и по-прежнему посылает свои световые стрелы, чтобы Э-Чи смог хорошо прицелиться. Э-Чи дождетя. Он бросит к ногам Ла-Лаха убитого зверя, плюнет толстяку в лицо и при всех назовет его лгуном.

Неподалеку послышался легкий треск. Сквозь заросли пробиралось какое-то животное. Ветер донес его острый мускусный запах, и Э-Чи понял, что это идет лим. Стараясь не делать резких движений, Э-Чи поднял лук, вложил стрелу и стал натягивать тетиву.

Рядом прошуршала змея, но Э-Чи даже не шелохнулся. Он открыл глаза и внимательно следил за тропой.

Лим появился неожиданно. Он настороженно поводил головой, подозрительно втягивая влажным черным носом воздух. Но ветер дул в сторону человека, к тому же охотник натерся пахучими травами, и лим узнал об опасности, только когда пронзительно свистнула стрела.

Животное на мгновение превратилось в изваяние, а затем одним прыжком метнулось в заросли.

Э-Чи издал гортанный крик и бросился за лимом. Он знал, что не промахнулся: лим ранен и долго не выдержит погони.

След вывел Э-Чи из леса. Дальше, до самого горизонта, тянулось безжизненное каменистое плоскогорье с чахлыми кустиками травы.

У лима не хватило сил уйти далеко... Он лежал, вытянув вперед голову, вздрагивая черными от пота боками.

Когда к нему подошел человек, лим попытался встать, но непослушные ноги подломились, и он рухнул на бок.

Э-Чи вытащил из раны стрелу. Окровавленным наколеником провел две горизонтальные полосы на лбу и вертикальную вдоль носа. Умело разрезав тушу, Э-Чи вынул дымящееся сердце, стал на колени, запел:

Великий Хас! Могучий повелитель всего живого!
Я убил лима!
Большого лима с рогами, как ветки старого дерева кола!
Я знаю, ты знаменитый охотник.
У тебя всегда много добычи.
И ты не рассердишься на меня за охоту в твоих местах.

Ведь я и ты — братья!
Вечером, выходя на Большую тропу охоты,
Ты становишься красным.
Посмотри на мою кожу!
Она такого же цвета, и под ней течет красная кровь.
Не сердись, Великий Хас!
Лучше послушай, как плачут маленькие дети в вигвамах.
Их голоса стали слабее шелеста листьев,
Сквау¹ нечем кормить их.

¹ Сквау — женщина.

Посмотри на воинов моего племени!
От долгого голода их глаза застилает туман,
Их руки стали слабыми, они не могут натянуть тетиву лука.
Воинам тоже нужно мясо.
Отдай мне убитого лима!
А сам возьми его сердце.

Так пел Э-Чи, протягивая к солнцу сердце оленя. И Великий Хас услышал его.

От солнца отделилось еще одно солнце. Оно становилось все ярче и ярче и летело прямо на Э-Чи... Э-Чи в ужасе закрыл глаза. Но даже с закрытыми глазами он видел красный огненный шар, опускающийся на землю, почувствовал нестерпимый жар, опаляющий лицо.

Взрыв и грохот сотрясали воздух. Взлетели вверх камни. Туча пыли поднялась до самого неба.

Трясущимися губами Э-Чи шептал слова, которые сам не мог слышать:

— Ты рассердился. Великий Хас, за то, что я предложил тебе сердце. Но ведь сердце убитой добычи всегда кладется на жертвенный камень... Если хочешь, возьми всего лима, только оставь меня в живых.

Новый взрыв потряс землю. Сверху обрушился град камней... Один из них сильно ударил по голове краснокожего воина. Перед глазами Э-Чи вспыхнуло яркое пламя. Ему показалось, что Великий Хас подхватил его и несет в голубое небо. Но прежде чем окончательно потерять сознание, Э-Чи вспомнил слова Ла-Лаха: «Того, кто охотится в священных местах, настигнет гнев Великого Хаса...»

Пыль долго висела в воздухе. А когда она улеглась, на плоскогорье, помимо безжизненного тела человека и полуразделанной туши оленя, появился еще один предмет. Это был гигантский шар. Расставив треногу упоров, он косо стоял над дымящейся воронкой.

Но Э-Чи ничего не видел. Он лежал, уткнувшись лицом в горячую пыль. Из страшной раны на голове лилась алая струйка крови. Он не видел, как из-под шара выползло Нечто. Оно было похоже на две перевернутые и сложенные вместе тарелки, из которых со всех сторон, как у дикобраза, торчали иглы. Впрочем, это были даже не иглы, а что-то наподобие щупалец, которые находились в непрерывном движении. С их помощью Нечто передвигалось. Оно обогнуло шар и продолжало кружить, с каждым разом расширяя зону исследований.

Двигалось оно неравномерно: то делало резкие броски,

то останавливалось, внимательно изучая отдельные участки почвы. Иглы-щупальца непрерывно изменяли свою окраску, по ним то и дело пробегали цветные волны. От этого Нечто походило на диковинный цветок.

Его размеры тоже изменялись. Через правильные промежутки времени оно сжималось и становилось величиной с человеческую голову, а затем внезапно увеличивалось и достигало в диаметре трех метров. Нечто словно пульсировало. И только в одном было постоянно, оно двигалось по правильным concentрическим окружностям.

Вот странное существо застыло около туши оленя. В недоумении зашевелило в воздухе щупальцами, затем стало изучать пезнакомый предмет. Концы щупалец легко касались неподвижного животного. Собранные в пучок, они быстро передвигались от головы к хвосту и каждое щупальце окрашивалось в определенный цвет.

Наконец Нечто потеряло интерес к мертвому оленю и поползло дальше. Так оно натолкнулось на Э-Чи.

Вновь повторился процесс ощупывания. Когда Нечто коснулось раны на голове человека, Э-Чи вздрогнул и застонал. От этого Нечто мгновенно увеличилось, стало ярко-желтым и замигало, как светлячок.

Э-Чи вскрикнул.

Нечто изменило окраску. Оно стало пунцовым. Концы щупалец начали разбрызгивать в воздухе струи жидкости. Эти струи растекались по всему телу Э-Чи, застывая прозрачной и эластичной пленкой. Через минуту Э-Чи был заключен в своеобразный кокон. Нечто подтянуло под себя этот кокон и быстрыми рывками двинулось к шару.

Э-Чи очнулся от тупой боли в затылке. Не открывая глаз, он ощупал руками голову. В одном месте небольшой квадратный участок кожи потерял чувствительность. Он упруго пружинил под кончиками пальцев, продавливаясь внутрь, будто под кожей не было кости. Боль рождалась в этом месте и растекалась по всему затылку. Проведя рукой по голове, Э-Чи обнаружил, что его череп гладко выбрит.

В мозгу пронеслись отрывки воспоминаний: погоня за лимом, гнев Хаса, огненный шар, удар...

Теперь Э-Чи не сомневался, что он умер. Смирившись с этим, он сел и открыл глаза.

Так вот какой вигвам Великого Хаса!

Э-Чи вытянул руку и уперся о что-то твердое. Оно было прозрачное, словно вода горных озер, и твердое, как камень. Оно куполом окружало Э-Чи со всех сторон, и в то же время воздух свободно проходил сюда. Э-Чи мог поклясться, что различает знакомые запахи влажной травы, прелых листьев, цветов кустарника.

Внутри купола было светло, а дальше все скрывалось в полумраке.

Подстилка, на которой сидел Э-Чи, оказалась мягкой и белой, как пух убитой утки.

Внезапно Э-Чи почувствовал, что на него кто-то смотрит из темноты. В ночном лесу он не раз встречался с ягуаром. Э-Чи знал жестокий, давящий взгляд узких зрачков хищника. Но взгляд из темноты был совершенно другим. Он рождал во всем теле необычную легкость, пьянил больше, чем перебродивший сок сахарного тростника, и вызывал чувство непонятной радости.

Так мог смотреть только Великий Хас!

Повинуясь необыкновенному чувству, родившемуся в глубине души, Э-Чи стал на колени и протянул руки в темноту, навстречу взгляду.

И вдруг вспыхнул яркий свет! И зазвучали звуки громче, чем трубный голос лима, призывающий самку, приятнее пения птиц. Звуки то росли, то утихали. Они сплетались между собой, как лианы, и рассыпались, словно капли дождя, падающие на жертвенный камень. Потом в воздухе повис один звук, похожий на звон спущенной тетивы лука.

Э-Чи увидел Великого Хаса!

Хас стоял на небольшом возвышении возле дальней белой стены вигвама. Он был на голову выше Э-Чи, хотя тот считался самым высоким в племени. Кожа Хаса отливала бледной голубизной. Хас смотрел необыкновенными глазами. Черные, огромные, в пол-лица, они светились спокойным светом мудрости. Они будили в сознании Э-Чи далекие воспоминания и неясные образы.

У ног Великого Хаса лежал удивительный зверь. Э-Чи никогда не видел такого. Он был похож на дикобраза, иглы которого все время шевелились и меняли свой цвет.

Великий охотник был укутан в серебристую шкуру, которая подчеркивала стройность его фигуры и при каждом движении переливалась разноцветными искрами.

Повинуясь движению гибких рук Хаса, звуки смолкли. Великий охотник заговорил.

Его голос был звонок и мелодичен. Хас как будто рассказывал что-то. Он горячо оправдывался, убеждал, спрашивал.

И хотя Э-Чи ничего не понял из сказанного, он все же был уверен, что Великий Хас не желает ему зла. С такими глазами нельзя сердиться из-за убитого лима.

Поэтому Э-Чи спросил:

— Ты простил меня, Великий Хас? Ты не сердишься!..

Услышав его слова, Хас замолчал. Склонив набок красивую голову, он вслушивался в сочетания звуков человеческой речи, затем быстро что-то сказал диковинному зверю, лежащему у его ног. Зверь стал увеличиваться в размерах и менять свой цвет от ярко-красного до темно-фиолетового.

В вигваме Великого Хаса потух свет. Э-Чи увидел, как засветилась дальняя стена. По ней побежали линии, окружности, треугольники, квадраты. Сплетаясь, они, казалось, плыли своим особенным охотничий танец.

Неожиданно Э-Чи увидел ночное небо со знакомыми рисунками созвездий. Он увидел, как от ребенка, сидящего за спиной у сквау, отделилась светящаяся точка. Слово охотник, отыскивающий след, она блуждала среди многочисленных мерцающих звезд. Около одной звезды точка остановилась. Звезда начала увеличиваться и превратилась в Солнце. Только оно было не таким, каким его обычно привык видеть Э-Чи. Ослепительно яркое и косматое, оно повисло в необычно черном небе. Вокруг Солнца кружили маленькие шарики.

Точка подлетела к третьему от Солнца шарiku, и он начал расти. Он увеличивался на глазах, надвигаясь прямо на Э-Чи.

Э-Чи увидел горы, леса, реки, только все было маленьким, как будто он смотрел на них с вершин самой высокой скалы.

Стены вигвама заволок туман. Когда туман рассеялся, Э-Чи узнал знакомое плоскогорье. На нем стоял блестящий большой шар, а поодаль, рядом с полуразделанной тушей лима, лежал сам Э-Чи с разбитой окровавленной головой. Э-Чи увидел, как к нему подбегает страшное животное с шевелящимися иглами, и в страхе закрыл глаза руками.

Когда он открыл их, то увидел себя лежащим на белом возвышении в вигваме Великого Охотника. Склонившись над его головой, Хас сверкающими палочками разрезал ее.

«Вот он гнев, Великого Хаса! — подумал Э-Чи. — Он отрезал у меня голову».

Э-Чи поднял вверх руки и начал лихорадочно ощущать себя. Нос, глаза, уши, да и сама голова были на месте.

Успокоившись, Э-Чи взглянул на стену. Там он увидел сияющий камень. От камня шли лучи. Один луч протянулся к шару. Стоящий на плоскогорье блестящий шар подпрыгнул и взлетел в небо. Но две черты перечеркнули камень, и шар вновь опустился на землю.

В темноте взволнованный голос Хаса вновь и вновь повторял вопрос.

Э-Чи не понимал, о чем спрашивает Великий Хас. Ему просто понравилось, как прыгает вверх-вниз огненный шар. Э-Чи весело рассмеялся...

Тогда стало темно. Звонко прозвучал приказ Великого Охотника. Э-Чи почувствовал, что поднимается вверх, летит куда-то. От блаженного состояния полета закрывались глаза.

Когда Э-Чи открыл их, то обнаружил, что лежит на том самом месте, где застиг его гнев Хаса. Вскочив на ноги, он увидел вдали блестящий шар, к которому удалялось существо, так похожее на дикобраза.

Тогда Э-Чи встал на колени и запел.

Он благодарил Великого Охотника за то, что тот отпустил его живым, он обещал класть на жертвенный камень все лакомые куски своей добычи.

Закончив песню, Э-Чи подобрал лук и стрелы, взвалил на спину убитого лима и отправился домой...

Небо посинело и стало черным, когда директор Научно-исследовательского института антропологии сложил в ящик стола бумаги. Проходя безлюдным полутемным коридором, Иван Михайлович увидел, как через щель одной из дверей пробивается и ложится на пол узкая полоска света. Директор приоткрыл дверь.

Ну, конечно, опять Костюк! Кто еще может допоздна засиживаться в институте.

Старший антрополог Александр Костюк что-то упорно рассматривал в лупу.

— Напрасно мучаешься над этим черепом, Саша, — сказал Иван Михайлович, — рабочий день давно закончен, пора домой.

Костюк разогнул затекшую спину, потер поясницу и, взглянув на директора утомленными красными глазами, сказал:

— Просто не укладывается в голове, чтобы две тысячи четыреста лет назад у перуанских индейцев мог существовать такой высокий уровень медицины! Ты только посмотри, Миша, на это правильное квадратное отверстие. С каким искусством произведена трепанация черепа! Даже сейчас немногим нашим хирургам удалось бы ее сделать лучше.

— В свое время я тоже ломал голову над этим черепом,— сказал директор, задумчиво трогая пальцем продетый в глазницу инвентарный номер,— и ничего. Одни гипотезы, догадки. А наука признает только факты...

Если бы только этот череп однажды заговорил, он рассказал бы одну из интереснейших историй... Но он молчит и хранит свою тайну.

Рассказ

ОБЕЛИСК

Обелиск стоял на плоской вершине небольшого холма в восточной части города. Он был хорошо виден еще за много километров до въезда в город. Гигантское сооружение представляло собой стартующий космический корабль — серебристая ракета, поднятая так высоко в небо, что порой она скрывалась в облаках.

Обелиск был воздвигнут давно, лет триста назад, в честь первых полетов к другим планетам Солнечной системы. Внутри обелиска разместился Музей освоения космоса.

С той поры как вырос над городом обелиск, а музей принял первые уникальные экспонаты, многое изменилось. Например, очертание города. Он не очень развернул свои границы, но зато обзавелся двенадцатью городами-спутниками.

Старый же город превратился в один огромный административно-промышленный комплекс с несколькими научно-исследовательскими институтами. Это и определяло современное лицо древней части города. Здесь выросли высокие, в полсотни этажей, здания центров управления.

Этажи нанизывались на иглообразные основания и вращались в течение дня за солнцем, создавая благоприятные условия для работы. Производственные здания и лаборатории институтов почти все были с полусферическими совершенно прозрачными крышами. Правда, прозрачной такая крыша казалась только изнутри здания. С улицы крыши отливали матово-серебристым или золотистым цветом, и казалось, что среди каменного леса распустились диковинные цветы с небывалого размера лепестками.

Исчезли тротуары и улицы. Жители получили в свое личное распоряжение легкие и удобные атомо- и плазмобили. Похожие на большие дождевые капли всевозможных расцветок, они бесшумно проносились на небольшой высоте или гроздьями висели у стояночных автоматов, которые удивительно напоминали в часы работы старинных торговцев детскими воздушными шариками.

Да, многое изменилось вокруг за три сотни лет. А обелиск все стоит на прежнем месте, древний и одинокий, напоминая о самых первых дерзновенных шагах Человечества в космическое пространство.

Со вчерашнего дня я не мог равнодушно смотреть в сторону обелиска. Он настойчиво напоминал мне о провале в Академии космической навигации. Председатель приемной комиссии сказал, что с моим здоровьем нечего и думать о космических полетах. В утешение он напомнил, что есть другие космические специальности, очень важные и нужные здесь, на Земле.

Но разве это могло смягчить удар? Я с детства готовился покорять пространство, и вдруг вот так, сразу, отказаться от своей единственной мечты!

Я был растерян, подавлен, смятен.

Другим людям в жизни везет. Они всегда добиваются чего хотят. Взять, к примеру, моего отца. Целые дни он проводит в своей лаборатории и глубоко убежден, что важнее его дела не существует на свете.

Когда я рассказал ему о своем несчастье, он даже обрадовался.

— Вот и хорошо, — сказал он. — Будешь пока помогать мне, а со временем и сам станешь микробиологом.

Я не стал его переубеждать, все равно это было бесполезно.

Вот Ингра — другое дело. Ей можно объяснить все. И она поймет.

Ингра — моя девушка. Мы каждый день встречаемся

с ней у обелиска. Эта традиция существует очень давно. Еще мой дед назначал свидания у холма.

Сегодня я с особым нетерпением ожидал Ингру. Мы виделись только вчера, но мне казалось, что уже прошло несколько дней. Я соскучился по ее раскосым темно-зеленым глазам, по ее быстрой насмешливой улыбке.

Вокруг обелиска разрослась сирень. Тяжелые белые и фиолетовые гроздья усыпали кусты. Я выбрал для Ингры одну ветку и положил ее рядом с собой на скамью.

На мраморной мемориальной доске лежали тайланты. Эти странные цветы были завезены на Землю с Марса. У них было замечательное свойство изменять окраску в зависимости от освещения.

Сейчас тайланты были изумрудными.

Ингра не опоздала.

Она молча подставила прохладную щеку для поцелуя и села рядом со мной.

— Ты уже знаешь? — спросил я.

Ингра молча кивнула головой.

— Ну, и что ты думаешь об этом?

— Ничего.

— Я тебя не понимаю!

— Мне кажется, трагедии не произошло. В школе у тебя были неплохие успехи в физике. При желании всегда можно стать ученым.

— Вы что, сговорились?! — взорвался я. — Отец предлагает быть биологом, ты — физиком, мама, чего доброго, посоветует идти в администраторы, командовать роботами, а я мечтал быть пилотом! Космическим пилотом. Поймите вы это, наконец!

— Управлять роботами кто-то же должен, — спокойно возразила Ингра.

— Ну, знаешь ли, такого я от тебя не ожидал!

В глазах у Ингры появился знакомый упрямый прищур, они еще больше потемнели. Я почувствовал, что мы с ней вот-вот рассоримся окончательно, может быть, навсегда, и примирительно сказал:

— Представь себе, как тяжело отказываться от того, к чему стремился, готовился с детства, и ты поймешь меня.

— Нет, — вдруг резко ответила Ингра, — я не пойму тебя до тех пор, пока ты не перестанешь изображать из себя разочарованного неудачника. Вот его понимаю, а тебя нет.

Я посмотрел туда, куда показала Ингра, и увидел человека в голубом костюме. На его груди сиял знак Дальнего Космического Разведчика из чистого ладия, самого редкого металла, получаемого только в лабораторных условиях. Этот металл излучал чуть голубоватый яркий свет и таинственно мерцал, словно далекие звезды. Человек сидел на камне у самого обрыва, втянув совсем седую голову в сутуло поднятые острые плечи, как одинокая, нахохлившаяся птица.

Мне часто приходилось видеть его здесь всегда в одно и то же время. Он сидел на камне до захода солнца и уходил в сумерках, когда вспыхивали первые звезды.

— Ты знакома с ним? — с завистью спросил я Ингру.

— Нет, лично нет, — ответила она, — но ведь и ты хорошо знаешь его. Это Николай Петрович Горин. Лет десять назад о нем говорила вся Земля. А удивительная история его жизни стала примером мужественного служения науке, всему человечеству.

И тут я вспомнил, я хорошо вспомнил все, что знал об этом человеке.

...Это было в те времена, когда люди ощутили неведомое им раньше чувство власти над космосом. Человечество неудержимо стремилось в Пространство. Строительство фотонных ракет, первые полеты к звездам, поиски разумной жизни.

Горину было девятнадцать лет, когда закончилось сооружение обелиска. Возможно, так же, как и я, глядя на многотонную иглу, вонзившуюся в небо, он мечтал о неизведанных космических трассах.

За время его обучения в Академии космической навигации уже были совершены полеты к ближним звездам Альфа Центавра, к звезде Бернарда, к Сириусу. Но нигде в пределах десяти световых лет не было обнаружено следов разумной жизни.

Все новые и новые корабли уходили в Пространство. Все глубже во Вселенную проникали Дальние Разведчики. Их имена высекались на мраморной плите обелиска. И если смельчаки не возвращались, обелиск всегда напоминал о них.

Когда была достигнута околосветовая скорость, люди впервые столкнулись с заметным сокращением времени. Вернувшись из далеких рейсов, космонавты заставляли своих сверстников значительно постаревшими, потому что время на Земле шло быстрее, чем в каюте Звездолета.

Горин сдал экзамен на звание Дальнего Разведчика, когда астрономы приняли сигналы разумной жизни из созвездия Волопас. До этого они напрасно проводили бессонные ночи у радиотелескопов, вылавливая среди шумов и помех голоса далеких миров, потому что высокоорганизованные обитатели далеких Галактик давно отказались от устаревшей радиосвязи и общались с помощью концентрированной психологической энергии.

...Наконец и на Земле была разгадана природа биоизлучений мозга.

Спонтанная телепатия была известна людям уже много веков назад. Способность передавать и принимать мысли на расстоянии окружалась мистическими и религиозными тайнами. Только блестящий расцвет науки позволил ученым проникнуть в глубины человеческого мозга. Биоизлучения оказались лучистой энергией, стоящей на границе между субдлинноволновым диапазоном радиоволн и гравитацией. Открытия психо-физического эффекта сделало их универсальным средством космической связи.

Сотни добровольцев засыпали ученых просьбами использовать энергию их мозга для связи с другими мирами.

Из всех желающих были отобраны лишь те, у которых биоизлучения мозга имели сходную частотную характеристику. Накопленная энергия была собрана пси-локатором в узкий пучок и направлена в Пространство.

И вот пришел ответ. Ближайшие разумные существа жили в районе звезды Арктур, созвездия Волопас, на пятой двойной планете. Несколько десятков земных лет идет световой луч от этой планеты к Земле и возвращается обратно, а пси-импульс покрывает это же расстояние всего за пять месяцев.

Правда, уже первые полеты к звездам подтвердили предположение древнего ученого Эйнштейна о том, что при движении корабля с равномерно возрастающим ускорением на скоростях, близких к световым, будет проявляться так называемый «парадокс пространства». Оно как бы сокращается в полете. Но даже если на путь будет затрачено всего десять-двенадцать лет, за это время на Земле пройдут столетия. Космонавты, вылетев в Настоящем, вернутся в Будущее.

Это заманчиво и страшно.

Но люди не испугались. На стапелях еще строился импульсный звездолет «Ореол», когда из самых молодых

Дальних Разведчиков была создана его команда. Командиром «Ореола» назначили Николая Горина.

Десять человек, лучших из лучших своих сыновей, посылала Земля в полет.

До отлета оставалось двадцать дней. Члены экипажа каждый по-своему проводил свободное время. Одни улетели в горы последний раз взглянуть на родные заснеженные вершины, другие забрались в леса или к реке, чтобы в последний раз услышать шелест листьев, ощутить запах травы, увидеть блеск солнечных бликов на зеркальной глади воды, третьи ни на минуту не расставались со своими родными и близкими, друзьями.

И вот настал день старта. Космонавты выстроились перед «Ореолом». Загремели залпы торжественного салюта. Их провожала Земля. Но не было в прощании горести. Матери отворачивались в сторону, смахивая непрошеную слезу. Разве имели они право плакать, когда их сыновей посылала на подвиг сама Земля — величайшая мать всех матерей!

Миллионы людей следили по телевизорам, как космонавты один за другим скрывались в люке космического великана.

Вспышка пламени, оглушительный грохот — и корабль превратился в сверкающую звезду, которая растаяла в небе.

Вначале его связывала с Землей тоненькая ниточка радиоимпульсов, затем оборвалась и она.

Шло время. Каждая минута, проведенная на борту звездолета, для людей Земли превращалась в дни, часы и месяцы, дни — в годы. Умерли люди, проводившие смельчаков в полет, родились новые.

Вслепую река времени течет, омывая континенты, она стирает целые цивилизации и рождает новые. «Представь себе алмазный куб, грань которого равна ширине Ганга, — говорил древнеиндийский мудрец своему ученику, — раз в тысячелетие прилетает ворон и чистит свой клюв об алмазную грань. Постепенно глыба истачивается. Время, в течение которого вороний клюв изотрет глыбу так, что от нее не останется ни зернышка, — лишь мгновение в вечности».

Но как ни ничтожна человеческая жизнь по сравнению с Вечностью, люди успевают обессмертить ее.

Может быть, поэтому люди ждали возвращения «Ореола».

И когда он приземлился, его встречали.

Из корабля вышли только четверо. Остальные погибли в пути. Но и эти четверо были из другого мира, из мира прошлого.

Молча стояли они и смотрели на Будущее, на незнакомых людей, на изменившийся облик города.

И толпа встречающих тоже молчала. Потому что самые восторженные почести не могли бы заменить космонавтам их Прошлого. Все понимали, что как ни прекрасен их мир, он все же чужд и странен людям, прибывшим из Времени.

И никто не удивился, когда четыре старика в голубых костюмах тяжелой походкой людей, привыкших к невесомости, направились к обелиску. Они несколько минут молча стояли перед ним, опутив головы, и никто не посмел нарушить этого молчания, потому что все понимали, что обелиск — единственная вежа, связывающая космонавтов с привычным утерянным миром.

А потом самый старший из них, тот самый, что сейчас сидит на камне, положил на мемориальную доску букетик тайлантов. За ним и его товарищи положили цветы на ту самую мраморную плиту, где были высечены и их имена. Имена членов экипажа «Ореола»...

...Мне стало стыдно. Все мои несчастья показались мелкими и ничтожными в сравнении с переживаниями старого космонавта. Мне хорошо были видны слова, высеченные на цоколе обелиска: «ЧЕРЕЗ ИСПЫТАНИЯ — К ИСТИНЕ». Только сейчас я до конца понял всю глубину этих слов.

Пройдут века и еще века, но люди по-прежнему будут стремиться к знаниям. Как и раньше, будут уходить в далекие рейсы корабли, чтобы в глубинах Неизвестности разыскать и принести домой, на Землю, драгоценное зерно Истины.

Последний луч солнца скользнул по вершине обелиска и скрылся за горизонтом. Человек в голубом встал и пошел. Он твердо ступал по разноцветным иллариевым плиткам, которыми была выложена дорожка аллеи.

Когда он поравнялся с нашей скамьей, Ингра бросилась к нему и протянула ветку сирени.

Старый космонавт взял в руки сирень и посмотрел на Ингру и на меня. Встретившись с ним взглядом, я невольно поднялся со скамьи, да так и остался стоять, глядя в его изумительные глаза. В них не было и намека на грусть,

на страдание. Это был взгляд человека, коснувшегося Истины.

Он шел молча, прижав ветку сирени к голубому костюму. О чем он думал? Быть может, перед ним в лице двух молодых людей воскресли образы далекого прошлого, или ветка сирени показалась ему символической наградой за трудный жизненный путь? Нам это было неизвестно. А он ничего не сказал.

Я взглянул в сторону обелиска.

Тайланты, лежащие на мраморной доске, светились мягким бледно-голубым светом.

Олег Михайлов

ЛЕТАЮЩАЯ РАДУГА

Рассказ

— Ты, конечно, о летающей радуге знаешь столько, сколько знают и другие, — обратился к соседу по купе грузный мужчина в форме моряка.

— Разумеется, читал. Но думаю, что вы, Петр Якимович, знаете о ней гораздо больше...

— Да, — задумчиво протянул Петр Якимович. — Одно дело прочитать, другое — самому увидеть. Сейчас о радуге говорят как о классическом примере из антологии таинственных случаев...

Петр Якимович на какое-то мгновение умолк...

В то время я только оторвался от маменькиного подола. Подался в рыбаки. Наш СРТ болтался на ремонте. Вечер. Я как раз заступил на вахту. На корабле, кроме меня, еще двое. Летний ветерок из городского парка доносит звуки оркестра. Я тоскливо поглядываю на берег. И вдруг по небу словно пронесся метеор. Звезды потускнели, море зашипело. Все это длилось две-три секунды. И опять все вокруг вроде спокойно.

Вглядываюсь вдаль, в сторону мыса, и вижу на волнах какая-то тусклосветящаяся громадина. Как раз в том месте, куда упал этот метеор. Я опешил, смотрю во все глаза, а свет от нее все ярче, сильнее, всеми цветами радуги горит она, вытянулась вдоль мыса. На глаз определил: две мили в длину, высота с адмиралтейство. Потом начала она сжиматься. На поверхности образовались поперечные симметричные цветные овалы. Ну, думаю, никак к нам на землю гости из космоса.

На всех кораблях, что стояли в бухте, замигали сигнальные огни. Затихла музыка в парке. Поступил приказ покинуть корабль. Разбудил я тех двоих, и мы по трапу спустились на причал. В городе все чего-то ждут. Старухи, как и положено им, крестятся, оглядываясь на ярко освещенный залив.

С наступлением дня радуга потускнела. Края ее уже с трудом отличались от горизонта и водяной дали, и лежала она словно медуза, вязкая и прозрачная. Центральная часть ее светилась все теми же разноцветными огнями, но не так ярко, как ночью. Казалось, что она затухает, растворяется в дневном свете.

Место ее приведения объявили опасной зоной. В городишко наш понаехало всяких ученых. Вдоль побережья установили всевозможные приборы. Все ждут, когда космические гости пожалуют на берег.

На второй день вечером она вдруг вытянулась, сверкая радужными цветами, потом резко свернулась и, выпрямившись, мгновенно взвилась вверх и исчезла.

Ну, думаю, улетела. Ан нет. Еще горожане не успели закрыть рты, как она вернулась обратно. Упала там же у мыса. Лежит, свернувшись в дугу, и тяжело дышит, как дышит больной. Не знаю, почему, но я решил, что это неизвестное космическое тело не какой-нибудь там корабль, а обыкновенное живое существо и что оно способно испытывать боль, как испытывает ее человек, и что где-то там, за пределами наших Галактик, произошла какая-то трагедия и волею случая это существо очутилось на земле. Возможно, оно задыхается, как задыхается рыба, выброшенная на берег, и ему давно нужно помочь...

И я решился...

Ночью, когда было темно, я на лодке отправился к «летающей радуге». Отплыв от берега километра на полтора, включил мотор. Тотчас на берегу заиграли прожекторы, но догнать меня вряд ли бы кто смог. Вскоре я подплыл к ней, выключил мотор. Вокруг светло как днем. Упругие стенки — полупрозрачны, за ними двигаются какие-то разноцветные пятна. Плыву на веслах вдоль ее корпуса. Вижу сбоку нечто вроде арки, повернул я туда. Плыву внутри радуги, вскоре стало мелко. Спрыгнул с лодки и пошел дальше. Никаких кают, никаких салонов. Но уж очень светло, глаза режет. Шел я так, и вдруг она вытянулась. Засверкало все вокруг, по глазам словно ножом полоснуло. Растерялся. Хотел побежать к выходу, но чувствую, словно прилип. Тут она поднялась в воздух, и я вместе с ней. Вижу огни города, аэропорта, что в шестидесяти километрах от залива. Потом все исчезло: море, земля. Вокруг стало темно.

Петр Якимович достал из кармана платок, вытер лицо, на котором проступила испарина, отодвинул от себя пу-

стую тарелку, словно она мешала ему говорить, и, помолчав, будто собираясь с мыслями, продолжал.

— Я моряк. Звезды хорошо знаю. И скажу, что очутился словно в родной стихии. Персий, Андромеда, Пегас промелькнули как телеграфные столбы. Дальше начинались чужие края. Если Галактики разбегаются, как говорят, то мы бежали впереди всех и быстрее всех. Мысленно я распрощался с Землей. Вдруг «радуга» словно застыла на месте и повернула обратно. Часа через три она приводнилась на Земле. Приводнилась неуклюже, нагнав на берег трехметровые волны. Упала и затихла. Я быстро нащупал свои ноги; бежать — и в воду. То ли в Атлантике, то ли в Тихом, не думал тогда. Вплывь куда-нибудь, поскорее от непопаятного, пусть лучше акулы съедят. Подобрали меня. Оказывается, она снова в наш залив опустилась. Привезли меня на берег, и под колбу — исследовать.

А на берегу тем временем укомплектовали экспедицию для обследования «летающей радуги». Но не тут-то было. Отлежалась «радуга» немного и улетела. Смотрел я на нее сквозь прозрачные стены колбы. Испуг еще не прошел, но я был доволен, что она улетаёт...

Ну, остальное ты знаешь. Села она на спутник Юпитера Калисто, и через час после этого последовал мощный взрыв. Калисто испарился.

Петр Якимович откашлялся, взглянул на окно, за которым промелькнула какая-то станция, и тихо сказал:

— Интересно, почему она взорвалась не на Земле, а на Калисто, где нет жизни. И почему она вернулась на Землю, когда я был в ней. Въелись мне эти вопросы в мозг как ржавчина в железо и ничего не могу поделать...

Он умолк. Мерно постукивали колеса. В купе заглянул совсем еще юный худощавый проводник в новенькой форме и, скользнув взглядом по столу, выжидающе спросил:

— Чайку нужно?

— Чайку, — пробасил Петр Якимович. — Давай свой чай. Неси.

Юрий Васильев

ЦВЕТOK ЛОТОСА

Рассказ

«...В настоящий момент какому-нибудь марсианину, способному анализировать как физически, так и психически небесные радиации, первой особенностью нашей планеты показались бы не синева ее морей или зелень ее лесов, а флюоресценция мысли».

Тейяр да Шарден

Этого не может быть. Потому что этого не может быть никогда.

Антон Чехов

1

К утру маленькой Арите стало совсем плохо. Она металась в жару, бредила, личико ее сделалось сморщенным, как печеное яблоко.

— Она не проживет дня,— сказала старая Фарида, и все молча согласились с ней, потому что Фарида слишком долго жила на свете.

— Чем мы разгневали богов? — спросил ее старший сын Футтах. — Почему они хотят взять к себе мою дочь?

— Ты мог бы сам спросить это у них,— сказала старая Фарида. — Ты ведь дружишь с богами, носишь им молоко и сыр, хотя боги могли бы за это увеличить твоё стадо и дать тебе рабов, а не заставлять гнуть спину от зари до зари.

— Они говорят, что они не боги,— сказал Футтах.

— Ты же знаешь, что это не так. Их огненная колесница появилась с неба...

— Это видели только мы с тобой,— сказал Футтах. — Они все делают втайне. Я только один раз видел, как Сын неба летал над озером. Но он не знает, что я видел. Сын неба добр ко мне.

Он встал и решительно сказал:

— Я пойду к нему и попрошу исцелить мою дочь.

— Тогда ее проклянут другие боги,— сказала Фарида.

— Я попрошу исцелить мою дочь,—упрямо сказал Футтах.

Он долго ехал вокруг озера на старом осле. Пот струился у него по лицу: горы, окружавшие долину, не пропускали сюда свежие ветры с моря. Воздух был прозрачным, и Футтах хорошо видел на том берегу белые домики, в которых жили эти странные люди. Фарида говорит, что они боги. Наверное, так и есть. Но Фарида говорит, что они должны жить среди людей, раз уж они спустились на Землю: ведь не просто так, полакомиться виноградом и козьим молоком прилетели они с неба. Но Сын неба и те, другие, что вышли вместе с ним из огненной колесницы, как будто боятся людей...

«Нам не дано судить дела богов»,— подумал Футтах и ударил ослика пятками.

Солнце было уже над головой, когда Футтах обогнул озеро. Сын неба внимательно выслушал его и сказал, что он сейчас же поедет в деревню, все будет хорошо, пусть Футтах присядет в тени оливы и подождет, пока он соберется.

Футтах сел под деревом и стал смотреть, как Сын неба собирается в дорогу. Если бы он мог понимать язык богов, он бы услышал такой разговор:

— Но гравилет ушел еще утром, а на лодке я как раз снял редан!

— Пустяки... Возьму его в охапку и сбегая по озеру.

— Я вам не советую. Вы знаете, что Устав не рекомендует демонстрировать аборигенам явления, которые могут быть истолкованы ими как сверхъестественные.

— Все это верно, мой друг, но мы живем не в пустыне... Девочка умирает, а по этому поводу в Уставе тоже кое-что сказано... Не могу же я на скорую руку объяснить ему, что пойду по озеру на поверхностном натяжении.

— Решайте сами, вы капитан...

Футтах уже задремал, когда к нему подошел Сын неба.

— Твой ослик слишком стар, чтобы нести нас двоих,— сказал он.— А я молод. Сейчас я перенесу тебя через озеро, и мы вылечим твою дочь.

Футтах ничего не понял, но почему-то сделал шаг назад. Сын неба молча подошел к нему и взял на руки, точно ребенка. У Футтаха перехватило дыхание. Он хотел

сказать, что ослик еще совсем не стар, пусть Сын неба едет на нем один, пусть торопится к девочке, а он, Футтах, доберется пешком, но ничего сказать не смог, потому что ужас сдавил ему горло.

Сын неба ступил на зеркальную гладь, как на твердь, и пучина не разверзлась под ним, не поглотила дерзнувшего нарушить установленный богами уклад вещей... Футтах закрыл глаза и затих. Он был в руках бога, самого главного из богов, и Сын неба шел в его убогую лачугу, чтобы Арите снова могла смеяться и бегать.

Пусть же теперь трепещут те, другие боги, напускавшие мор на его скот, град на его виноградники, напустившие болезнь на его дочь — он больше не боится их, потому что он в руках Идущего по водам!

...До рождества Христова оставалось еще несколько столетий.

2

Шестая галактическая уходила к Эпсилону Бениты. Командир звездолета «Двина» Александр Дронов обходил притихший корабль, который привык считать домом. Это и был его дом, потому что большую часть своей жизни он просидел за пультом, провалился на залитом кофе диване, который никак не мог собраться отремонтировать, простоял в рубке астронавигатора. Да мало ли мест на корабле, где он, устав от однообразия вахт, присаживался с Ксантием сыграть в шахматы или с Витчером — вспомнить годы Высшей навигационной школы...

Правда, то был совсем другой корабль — неуклюжий и старый грузовик местных линий, но при постройке «Двины» оказалось, что компановка жилых помещений как-то сама собой стала за последние годы классической, лучше не придумаешь, да и экипаж привык к своим обжитым кубрикам, поэтому все оставили как было. Представитель Регистра не обратил внимания и на то, что Дронов перетаскил на новый суперсветовой корабль раздерганный и скрипучий диван, прожженный сигаретами; что астронавигатор Ксантий повесил у себя в кубрике старый озонатор, оклеенный какими-то девицами из журналов, а доктор Витчер, и того более, перенес на «Двину» все внутреннее убранство своего прежнего жилища.

Представитель Регистра не обратил на это внимания. Он знал, что человек в дальней дороге должен жить удоб-

но. Так, как ему хочется. А дорога экипажу предстояла дальняя... Чтобы не сказать больше...

Вчера был прощальный ужин. Веселая встреча старых друзей. Каждый — космонавт, каждый — звездолетчик: одни уже ходили к Сириусу и Лебедю, другим этот путь предстоит. Те, что ходили, вернулись опаленные временем; они знали, что ждет Александра и его друзей, и были потому сдержанней других. Но тоже хлопали пробками, смеялись, рассказывали старые анекдоты, делали все, чтобы никто не мог подумать, что им грустно.

А им было грустно. Потому что слишком дорогой ценой платили они за полет к звездам. Они знали, что будут платить и дальше эту неизбежную дань времени, знали, что их дети и внуки тоже уйдут в космос, но, вернувшись домой, каждый раз все труднее заново знакомиться с людьми, которых ты оставил десятки лет назад, а сам успел постареть всего лишь на год-другой; смотреть на фотографию и знать, что эта старая, давно умершая женщина — твоя младшая сестра...

И все-таки они возвращались в свою эпоху, к людям, которые помнили их. Александру и его друзьям предстояло вернуться в другом веке.

Это был первый полет по тоннелю времени. Открытие академика Ларина позволило людям шагнуть в такие бездны Вселенной, о которых раньше могли только догадываться. Световой год перестал быть мерой расстояний, потому что скорость «Двины» была почти мгновенной. Но даже это почти, помноженное на расстояние до ближайшей Галактики, оборачивалось ста земными годами...

Вчера во время ужина Ларин сказал:

— Далековато, конечно... Но вы хоть отдаете себе отчет, что лучу света понадобилось бы на этот путь гораздо больше времени?

— Отдаем, — сказал Дронов. — Нас это очень радует. Если оставить в стороне физическую абсурдность такого сравнения.

— Ну, зачем тонкости, Саша? Луч, конечно, сам по себе, мы... то есть вы в данном случае, сами по себе. Важно другое! — Он поднялся — высокий, важный, плечистый, с густой бородой и добрыми глазами взрослого ребенка, который и сам слегка удивлен, что он гений, но тем не менее знает это и ни от кого скрывать не намерен. — Важно другое, друзья мои! Ну, тут ничего не сделаешь, дальняя дорога имеет свои неприятности, одна из них та, что

мы с вами видимся в последний раз — мне это, Саша, поверьте, более грустно сознавать, чем вам, правда? Но я верю, а лучше сказать — знаю, что дорога ваша не окажется напрасной. За это я и поднимаю свой тост!

Сидевшая рядом с Дроновым чья-то дочка или внучка сказала:

— Саша, а может получится, что, вернувшись, вы женитесь на моей правнучке? Может ведь, правда? Значит, я — ваша прабабка. Вот здорово!

Дронов очистил апельсин и протянул его девушке.

— Ешьте фрукт и сидите спокойно. Не будете вы ни моей тещей, ни моей прабабкой. Мне жениться нельзя. По Уставу.

— Потому что — дорога?

— Поэтому.

— А на той планете... Ну, как ее? В созвездии Бениты, там вы можете на ком-нибудь жениться? Они, как вы думаете, похожи на людей?

В том-то и дело — похожи ли?.. Через два года они ступят на планету, которая, по данным анализа ноносферы, населена разумными существами. Еще через два года вернутся назад. Это по времени звездолета. А по земному времени — через сто лет. Но уже сейчас человечество больше всего волнует вопрос — похожи ли они на людей?

Очень хочется, чтобы были похожи...

Дмитрий шел по гулким полутемным коридорам, обтянутым пластиком, и, несмотря на то, что пол был эластичным, поддающимся под ногами, негромкое, но отчетливое эхо его шагов раздавалось по всему кораблю. Слишком тихо было вокруг. Так тихо бывает только перед полетом, когда все выверено десятки и сотни раз, все отключено, и огромный корабль, нацеленный в небо, отдыхает перед стремительным прыжком.

Дмитрий спустился вниз, на стартовую площадку. Отсюда хорошо было видно, как начинает приходить в движение сложное хозяйство космодрома. Медленно разворачивалась в зенит огромная чаша локатора, подъезжали и отъезжали контейнеры с грузом, сновал черный аэроход диспетчера, а еще дальше, у самого горизонта, набухало небольшое серебристое облако — это мудрили метеорологи, включившись в общие хлопоты.

И только «Ариэль», поставленный на вечный якорь в самом дальнем конце космодрома, был по-прежнему спокоен и невозмутим. Первый корабль, развивший суб-

световую скорость, первый посланец человечества в Дальний Космос, он не мог больше летать. И люди оставили его здесь, на гремящей земле, у кромки барьера, отделяющего покой от вечности, поставили, чтобы он провожал и встречал тех, кто идет вслед за ним.

Он был прикован к бетону цепями, отлитыми из фотонного привода. Дмитрий с грустью подумал, что когда «Двина» вернется на Землю, она тоже больше не сможет летать. А если и сможет, то это будет смешной и неуклюжий полет — к тому времени люди построят корабли лучше, чем «Двина». Быстрее, чем «Двина». И тогда его «Двину» тоже прикуют к земле цепями, отлитыми из гравитационного привода...

Он подошел к массивной ноге амортизатора. На высоте человеческого роста был оттиснут небольшой барельеф — марка завода вспомогательного оборудования. Завод находился где-то в дельте Волги, там, где в зарослях лотоса жили пеликаны. Почему-то именно цветок лотоса выбрали строители для своего фирменного знака. Цветок лотоса в хрупких ладонях женщины.

Брат Александра, приезжавший как-то взглянуть на «Двину», долго смотрел на эмблему. Потом сказал:

— Это, конечно, случайность. Но ты знаешь, цветок лотоса — это символ забвения. Мы с тобой взрослые мужики, нам что... А девушкам надо опасаться космонавтов, уходящих к звездам. Ты понял мою мысль?

— Понял, — кивнул Дронов. — Я давно понял.

Динамик внутренней связи откашлялся, прохрипел что-то (это на пульте диспетчера проверяли канал), потом громкий голос сказал:

— По программе Шестой галактической объявляется готовность номер три. Командира Шестой галактической просят к пульту диспетчера.

Дмитрий погладил рукой барельеф. Брат прав. Уходящие к звездам не должны принимать из женских ладоней прохладные лепестки лотоса. По крайней мере, пока они летают к звездам.

А через сто лет — посмотрим...

3

Было два часа пополудни.

День стоял жаркий, солнечный, и Ратен, пройдя пешком почти весь город, чувствовал себя разбитым. Рубашка

прилипла к телу, во рту было сухо и шершаво, как будто он жевал песок. Можно было сесть в машину, но он шел пешком, чтобы устать и успокоиться. Слишком уж все было неожиданно. Всего два цикла прошло с тех пор, как он летал к Земле, двадцать пять земных лет, и вот сейчас они стоят перед фактом столь неожиданным, что мозг отказывается его воспринимать.

Более двух тысячелетий прошло за это время на Земле!

Сейчас можно сказать, что от первого шока они оправились. Не все, конечно, и не до конца, но стало уже привычным, что невероятное случилось. Хотя почему — невероятное? Просто случилось то, что раньше не случалось, но случиться могло. Вероятность сбоя во времени, по подсчетам физиков, исчезающе мала, но она есть, поэтому лучше говорить о неожиданности событий, чем об их невероятности.

Сейчас кое-что проясняется. Физики, правда, народ скрытный, но в кулуарах уже поговаривают, будто целый галактический район попал в гравитационную ловушку, а это значит, что все летит кувырк. Время и пространство так закручиваются вокруг себя и между собой, что не поймешь, где вчера, где завтра, что произошло, а что еще должно произойти; причины и следствия меняются местами, и только физики с их изощренным математическим аппаратом как-то ухитряются все это приводить в человеческий вид.

Впрочем, разрыв во времени — это всего лишь деталь. Уготованный природой случай. Поломка в небесном хронометре. Но эта поломка дала им возможность буквально воочию увидеть историю чужой планеты. И увидеть дело рук своих...

Сегодня было заседание Большого Совета. Десятое по счету. Итоговое, и потому, должно быть, самое спокойное и деловитое. Но решение, которое принял Совет, может стать переломным в истории Короны. И выполнить его должен он, Ратен, специалист по древним цивилизациям. Главный специалист. Самый опытный. Человек, на которого, как сказал сегодня Приматор, смело можно положиться.

Ратен усмехнулся. По иронии судьбы он должен исправлять ошибки, которые сам же допустил. Нет, не он один, конечно, — многие так или иначе виноваты в случившемся, но ведь он Самый Опытный, на него можно положиться, а выходит, что полагаться на него рискованно,

потому что «самый опытный» — это и есть Сын Неба, Ходящий по водам, Сын Божий и так далее,—чуть ли не главный герой многих земных религий...

Правомерно ли здесь слово «вина»? Когда тот симпатичный землянин, гончар из маленькой деревушки у Красного моря, накормивший его кукурузными лепешками, захотел прокатиться на «огненной колеснице», разве мог он, Ратен, знать, что эта колесница, эта крохотная прогулочная ракета станет со временем одним из атрибутов бесчисленных легенд?

И все-таки он должен был это знать. И как опытный специалист, и просто как человек планеты Корона, которая сама пережила нечто подобное. Но свой опыт, видимо, очень трудно экстраполировать в будущее чужой планеты, даже если она как две капли воды похожа на твою собственную.

И потом — простая беспечность. Неоправданная, непростительная, ужасающая по своим последствиям беспечность, за которую, если быть объективным, кто-то должен нести моральную ответственность.

Кто знает, может быть, именно это и имел в виду Приматор Совета, предлагая кандидатуру Ратена. Возможность искупить вину. Заслужить благодарность Короны. А вместе с ней — кто знает? — и факел памяти на Аллее не вернувшихся с Неба...

Надо смотреть в глаза фактам.

Посещение Земли космонавтами Короны не прошло бесследно. Оно дало толчок к возникновению религий, верований, легенд, а это, в свою очередь, породило кровавые войны, распри, невежество, невиданные жестокости, национальную рознь.

Сейчас на Земле 1915 год от рождества Христова, 1334-й — по мусульманскому календарю, 2163-й — по летоисчислению Вавилона. Но если бы только в этой хронологической путанице выражались религиозные разногласия! Люди, вплотную подошедшие к открытию атомной энергии, ввергли мир в самую страшную войну за всю свою историю. Одни народы идут на другие с именем Христа, Магомета, Иеговы — всех не перечесть, этих мифических спасителей, разбухших от крови, жаждущих все новых и новых жертв!

Эту войну нужно остановить. Пока еще возможно. Пока не созданы акционерные общества по эксплуатации урановых рудников.

Вот такие мысли волновали Ратена, пока он шел домой через весь город. Сегодня на заседании Совета Приматор впервые сказал то, что давно уже носилось в воздухе. Назвал вещи своими именами. Целых четыре микроцикла объединенная Академия обрабатывала информацию. Теперь уже можно сказать, что история Земли за последние тысячелетия тщательно изучена, проанализирована, заключена в блоки памяти машин, и гражданам Короны пора переходить к действиям.

— Потому что,— сказал Приматор,— земляне нуждаются в помощи.

4

Осень выдалась в этом году сухая и долгая. Листья почти все облетели, лес стоял молчаливый, нахохлившийся, словно недоумевая, долго ли это еще продлится, но зима не наступала, дни были ясные и солнце высвечивало лес снизу доверху.

Дмитрий шел с дальней просеки, где проверял регистрационные автоматы, привычно оглядывал деревья, думая о том, что хорошо бы отыскать колоду с дикими пчелами и перенести ее на участок, как вдруг услышал странный звук, похожий на бульканье. Словно клокотало что-то густое и вязкое. Дмитрий остановился. Звук то затихал, то делался громче, в него вплелась высокая неприятная нота, потом раздался тихий, как хлопок, взрыв, и все смолкло.

«Где-то рядом»,— подумал Дмитрий и свернул на старую вырубку. Здесь царило запустение. Под ногами лопалась перезревшая брусника, трухлявые пни были усыпаны сморщившимися от заморозков опятами. Он прошел совсем немного и увидел возле одного из таких пней большой контейнер, похожий на котел. В нем что-то действительно булькало. Котел был опутан проводами и патрубками, рядом валялись, должно быть, осколки самого котла, потому что еще издали было видно, что аппарат разбит, помят и все его внутренности густо перепутаны.

Дмитрий сделал несколько шагов к аппарату, но сразу же наткнулся на упругую невидимую стенку и понял, что перед ним силовой барьер.

«Мне это не нравится,— подумал Дмитрий.— Мне это категорически не нравится. Кто-то из физиков валяет дурака, ставит здесь свои булькающие корыта, нимало не

думая о том, что они нам мешают. Да еще закрывают их силовым полем».

Додумать он не успел, потому что котел взорвался. Это был даже не взрыв, а что-то другое. Возник ослепительный синий шар и опал. Все произошло в абсолютной тишине. От аппарата не осталось даже горсти пепла. Дмитрий подошел к тому месту, где он только что лежал. Ничего! Никаких следов. Словно вся эта конструкция растаяла в воздухе. Силовое поле тоже исчезло. Дмитрий достал счетчик, включил. Стрелка показывала только энергию регистрационных автоматов, установленных на делянках.

— Вот так-то лучше, — сказал он. — Нам чужая энергия ни к чему. Нам нужна чистота опыта соблюдать. Но я все равно поговорю с инспекцией, пусть разузнают, чьих это рук дело.

Он сунул счетчик в карман, вышел на просеку и снова стал думать о том, что надо обязательно найти колоду с пчелами, потому что прошлогодний мед на исходе. Приедут гости, а ему и подать нечего. Красивое дело получится...

Он мог бы, конечно, думать о другом. О том, например, что явление, которому он только что был свидетель, по меньшей мере загадочно и необыкновенно. Объяснить его он не может. Неизвестно чей аппарат, неизвестно почему разбит. И это его невероятное исчезновение. Словно сухая перегонка: пшик! — и весь вышел.

Но для того чтобы обо всем этом думать, нужно было хотя бы удивиться тому, что он видел. А делать этого Дмитрий не умел.

Многие считали его человеком, мягко выражаясь, странным. Блестящий биолог, он в самый разгар своей научной деятельности обратился в Совет с просьбой послать его смотрителем на далекую сибирскую станцию биологического контроля. Дело это, бесспорно, важное и нужное, но бесспорно для всех было и то, что с этой работой мог бы справиться и менее одаренный ученый.

«Ему нужна тишина для обдумывания гениального открытия», — робко предполагали одни. «Он переутомился», — говорили другие. «У него просто несчастная любовь», — утверждали третьи. Но все сходились на том, что с Черепановым что-то произошло.

А произошло с ним вот что. Фантазер, мечтатель, втайне от себя — романтик, он с годами стал замечать в себе черты слишком уж здорового рационализма. Постоянное

соприкосновение с тайнами природы, которые под его руками и руками его коллег оборачивались элементарными истинами, вчерашние сверхзагадки, ставшие сегодня аксиомами школьных учебников, — все это привело к тому, что он перестал удивляться.

А как биолог он знал: чувство удивления есть видовой признак, выделяющий человека из класса млекопитающих.

Однажды по какому-то поводу он сказал:

— Узнай мой прадед, что Вселенная — всего лишь математическое выражение, упакованное в сферу, что луч света замыкается сам на себя и в сверхмощный телескоп мы, теоретически, можем увидеть собственный затылок — он бы умер от удивления. А ученые, узнав об этом, только хмыкнули, потому что если всему удивляться, ни на что другое времени не останется.

В прошлом году в Египте обнаружили космическую капсулу древних пришельцев. Это была сенсация века. Все удивились. Все, кроме Дмитрия Черепанова, потому что для него в этом ничего неожиданного не было.

— Разве кто-нибудь думал, что мы одни во Вселенной? — сказал он. — Никто этого не думал.

Это была истина. Никто так не думал. И все же, сказав это, он испугался. Трезвый разум ученого и душа романтика вступили между собой в противоречие.

«Я слишком долго жил на молекулярном уровне, — подумал он. — Слишком устал от того, что дважды два всегда непременно четыре, что генетический код можно записать на кристалле величиной с горошину, и это знает сейчас каждая домохозяйка».

Я устал от морских свинок, набитых хромосомами. Я хочу в тайгу, где шумят кедры и бегают зайцы. Там можно поймать форель длиной с акулу, и вот тогда пусть все ахают. Это вам не египетская капсула...

И он уехал.

Делянка у него большая: по прежним временам что-нибудь около Бельгии. Работы много. Работа важная, но со стороны — невидная, без происшествий, без сенсаций, как правило, без пожаров и наводнений, поэтому люди энергичные, с рюкзаками и кинокамерой, пролетают у него над головой в Гималаи и в Австралию. Или на Байкал, где в заповеднике могут угостить копченым омулем.

Гостей бывает немного. Прилетают хозяева станции, ребята из Галактического центра. Но сейчас им не до за-

городных прогулок. Вот уже третий месяц молчит «Двина». По графику, первые два года звездолет должен был регулярно — через каждые сто дней выходить из тоннеля времени и связываться с Землей. Но «Двина замолчала после второго сеанса.

Сейчас в Галактическом центре идут бесконечные дебаты. Спокоен только Ларин. Он говорит, что тоннель времени — это не Сен-Готард, не под Альпами прокатиться. Тут понятие — «регулярно выходить на связь» — скорее просто благое пожелание...

Вернувшись домой, Дмитрий уселся в качалку и занялся любимым делом: стал разгадывать кроссворды из журналов столетней давности. Эти журналы ему подарил старый приятель, работник музея материальной культуры. Вместе с подшивкой он прислал ему большое медное блюдо, на котором когда-то подавал еду, и граммофон — великолепный черный ящик, инкрустированный перламутром, а над ним, как диковинная раковина, нависала крикливая и дребезжащая труба.

Дмитрий не был коллекционером. У него были вещи, а не экспонаты. Он ими пользовался. Он любил их за то, что они были удивительно целесообразны и однозначны, исполнены большого смысла. За то, они хранили тепло человеческих рук, делавших их. Самовар был самоваром. И ничем иным. Он пытел, гудел, фыркал, сиял медалями — их был там целый иконостас — и наполнял дом запахом кедровых шишек.

А кухонный комбайн был просто унифицированным приспособлением для приведения пищи в наиболее усвояемый вид.

Нет, конечно, он никогда не зовет обратно в пещеры. К паровозу и прялке. Он сам летает на гравилете и пользуется информаторием. Но он любит читать книги, настоящие книги, а не просматривать через проектор их микрокопии. Любил, чтобы над ухом тикали часы — у него были уникальные ходики еще дореволюционных времен. И дом он тоже выстроил себе сам. Большой бревенчатый дом на каменном фундаменте. С высоким крыльцом, с флюгером на крыше, с резными ставнями. В гостиной — камин, забранный чугунной решеткой, огромный стол из дубовых плах, широкие лавки вдоль стен. Стеллажи с книгами. Охотничьи грофеи. Старинный микроскоп с дарственной надписью: подарок студентов.

Ему нравилось жить так. И он так жил...

От кроссворда его оторвал собачий лай. Он посмотрел в окно и увидел незнакомого человека. Тот стоял возле кадки с водой, не решаясь двинуться дальше, потому что пегая сучка Тинка, недавно оценившаяся и потому воинственно настроенная, преградила ему дорогу.

Дмитрий вышел на крыльцо и позвал собаку.

— Вы ко мне? — спросил он незнакомца.

— Я еще точно не знаю, — ответил тот. — Возможно, к вам... Вы разрешите мне зайти в дом?

— Сделайте одолжение.

Человек был высокого роста, хорошо сложен, лет сорока пяти. Больше о нем пока ничего сказать нельзя было. Разве что одет он несколько экстравагантно: длинный двубортный пиджак, брюки заправлены в сапоги, темная рубашка, похоже, из настоящего полотна.

«Сидишь тут в дыре, ничего не знаешь, — подумал Дмитрий. — Может, это мода теперь такая, в сапогах ходить».

— Я вас слушаю, — сказал он, когда незнакомец уселся на лавку. — Чем могу быть полезен?

— Меня зовут Ратен. Просто Ратен... Обстоятельства сложились таким образом, что я оказался неподалеку от вашего дома... Впрочем, не только обстоятельства.

— У вас сломалась машина?

— И это тоже... Но не это главное. Вот уже полдня я нахожусь на вашем участке. Ведь вы, простите, лесник, да? И все это время я к вам присматривался.

— О! — сказал Дмитрий. — Это, должно быть, большая честь для меня. Но как человек, ответственный за свой участок, я бы хотел знать, как вы сюда попали?

— Я объясню позже, с вашего позволения.

— Хорошо... Тогда, может быть, вы хотите есть?

— Хочу, — сказал Ратен. — Признаться, я голоден.

Дмитрий принес сковородку с мясом, подливку из дикого чеснока, огурцы, хлеб, большую банку меда. Поставил все это на стол, подумав, что для городского человека такая сервировка несколько грубовата. Потом махнул рукой: голоден — съест и так. Со сковородки. Пусть еще попробует где-нибудь такую сохатину!

Против ожидания, Ратен ничуть не удивился. Взял вилку с пожелтевшей костяной ручкой — такую вилку сейчас ни у какого антиквара не найдешь, — взял серебряный нож, которому место в музее, и принялся с аппетитом есть жаркое.

Ходики на него тоже не произвели впечатления. Камин с пылающими в нем поленьями он просто не заметил. А на самовар только искоса взглянул. Это Дмитрия обидело: обычно люди, приезжающие к нему впервые, долго на все глазели и ахали.

«Ладно,— подумал он.— Странный какой-то тип. Буду его трясти дальше».

— Так чем я вам могу помочь?

— Всему свой черед... Простите, как вас зовут?

— Дмитрий.

— Всему свой черед, Дмитрий. И не досадуите, пожалуйста, что я не тороплюсь объяснить свой приход... Вы поймете потом, что я был прав.

— И на это согласен. А кто вы по профессии?

— Я специалист по древним цивилизациям.

— Археолог?

— Не совсем. Тут несколько иное.

— Понимаю,— улыбнулся Дмитрий.— Вы представляете только еще нарождающуюся науку. Я имею в виду находку в Египте.

— Разетский камень? Ну что вы! Это же было в прошлом веке...

— Вы хотите сказать — три века назад,— поправил Дмитрий, тут же подумав, что это известно каждому школьнику.— Я говорю о капсуле древних пришельцев.

Гость отложил вилку, внимательно посмотрел на Дмитрия.

— А разве... их уже нашли? Или — одну, да? Какую? Витчера или Терния?

— Ну, этого я не знаю. Я даже не слышал таких названий,— сказал Дмитрий и тоже внимательно посмотрел на собеседника: в мире, он думал, нет человека, который бы не знал о египетской находке.

— Конечно, их никто не мог слышать,— согласился Ратен.— Это же наши названия.

— Чьи — ваши?

— Погодите, Дмитрий... Дайте мне собраться... Скажите, вы верующий человек? Или нет, не так... Атеизм уже, безусловно, распространился в мире, но в какой-то степени это влияет на политику и на общественный строй. Погодите, я сейчас сформулирую...

Он говорил тихо, словно бы рассуждая, додумывая что-то на ходу, глаза его пытливо смотрели на Дмитрия.

— Скажите, вот вы, средний человек, лесничий — вы хорошо знаете истоки религии? Церковные догмы и тот... м-м... фундамент, на котором они зиждятся?

— Знаю,— сказал Дмитрий.— Вам это очень интересно?

— Очень,— кивнул Ратен.— Мне это очень интересно.

— Так я еще раз скажу, что знаю. Я, видите ли, из православной семьи. Мой прапрадед был дьяконом.

— Вы не церковно-приходскую школу кончали?

Дмитрий оценил его юмор.

— Нет,— сказал он,— скорее уж духовную академию.

Ратен понимающе кивнул головой. Помолчал немного. Потом сказал:

— Ну, что ж, я чувствую, что должен признаться. Помоему, вы тот, кто мне нужен. Только скажите — вы человек без предрассудков?

— Это в каком же смысле?

— А в таком, что... Как вы, например, отнесетесь ко мне, если я скажу, что прилетел из соседней Галактики?

Дмитрий рассмеялся.

— Я скажу, что вы человек храбрый. Все-таки далеко лететь. Скучно, неуютно. Да и хлорелла надоедает.

— Ну вот, видите,— сказал Ратен укоризненно.— Смее-тесь. Вы же сами спросили, кто я такой... А хлорелла — вы разве ее уже знаете? Она действительно надоела. Я, признаться вам, лакомка.

Он взял себе еще кусок жаркого.

Дмитрий вдруг встрепнулся.

— Послушайте,— сказал он.— Это ваша там установка булькала? Я нашел сегодня у себя на участке черт знает что... Мешанину какую-то из проволоки.

— Моя,— кивнул Ратен.— Извините, пожалуйста. Это генератор. Он вышел из строя, и я его уничтожил. Посадка была довольно жесткая.

— Посадка?.. Ах, ну да! Вы же...

Никогда еще невозмутимость Дмитрия Черепанова не проверялась на прочность так обстоятельно, как сейчас.

— Так вы... действительно? Ну-ну... И у вас есть доказательства?

— Доказательства? — удивился Ратен.— А зачем они мне?

— И вправду — зачем? — рассеянно согласился Дмитрий.— И зачем вам выдумывать? Незачем вроде... Вид у вас нормальный. На шизофреника не похожи.

— Не похож? — серьезно переспросил Ратен. — Это хорошо. Это меня успокаивает.

Он молча доел жаркое, затем достал из кармана плоскую металлическую коробку наподобие портсигара, нажал на что-то сбоку и негромко сказал:

— Дайте, пожалуйста, фон. Поконтрастней!

— Простите? — не понял Дмитрий.

— Это я разговариваю с пилотом корабля, который находится на орбите. Вы, возможно, знакомы с работами Кибальчича? Наш аппарат построен на принципе... Ну, будем говорить — реактивной тяги. В первом приближении, конечно... Вот, смотрите!

Перед Дмитрием возник экран. Просто материализовался кусочек пространства. На угольном фоне космоса он увидел замысловатую серебряную конструкцию.

— Это ваш корабль? — спросил он. — Симпатичный. На паука похож. Наши поэзичней будут. Впрочем, всякие встречаются.

Ратен вопросительно посмотрел на него:

— Вы имеете в виду дирижабль?

«Он принимает меня за неандертальца, — с некоторым раздражением подумал Дмитрий. — Можно, конечно, продемонстрировать ему телекинез, но это потом... Похоже, он действительно чужак, если пытается поразить меня такими вещами».

Подумав так, он тут же окончательно уверовал, что Ратен и вправду космический гость. Потому что, во-первых, все сходилось, а во-вторых, разве в этом есть что-нибудь противоестественное?

Но что-то постороннее уже вплелось в это трезвое приятие действительности.

— А где ваш посадочный отсек?

— Вы хотите его видеть? Идемте...

— Ладно, успеется. Ну что ж, Ратен, будем считать, что факт есть факт. Мой дом — ваш дом. А я — к вашим услугам.

— Погодите... Вас, что же, совсем не удивляет, что мы с вами так... похожи? Люди Земли и люди Короны? Что я — ваша копия?

— Корона — это планета, откуда вы прилетели?

— Совершенно верно.

— Нет, меня это не удивляет. Природа слишком долго работала над конструкцией человека, чтобы каждый раз начинать заново. В сходных условиях, разумеется.

— Вы правы...

Он замолчал и принялся с большим, чем раньше, интересом оглядывать гостиную. Взгляд его остановился на медном барометре. Он подошел к нему и постучал по стеклу. «Смотри-ка, разбирается,— подумал Дмитрий.— Когда-то по нему действительно стучали, чтобы стрелка стала на место».

— Тысяча девятьсот двенадцатый год,— прочитал Ратен.— Недавно приобрели?

— Да, по случаю...

Ратен подошел к Дмитрию.

— А знаете... Я думал, будет труднее. Вы даже как-то слишком уж скоро меня приняли.

— Ну вот,— рассмеялся Дмитрий.— Вам не угодишь. Вы же искали человека без предрассудков. И потом — вы по мне не судите. Я не типичен. Узнает наше дорогое человечество, шум будет грандиозный, могу вам это обещать... А сейчас, извините, мне нужно ненадолго отлучиться. Подошло время связи.

Время связи еще не подошло. Но Дмитрию нужно было выйти, постоять на улице, послушать, как шумит лес. Разум его был спокоен. Душа, увы, была смущена. Тут уж что говорить... Почему-то приходили несолидные мысли, оборачивались заголовками из старых журналов: «Дмитрий Черепанов оказывает гостеприимство инопланетному гостю! Трапеза в Сибирской тайге! Рука дружбы через океан звезд!» Последний заголовок ему не понравился, и он переделал его так: «Звездный посол вручает верительные грамоты!»

— Ну хорошо,— сказал Дмитрий, вернувшись и усевшись возле камина.— Знакомство состоялось. Давайте теперь о главном. О частностях мы поговорим потом... Откуда вы прилетели?

— В ваших звездных каталогах нет нашей системы. Это крайняя ветвь Магелланова облака.

— Далековато... Почему вы выбрали для первого контакта именно меня?

— Я, в общем-то, не выбирал. Мне нужно было тихое место, понимаете? Оглядеться, подумать. Посмотреть. И вот встретил вас. Вы показались мне человеком здраво-мыслящим.

— Моя энцефалограмма?

— Как вы сказали? Вам что — знакомо это понятие?

— Я биолог.

— Ах вот как! Странно... Ну хорошо. Да, ваша энцефалограмма. Картина, конечно, далеко не полная. Эскиз. Походные условия.

— Ладно... Хотя должен вам заметить, что у нас обычно испрашивают разрешения для проведения над человеком подобных манипуляций. Не будем строги, однако... Откуда вы так хорошо знаете нашу историю, науку, культуру? Языки, наконец.

— Аппаратура. Сверхнадежная аппаратура вот уже три тысячи лет... ваших, земных лет передает нам подробную информацию.

— Понятно! — улыбнулся Дмитрий. — Летающие тарелки.

— Тарелки?

— Спокойно, дорогой Ратен. Боюсь, что скоро спрашивать буду не я, а вы... Но пока буду я. Вы женаты?

— Женат... — растерянно сказал Ратен. — Женат, конечно. А что?

— И дети есть?

— Трое.

— А березы? Березы у вас есть?

— Берез у нас нет.

— А кошки?

— Кошек тоже нет. Есть другие животные, похожие на кошек, только у них шерсть совсем короткая. Они почти голые.

Ратен отвечал спокойно, но Дмитрий чувствовал, что он недоумевает.

— Простите, Ратен. Вопросы, должно быть, глупые. Мне хочется узнать вас поближе просто как человека. Как-никак, я первый землянин, с которым вы беседуете.

— Нет, — сказал Ратен. — Вы не первый. Первый был Одалий Царух, надсмотрщик над рабами, строившими пирамиду Хеопса.

— Так-так... Противный, должно быть, мужик был?

— Нет, почему? Просто время такое было. Рабовладельческий строй.

Дмитрий поморщился. Такой безвкусной шутки он не ожидал.

— Должен сказать, что вы хорошо сохранились для своего возраста.

— Да-да, я понимаю... — Ратен подошел к окну и поднял фрамугу. — Я понимаю ваше недоверие. Но слушайте меня внимательно. О кошках мы поговорим потом.

Лицо его стало строгим. Почти торжественным.

— Я не буду объяснять вам суть явлений, которые вы пока не сможете понять и которые даже у меня на родине понятны далеко не каждому... Мне шестьдесят лет, но за эти годы я сумел прожить несколько земных тысячелетий. Не я один — вся наша планета... Мы были у вас на заре вашей цивилизации.

Было несколько экспедиций. В Сирии, в Египте, на острове Мадагаскар, в Тибете.

Зачем мы прилетели? Чтобы установить контакт с землянами? Приобщить вас к нашей цивилизации? Нет! Вы поймите — мы обживали Вселенную, мы вышли в открытый космос, практически в беспредельный космос, и Земля была для нас островом в звездном океане...

Теперь представьте себе, Дмитрий, чувства, которые испытали наши первые космонавты, высадившись на Земле. Вы спрашиваете, есть ли у нас березы? Нет, у нас нет берез, нет черемухи, у нас другие цветы и другие птицы... Но это мелочи. Мы встретили человека! Он только что изобрел колесо, был дик, жесток, примитивен, но это был человек на двух ногах и с глазами!.. Вы простите мне сбивчивость моего рассказа.

Мы решили не вмешиваться в вашу историю. Это ни к чему хорошему не приводит, и вы это, должно быть, понимаете... Но мы вмешались! Невольно, без умысла, просто потому, что у нас не было опыта.

Последствия этих вмешательств неисчислимы...

Вы сказали, что знаете основные догматы ваших религий, легенд, ставших потом религиями. Уничтожение Содома и Гоморры. Вознесение Еноха на небеса. Хождение Иисуса Христа по воде, чудеса с воскрешением Лазаря, с двумя хлебами, которыми Иисус накормил семь тысяч голодных!

А сколько подобных фактов вам перечислят религии других народов!

Суеверия и невежество древних превратились в централизованные религии, в аппараты насилия, жестокости, эксплуатации. Костры Нерона, инквизиция, гонения на мавров, бесчисленные религиозные войны, крестовые походы — вся эта лавина рухнула на человечество только потому, что кто-то сдвинул первый камушек... Это камень сдвинули мы.

Ратен замолчал.

— Дальше? — попросил Дмитрий.

— Дальше — вы уже знаете... Совсем недавно, с большим опозданием, мы получили информацию о последствиях своей неосмотрительности. Мы увидели, к каким чудовищным боям привело экономическое неравенство, возникшее при прямой поддержке религии! У вас идет сейчас война, мировая война, каких еще не было. Не трудно представить, что будет дальше, даже если пока народы разойдутся с миром... Человечество стоит накануне великого открытия — деления атома. Вы ученый, вы представляете себе, что за этим последует?

Дмитрий уже все понял. Догадался.

— Дальше будет открытие управляемой термоядерной реакции, — сказал он. — Нейтронный двигатель. Пульсация гравитонов. Тоннель времени. Полет к звездам. И так далее, до бесконечности...

— Вы провидец, — тихо сказал Ратен. — У вас были гениальные провидцы. Леонардо да Винчи, Жюль Верн, Роберт Годдард... Ваша история развивается по единым законам диалектики, но возможны случайности. Рецидивы варварства, мракобесия.

Теперь я отвечаю вам на вопрос, который вы мне не задали: зачем я прилетел на Землю? Затем, чтобы земляне знали — религии, цементирующие сейчас вашу политическую жизнь, — всего лишь грандиозная нелепость! И моя миссия — открыть глаза людям Земли. Пока не поздно.

— Поздно, — сказал Дмитрий.

— Вы думаете? — упавшим голосом спросил Ратен. — Но почему?

— Я вам сейчас объясню, вернее, покажу, почему, дорогой Ратен, но сначала — вам не кажется, что у вас несколько преувеличенное представление о той роли, которую вы сыграли в нашей истории? Скажу по-другому: неужели вы серьезно думаете, что религию можно экспортировать?

— Элементы религии, ее атрибутику...

— О! Это уже другой вопрос. Частности. Поводов для возникновения суеверий, культов, религии сколько угодно и без пришельцев с неба. Удар молнии, комета, извержение вулкана — разве не достаточно? Вы можете возразить — но не в образе человека? И в образе человека тоже. Зачатки телепатии уходят в далекое прошлое, и кожное зрение, и другие более поразительные психические феномены — и вот вам уже готовы ясновидцы, святые и так

далее. Религия закономерна, мой дорогой гость, и я думаю, не мне вам об этом говорить.

— Да, конечно,— снисходительно улыбнулся Ратен.— Вы правы. Но вы правы вообще... Разберем такое положение. Смерть человека — закономерна. Он умрет рано или поздно. Но если я по оплошности убью человека, разве я могу утешаться тем, что он все равно в конце концов бы умер?

Дмитрий расхохотался.

— Ну знаете! У вас просто комплекс вины. И потом — вот не думал, что софистика так живуча! Если ваше посещение Земли в какой-то мере и стало элементом наших религий, ну, что ж, считайте, что мы породнились... Однако давайте перейдем к делу. Согласны?

— Согласен,— кивнул Ратен и поудобней устроился в кресле.

Прежде чем включить Информаторий, Дмитрий еще раз оглядел свое жилище. В камине по-прежнему пылали сосновые чурки, на лавке у порога дремал кот, тикали ходики с кукушкой. Модель первого самолета Можайского растопырила перепончатые крылья.

«Ларин прав,— подумал Дмитрий.— Не столь страшна психологическая несовместимость при контактах, сколь обыкновенное несоответствие уровней информации. Две высокие встречающиеся стороны боятся травмировать друг друга своим величием. Сейчас я впущу в эту таежную избу двадцать второй век, и моему заблудившемуся во времени гостю станет неуютно...»

Не поднимаясь с кресла, он включил большой канал Информатория. Тяжелые шторы на стене разошлись, ярко вспыхнул экран.

— Обычно я не позволяю себе пользоваться каналом в личных целях,— сказал Дмитрий.— Но будем считать, что у нас с вами особый случай.

Ратен подался вперед. В мертвенном свете экрана лицо его казалось бледным. Может быть, он действительно побледнел, потому что пятиметровое зеркало телевизора, вспыхнув, тут же исчезло, поглощенное стереоскопическим эффектом. Перед ним открылось окно в мир. На планету Земля, где сегодня, по его хроноскопу, был ноябрь тысяча девятьсот пятнадцатого года...

Он слишком хорошо знал историю последних лет. Всего полтора десятилетия прошло с тех пор, как был построен первый примитивный радиопередатчик, и потому

его прежде всего поразил сам телевизор. Но это длилось всего несколько мгновений, уступив место ощущениям более сложным и неожиданным...

Сперва он увидел знакомые очертания Берингова пролива: камера словно парила в космосе, опускаясь все ниже и ниже, и через минуту Ратен уже мог различить тонкую серую нитку, протянувшуюся между Азией и Америкой. Это была плотина, соединившая материки. Камера чуть задержалась над шлюзом, в котором, как в садке, плавали океанские суда, потом стремительно пересекла материк и повисла над циклопическим сооружением, похожим сверху на морскую звезду.

— Единый энергетический центр планеты,— тихо сказал Дмитрий.— А это, по-моему, Артек... Да, совершенно верно. Самый большой детский курорт.

Прямо на них из воды шел мальчик. Он смешно отфыркивался, тер глаза, что-то кричал, поднимая фонтаны брызг, а за ним, неуклюже махая лапами, плыл щенок.

— Ну, это так... Просто мальчик с собакой. Случайный кадр... Хотя, погодите-ка... Это же сын Геннадия Рома! Значит, и сам он здесь. Сейчас поищем... Вот он! Видите, с аквалангом? Это человек, впервые севший на Юпитер. А рядом Александр Громов, командир суперсветового звездолета «Двина». Девять месяцев назад он ушел к созвездию Бениты. Сейчас я попробую найти кадры старта. Так... Вот тут, пожалуй, видно все достаточно хорошо... Тфу ты! Я же не дал звук!..

...В комнату ворвался сдержанный гул космодрома. Плотная толпа людей обступила экипаж «Двины». Камера выделила среди них Александра Громова с братом, Рома, академика Ларина и чью-то дочку или внучку, которая накануне все допытывалась у Александра, не сможет ли она стать его прабабушкой. Они стояли чуть поодаль от всех, и было видно, как Ром что-то говорит Дронову, а девушка робко держит его под руку.

Потом камера вплотную приблизилась к Дронову.

— Пора! — сказал он.— Слышите, друзья, пора! Идите. Не надо больше нас провожать.

— Да, не надо,— согласился Ром.— Пора. Мой сын тебя встретит, когда ты вернешься.

Цепочка космонавтов отделилась от толпы и направилась к «Двине». Провожающие смотрели им вслед. Они стояли и смотрели даже тогда, когда были наглухо задраены люки. Они все знали, все понимали. Не в первый раз.

Хотя провожали так надолго в первый раз. Поверить в это было трудно. Но поверить было надо. Раз уж ты избрал себе такой образ жизни: улетать, возвращаться, ждать и не дожидаться. И стоять на бровке космодрома, провожая друзей. И стоять на мостике корабля, уходя от них на долгие годы.

— Володя! — прозвучало вдруг в динамике. — Володя, погоди-ка!

Брат Дронова поднял голову и вопросительно посмотрел на динамик внутренней связи.

— Я что вспомнил... У меня дома в кабинете бурундук сидит запертый. Привез недавно из Сибири. Очень симпатичный парень... Ты скажи сыну, пусть возьмет. Понял?

— Понял, — тихо сказал Володя. — Все понял...

И снова на экране Дронов. Теперь он беззвучно улыбается сквозь толстые стекла иллюминаторов. Высокий лоб и крутой изгиб бровей. И глаза человека, который видит вас в последний раз...

Кадры запрыгали, замельтешили. Потом откуда-то возникли два столба света, и в их пересечении вспыхнул корпус космического корабля.

— А это — «Двина-2». Завтра уходит на Венеру. Грузовой рейс, — все так же тихо комментировал Дмитрий. — Местные корабли ведет околоземной Центр, а те, что уходят к звездам, — Галактическая служба наведения. Вот так она выглядит.

Тонкая серебристая стрела уходила в небо. Казалось, она поднимается прямо из океана, и, лишь приглядевшись, можно было заметить, что основанием ей служит ажурная платформа, опирающаяся на правильной формы базальтовый остров.

Океан целиком заполнял экран, величину башни не с чем было сравнить: она, как макет без масштаба, не имела размеров. И только когда одинокое облако приблизилось к подножию башни, стало ясно, что высота ее колоссальна...

— Остров насыпан в океане, — сказал Дмитрий. — А башня выстроена из металла, полученного пятьдесят лет назад от переплавки последней военной эскадры... Мне вряд ли стоит добавлять, что все это под силу только объединенным народам, и только в мире социальной справедливости...

А теперь мы в Москве. Это — Большой театр. «Садко», последний акт. Будете смотреть?

— Нет, — сказал Ратен. — Не буду.

Некоторое время они сидели молча. Перед внутренним взором Ратена возник человеческий муравейник, облепивший каменные громады Египта, галеры с прикованными к веслам рабами, гибель великой цивилизации инков, алчность Кортесса, последняя ночь Кибальчица, осужденного на смерть. По дороге на эшафот он думал о полетах в космос. Ратен увидел заснеженные дороги Сибири, по которым шли декабристы, баррикады Парижа, тупую, самодовольную рожу Вильгельма и синие лица солдат, задушенных газом в окопах.

Темные века истории Короны затерялись во времени, и Ратен воспринимал их скорее умозрительно, просто как факты, имевшие место. История Земли прошла на его глазах, и последние кадры, оборвавшиеся перед отлетом с Короны кровавой мясорубкой войны, так неожиданно вдруг завершились этой устремленной к небу серебристой стрелой, отлитой из последних военных дредноутов...

Странное чувство овладело им. Чувство причастности к тому, что сделано людьми Земли. Людьми, которые, в общем-то, были всего лишь членами большой космической семьи, такой большой, что она вмещала в себя и различные формы разума, и разные по уровню цивилизации.

Он посмотрел на Дмитрия. Тот по-прежнему сидел возле окна, и заходящие лучи солнца высвечивали его резко очерченный профиль. Только час прошел с тех пор, как Ратен переступил порог этого дома. И совсем немного времени прошло для него с той минуты, когда он впервые встретил землянина. Свирепый, полуголый надсмотрщик Царух, в ужасе бросившийся ниц, когда Ратен, защищая рабов, преградил ему дорогу силовым барьером, и вот этот спокойный в своем могуществе человек — единые звенья бесконечного процесса развития. Но сколько было окровавленных звеньев в этой цепи! Приди он, Ратен, раньше — все могло бы быть по-иному... А он не только не смог прийти вовремя, он и тут опоздал...

И эти чувства — гордость за людей Земли и сожаление, что Корона не смогла помочь им в самые трудные годы, — эти чувства в первый момент вытеснили все остальное: растерянность, недоумение, просто тревогу — как он сумел заблудиться во времени? Опять этот пресловутый континуум? Или, может быть, это остатки того галактического возмущения, которое разорвало временную связь Земли и Короны?

Дмитрий не нарушал молчания. Он, казалось, хотел дать ему время прийти в себя. И Ратен понял это.

— Ну, хорошо, — сказал он. — Картина, в общем, ясная. Остается только выяснить, какой все-таки сейчас год?

— Две тысячи сто тридцать пятый.

— М-да... Солидно. Скажите, Дмитрий, у вас есть серьезные релятивисты? Боюсь, одному мне в этом не разобратся.

— Релятивисты есть. А вот насчет разобратся — не знаю. Нам пока приходилось сталкиваться только с классическим взаимодействием массы и времени. У вас же, как я понимаю, концы с концами не сходятся?

— Не сходятся, — кивнул Ратен. — Я потерял двести двадцать лет. Просто, знаете, взял и потерял!

— Опоздали? — сочувственно спросил Дмитрий.

— Опоздал...

— Вот и отлично! Представьте себе, прилетели вы на Землю, а вас — бух! — и в клочья. Куда как заманчиво... Или вы недовольны?

— Мне нельзя быть довольным или недовольным. Я ученый.

— Вот оно что... Вы потеряли цель — да? Летели-летели, потом, оказывается, — зачем? Слушайте, бросьте вы эту метафизику. Не будьте утилитаристом!

— Не понял.

— Сейчас объясню...

Объяснить он ничего не успел, потому что раздался тихий щелчок, и тотчас же включился экран Большого Информатория.

— Ух ты! — сказал Дмитрий. — По Большому каналу, это что-то срочное.

Сообщение было действительно срочным. Галактический центр передавал, что «Двина» возвращается. Локаторы обнаружили звездолет на выходе из тоннеля, однако связь с ним установить до сих пор не удалось. Судя по характеру отраженных сигналов, «Двина» идет на крейсерской скорости и будет в окрестностях Земли не позже чем через сутки. Ученые теряются в догадках, чем вызвано неожиданное возвращение экспедиции.

Академик Ларин считает, что навигационные системы корабля не справились с пересчетом пространственно-временных координат. Главный конструктор, напротив, видит причину возвращения «Двины» в том, что методика пересчета, предложенная Лариным, дает слишком боль-

шой диапазон вероятностного разбрасывания, что не могло, естественно, не отразиться на точности пространственного интегрирования.

Свою точку зрения высказали медики, историки, психологи, санитарная служба, Энергетический центр, а также директор Дальней космической связи, он же родной брат Дронова.

Сообщив это, центр предложил всем службам обеспечения быть в полной готовности к приему корабля.

— Что-нибудь серьезное? — спросил Ратен, когда Информаторий смолк.

— Как видите, никто толком не знает. Сегодня Ларин и Главный конструктор будут доказывать друг другу, что оба они — гении, но один из них все-таки ошибся... Дела, однако, складываются таким образом, что я должен буду вас покинуть. Служба обеспечения — это относится и ко мне. Может быть, вам уже пора приступить к более широкому контакту? Я вызову гравилет, и вас отвезут...

— Куда? — перебил его Ратен. — В Галактический центр? Или сразу к Председателю Совета? Я снова должен буду сидеть на краешке стула и смиренно говорить, что я не шизофреник, а человек с другой планеты? Не хватит ли для первого дня?

— Резонно...

— Конечно, резонно. Оказав мне гостеприимство, вы тем самым взяли на себя и моральную ответственность за мое благополучное пребывание на Земле.

— Ну да? — сказал Дмитрий. — Ишь ты! — он рассмеялся. — Я вижу, у вас на Короне с юмором обстоит неплохо... Раз так — собирайтесь! Пойдете со мной. Вы ходить умеете? Или больше перемещаетесь?

— Умею, — заверил Ратен. — Это я умею. Хотелось бы только знать, куда и зачем?

— Ну... Я не буду объяснять вам суть явлений, которые вы пока не сможете понять и которые даже у меня на родине понятны далеко не каждому, — начал было Дмитрий, но Ратен перебил его.

— Не надо! Это невеликодушно, в конце концов. Я ваш гость.

Потом тоже рассмеялся:

— Должно быть, я выглядел эдаким напыщенным ментором?

— Было немного... Вот только сапоги ваши всю картину испортили. Небось под мастерового одевались?

— Ну, сапоги себя еще покажут,— загадочно сказал Ратен.— За сапоги не взыщите... Так куда же мы все-таки идем?

— В двух словах, у меня станция биологического контроля. При подходе кораблей из глубокого космоса я обязан давать зону. Ясно?

— В общих чертах.

— Тогда пошли.

— Идем. Дмитрий, одну минутку! Это не займет много времени, но мне бы хотелось еще раз взглянуть на тот кадр из Информатория, где командир «Двины» смотрит через стекло иллюминатора.

— Скажите! — удивился Дмитрий.— Ну, если надо, значит, надо. Сейчас поищем.

Он щелкнул тумблером и нашел нужный кадр. Дронов внимательно смотрел им в глаза. Только сейчас Дмитрий заметил, что лицо у него усталое. Наверное, такие лица бывают у всех, кто к тридцати годам успевает прожить целую жизнь.

— Достаточно? — спросил Дмитрий.

— Да, выключайте. Знаете, если бы это не было слишком абсурдным, я бы мог поклясться, что уже видел этого человека. Но видеть я его не мог...

— Да уж это верно,— согласился Дмитрий.— Не мог.

— На редкость, знаете ли, запоминающаяся внешность. Эти надбровные дуги такой... э... своеобразной формы, этот лоб. Во всем облике я вижу что-то очень и очень знакомое.

— Он похож на Сократа,— улыбнулся Дмитрий.

— На кого? Ах да, возможно. Не помню, как выглядел Сократ.

Он замолчал и как-то ушел в себя.

«Опять, видно, споткнулся обо что-то непонятное,— подумал Дмитрий.— Ох, уж мне эти прогулки в соседнюю Галактику».

— Пора,— напомнил он.— Надо идти. Скажите, а этот ваш пилот, который на орбите, он не может оттуда слезть? Поел бы хоть по-человечески.

— Нет,— сказал Ратен.— По-человечески он поест не может. Он, простите, робот...

В пределах станции Дмитрий старался не пользоваться транспортом, потому что всякий транспорт — это энергия, а его автоматы капризны и чутко реагируют на постороннее поле. Так, по крайней мере, он объяснял это

своим друзьям, обижавшимся на него за то, что он не разрешает им сажать гравилеты на просеку.

По правде же говоря, он просто любил ходить. Не потому, что медики призывали всех и каждого совершать активные движения, а потому, что это ему нравилось.

До просеки, где были установлены автоматы, они добирались часа два. Стояла глухая ночь. Тропинка вела их то по сухому кочкарнику, то ныряла в подлесок, куда не проникал даже слабый свет ночного неба. Становилось совсем темно. Где-то ухал филин. Лес наполнялся таинственными шорохами, бормотанием ветра над головой, хрустом веток. Дмитрий подумал, что сами они в толстых и рогатых инфракрасных очках похожи на леших.

Сейчас, в тишине ночного леса, Дмитрию все явственнее становилась абсурдность, чуть ли не анекдотичность того, что происходит. Планета встревожена. Планета недоумевает. С полпути возвращается экспедиция, на которую возлагалось столько надежд. А тут по лесу идут двое, несут в себе, может быть, самую большую тайну мироздания, и никто об этом даже не догадывается. В Галактическом центре, за пультом, должно быть, пьют чай — они всегда чаевничают, когда много работы, — крутят свои верньеры, чтобы узнать, есть ли жизнь на других планетах, а у него за спиной тяжело дышит человек, пролетевший через такие бездны, что и выговорить страшно. А сам факт его существования — это уже и есть ответ на главный вопрос, обращенный к космосу.

Тропинка была узкой, они шли один за другим.

— Не устали? — спросил Дмитрий.

— Нет, ничего. Только очки ваши мне велики.

Вот и весь сказ. Очки ему, видите ли, велики. Еще немного, и от знаменитой невозмутимости Черепанова не останется и следа. Ну да ладно, сейчас нужно делом заниматься, а завтра он передаст звездного человека по инстанции и будет хлопать глазами вместе со всеми. Будет, чего доброго, удивляться и говорить: «Ну кто бы мог подумать!..»

Стало уже светать, когда они вышли к озеру. Четыре автомата были запущены, остальные он включит на обратном пути. Придется сделать небольшой крюк.

Над озером висел туман. Было светло. Дмитрий почувствовал, что проголодался. Ратец, наверное, тоже не прочь закусить. Отощал за время перелета. Интересно, как там у них это делается? Анабиоз или придумали что-нибудь еще?

— Привал! — сказал он. — Будем отдыхать. Будем пить чай и есть галеты. А хорошо бы чего-нибудь такого... Гуся, например. Слушайте, Ратен, утрясем мы с вами все дела, и давайте завалимся в тайгу. Я вам такую охоту организую — всю жизнь помнить будете! У вас там как, есть охота?

— Нет, — сказал Ратен. — У нас охоты нет. У нас есть только зоопарки. Мы ведь старики. Не забывайте, мы помним себя уже тридцать тысяч лет.

— Перебили зверюшек?

— Перебили... Может, вы умней будете.

— Мы стараемся. У нас лицензию получить — целая история... Ну-ка, погодите... слышите?

— Кричит кто-то...

— Это утка кричит, вот кто! Жирный селезень в котел просится. Недаром я ружье захватил. Пойдемте, посмотрим. Если у берега, значит повезло, будем с утятинной.

Они спустились к самой воде. Туман поредел. Метрах в тридцати от берега сидели три селезня. Сидели спокойно, таращили на людей глаза, словно понимали, что стрелять их нет никакого резона: кто же полезет в холодную воду, прихваченную у берега льдом? Никто не полезет...

— Ах, паршивцы! — сказал Дмитрий. — Нет, чтобы сесть поближе... Хорошо, злодеи! Испечь их в золе, пальчики оближешь... Ну, да ничего не попишешь. Будем считать, что их и не было.

— Как же не было, когда есть, — жалобно сказал Ратен. — Я уже чувствую запах жареной утки. У вас есть лавровый лист?

— Нет у меня листа, — рассмеялся Дмитрий. — Не расстраивайтесь. В следующий раз мы возьмем собаку.

— В следующий раз будет зима... Стреляйте скорее! Я достану.

— Холодно, — предупредил Дмитрий.

— Да стреляйте же! Сейчас они улетят...

«Смотри-ка ты, вошел во вкус, — подумал Дмитрий. — Придется самому искупаться».

Он вскинул дробовик и выстрелил. Два селезня завертелись на месте.

— Молодец! — похвалил Ратен. — Ружье у вас, должно быть, того же года, что и самовар, да? Метко бьет, однако.

Он подошел к кромке воды, потрогал ее ногой.

— Подождите, — сказал Дмитрий. — Я сам...

Ратен покачал головой. Потом нагнулся, чем-то щелкнул на голенищах сапог и ступил на воду. Дмитрий не сразу понял, что произошло. Ратен шел по озеру, как жук-водонос, слегка покачиваясь на пологой волне.

«Поверхностное натяжение,— сообразил Дмитрий.— У него на подошвах силовой блок, во много раз увеличивающий прочность поверхностной пленки воды. Идет, как посуху...»

Ратен дошел до убитых птиц и обернулся.

— Правила Контактлов запрещают нам демонстрировать аборигенам явления, которые могут быть ими неправильно поняты,— сказал он торжественно.— Но я нарушил правила. Это вам за то, что вы издевались над моими сапогами.

Он рассмеялся.

— И потом, аборигены выросли. Им можно показать игрушки богов.

Он поднял птиц и важно зашагал к берегу.

«Ну, погоди! — подумал Дмитрий.— Погоди... — Он даже задрожал от нетерпения.— Погоди, брат по разуму, ты еще не знаешь, как мы умеем громко смеяться».

— Минутку! — закричал он.— А плавать вы умеете?

— Как рыба!

— Туземцы вас ни разу не мочили? При нарушении Правил Контакта?

— Нет,— сказал Ратен.— Ни разу.

Дмитрий краем глаза посмотрел на дозатор. Энергии хватит. Стоит нажать на кнопку, и в радиусе ста метров всякое силовое поле исчезнет. Волшебные сапоги Ратена превратятся в опорки.

— Значит, ни разу?

— Конечно, нет. Это им не под силу.

— Придется исправить ошибку...

Дмитрий выключил поле. Ратен на секунду замер и с размаху шлепнулся в воду. Звук получился очень громкий.

— Уток не потеряйте! — закричал Дмитрий.— Уток держите. Есть у меня лавровый лист, я вспомнил!..

Ратен ошалело молотил руками по воде, пока не сообразил, что стоит на дне. Из воды виднелась только его голова, а на лице были написаны такая детская обида, изумление, растерянность, что Дмитрий сел на землю и тихо застонал. Смеяться уже не было сил. Ратен, облепленный тиной, тяжело выбрался на берег, зафыркал, бросил уток

на песок, постоял немного, подумал, потом сел рядом с Дмитрием и тоже стал смеяться.

— Простите великодушно,— сказал Дмитрий.— Очень уж соблазн был велик. Вы отряхнитесь, я сейчас костер разложу.

Ратен стал крутить головой, отфыркиваться, попрыгал немного на месте и стал заметнее суше: допотопный пиджак земного покроя был как-никак из водоотталкивающей ткани Короны...

— Вот теперь я вижу, что пересек Галактику,— сказал он.— А то уж больно все хорошо было... Давайте скорее что-нибудь с уткой делать, у меня после бани аппетит.

— Утки уже в золе,— улыбнулся Дмитрий.— А мы пока по стопке, для разогрева,— он достал флягу и отвинтил колпачок.— Между прочим, натуральный коньяк. Как у вас дома с коньяком?

— Нормально... С этим у нас нормально,— рассеянно сказал Ратен.— Тут вот какое дело. Я в свое время оставил в доме одного феллаха — я лечил у него дочь — бутылку вина. И вот, понимаете ли, вдруг пришла мысль: не я ли виноват в том, что алкоголь наделал на Земле столько бед?

— Ну знаете! — снова рассмеялся Дмитрий.— Слишком много на себя берете! Не казнитесь, Ратен, могу вас уверить, что это наш первородный грех. Доморощенный. Варягов не звали, сами научились.

Он разгреб золу и стал очищать утку от спекшейся глины.

— Запах убийственный... Держите ножку, вы заслужили. Еще немного коньяку? Ну как хотите... Так вот, это наш грех. Поговорим теперь о ваших. Кое-что я уже знаю, хотелось бы узнать остальное. Вознесение Иисуса Христа на небо — чья работа? По времени вроде бы не совпадает с вашей экспедицией.

— Здесь многое не ясно и для нас самих. Дело в том, что не все наши экспедиции вернулись. Сейчас я склонен думать, что они тоже сбились во времени, рассеялись, так сказать, по векам вашей цивилизации. Вполне возможно, что кто-то угодил как раз в тот период истории, который был у вас отмечен легендой о Христе.

— Так-так... можно нескромный вопрос? За что вы раздолбали Содом и Гоморру? Они что, в самом деле были безнравственны?

— Да нет! Какое там... Просто несчастный случай.

Взорвался корабль. Погиб мой старый друг Ксантий... Кажется, они не дотянули до космодрома.

— Баальбекская платформа — это космодром?

— Да. Я принимал участие в его строительстве.

— Солидно сделано... Я понимаю, на века строили. Визитную карточку оставляли.

— Нет, это не визитная карточка. Мы вовсе не стремились к тому, чтобы материальные следы нашего пребывания на Земле дошли до вас. И Баальбек и космодром в Андах — это всего лишь наши рабочие площадки.

— А капсула в Египте?

— Ну, это другое дело. Капсула действительно была рассчитана на то, чтобы ее нашли. Это послание. Но вы же знаете, она запрограммирована таким образом, что расшифровать заключенные в ней сведения может только высокая цивилизация.

— Те, кому уже не страшно показывать игрушки богов? — улыбнулся Дмитрий.

— Вот именно... Вы говорите — визитная карточка. Да, такой карточкой должна была стать капсула. Теперь я вижу, что вы опередили события. Вы, как я понял, знали о нашем посещении еще до того как нашли капсулу?

— Точнее говоря, мы знали, что на Земле были... м-м... существа из космоса. Но то, что это были вы, — этого мы, естественно, знать не могли. Тем более, что в капсуле никаких конкретных сведений не было. Была констатация факта. А вот обратного адреса вы почему-то не оставили. Почему бы это?

— Адрес был. Была система координат, — сказал Ратен. — Это я знаю точно. Может быть, ученые их засекретили?

— Глупости. От кого засекречивать?

— Да, действительно... Хотя постойте? Ведь вы нашли только одну капсулу? Это, безусловно, капсула Витчера, она рассчитана на средний уровень цивилизации, еще до космических полетов. Координат в ней действительно не было.

— Осторожничали?

— Возможно... Но в капсуле Терния были точные координаты. Кстати, мы должны будем ее отыскать.

— Отыщем, конечно... Знаете, о чем я сейчас подумал? Вы называете имена: Витчер, Ксантий, Терний. Вас зовут Ратен... Вам не приходило в голову, что имена эти похожи на земные?

— Пожалуй, но всерьез я над этим не задумывался, потому что единственный ответ может быть такой: мы оставили землянам свои имена. Но к моменту нашего самого первого посещения вы уже прекрасно обходились своими.

— Логично...

— Или еще вариант: эти имена экспортировали на Корону земляне. Поскольку это тоже отпадает, будем думать, что дело здесь просто в сходстве нашего речевого аппарата. Нашей лексики. Кстати, а как давно вы узнали, что Баальбек — это искусственное сооружение, что...

— ...Енох летал на космическом корабле пришельцев, что большинство религиозных легенд так или иначе связано с посещением Земли гостями из космоса? — перебил его Дмитрий. — Это мы знали довольно давно. Но общая картина складывалась постепенно. Факты. Догадки. Гипотезы. Еще факты. Новые методы их обработки... Словом, когда на Балканах нашли в одном из монастырей фрески — древние, заметьте, фрески, — на которых Иисус Христос был изображен в ракете, никто этому не удивился. Люди были подготовлены.

Это первый этап. Второй начался после того как были разработаны методы обнаружения ноносферы в масштабах Галактики. Мы практически уже можем назвать десять-двенадцать сравнительно близких цивилизаций. К одной из них, кстати, и направлялась «Двина».

— Простите, Дмитрий... Ноносфера — это что?

— Я понимаю, термин вам не знаком. Но суть вы, наверное, знаете. Это, пожалуй, одно из крупнейших открытий нашей науки, сделанное еще в двадцатом веке академиком Вернадским. Точнее, это его идея. Всякая планета, населенная разумными существами, создает вокруг себя особое поле — назовем его приблизительно полем психической радиации. Это — биение мысли. Силовое поле интеллекта. Образование, присущее только разуму. Понимаете? И мы научились в глубинах Галактики выделять те участки, где присутствует ноносфера. Это универсальный метод. Безошибочный. Но участки пока слишком велики. Со временем, конечно, мы сможем локализовать уже не участки неба, а отдельные планетные системы.

Все это я вам рассказываю для того, чтобы пояснить свою мысль: после открытия очагов ноносферы, а следовательно, разума во Вселенной, уже нельзя было отговариваться тем, что разум — явление уникальное и неповтори-

мое. А раз так — посещение Земли пришельцами стало фактом истории.

А теперь несколько фактов из нашей земной, домашней, так сказать, истории. Вы улетели с вашей Короны, когда на Земле шла первая мировая война. Почти в канун революции...

Когда Дмитрий замолчал, Ратен спросил:

— Помните, перед тем как включился Информаторий и мы отправились сюда, в тайгу, вы назвали меня утилитаристом? Меня это, признаться, несколько смутило...

— Да-да. Сейчас я поясню свою мысль. Ну, чтобы совсем коротко, скажу так: человечеству не нужны спасители. Ни мифические, в образе Христа или Магомета, ни во плоти, прилетающие на звездолетах.

Вы прилетели открыть нам глаза. Мы открыли их сами. Вы хотели помочь нам навести порядок, социальную справедливость. Как видите, и тут мы справились неплохо. Наша история была трудной. Трагической. Но это — наша история. И кто знает, не пройди человечество через столько испытаний смогли бы мы стать теми, кем мы стали.

Ребенок, который в детстве не расшибал коленей, не падал с дерева, не получал подзатыльников, — такой ребенок может вырасти нелюбознательным тихоней и трусом.

— Но ребенка следует остановить, если он начинает играть с огнем! Если его шалости становятся опасными. Мы были старше вас, опытней, и мы поняли, что наш долг — поделиться своим опытом.

— Нет, Ратен! Чужой опыт — всего лишь чужой опыт. Вряд ли он может помочь кому-нибудь.

— Ну хорошо. Пусть так. А в чем же все-таки мой утилитаризм?

— Я не закончил свою мысль. Когда-то, еще на заре космонавтики, некоторые сомневались: а стоит ли летать к звездам? Вопрос стоял так — отыскать планету с высокой цивилизацией; посмотреть что к чему, поднабраться ума-разума и привезти этот ум-разум домой. Но дорога длинная, пока долетишь, пока вернешься — знания, глядишь, устареют. Так стоит ли керосин жечь?

Понимаете? Полет — за чем-то. За опытом. За золотым руном. За тайной мироздания. Все это хорошо. Но ведь самое большое чудо, самая главная цель — это встретить себе подобных. И не нужны нам сокровища их мысли, их Голконды и Эльдорадо! Их математика и их машины. Нам нужны они сами. Нужна встреча. А это устареет не может.

Всякий иной подход к этому вопросу я называю утилитарным.

Вот и вы тоже: летели к нам не потому, что мы существуем, а для чего-то. Помочь, спасти и так далее. Опоздали. И — растерялись. Цель потеряна.

А помните, вы же сами рассказывали о чувствах, которые овладели вашими космонавтами, когда они впервые встретили людей — людей с ногами и руками?

Ратен покачал головой:

— Все верно. Но я сказал лишь одну фразу: «Мне нельзя быть довольным или недовольным. Я ученый». А это значит, что я не мог выполнить программу полета. Больше того, я заблудился во времени и до сих пор не знаю, на каком участке маршрута попал в гравитационную ловушку. Результаты моего полета неожиданны, научная ценность их неоспорима, но как ученый я чувствую себя неудовлетворенным...

— Мне это непонятно! С потерей времени вы потом разберетесь, ведь главное — в другом: впервые попав на Землю, вы поняли, что человечество придет к своему расцвету, знали, что не дождетесь этого, хотя вам, конечно, хотелось бы дождаться — и вот волей случая вы становитесь современником нашей цивилизации — и вы, мягко говоря, растеряны.

— Это не то чувство. Но, возможно, вы правы, Дмитрий. Чужой опыт — это всего лишь чужой опыт. Чужая планета — это тоже всего лишь чужая планета. Даже если она — Земля... Вот таким образом... Послушайте! — Он встрепенулся и стал шарить палкой в золе. — А что, вторую утку мы разве тоже съели?

Дмитрий рассмеялся.

— Да нет! Я просто зарыл ее поглубже, чтобы не остыла. Вот она. Чайку вам еще налить?

— Давайте! Должен признаться, что утки, которыми меня угощали фараоны, были жестче.

Он принялся обглаживать крыло. Ел обстоятельно, со вкусом, подбирая хлебом стекавший с тушки жир... Вот он сидит рядом, в пиджаке, конопчатый и рыжий. Специалист по Земле. Смеется, каламбурит. И — очень чужой. «Земля — лишь чужая планета». Все правильно. Мы братья по разуму. Но как еще много нужно, чтобы мы стали братьями по духу!

Ничего, старина! Все будет, как надо. Можешь спокойно доедать свою утку...

Дмитрий наскоро допил чай и стал собирать нежитные предметы полевой кухни — треногу, помятый чайник, банки с солью, перцем и прочими приправами: неподалеку, в дупле кедра, он устроил себе удобную кладовую и всякий раз, совершая обход линии, останавливался здесь на чаевку.

— Я сейчас,— сказал Ратен, видя приготовления Дмитрия.— Я почти готов. Я не был вам особенно в тягость? Хотя должен сказать, с обязанностями хозяина вы справляетесь хорошо. И дело делаете, и гость у вас напоен-накормлен.

— Вот и вы учитесь,— улыбнулся Дмитрий.— Перенимайте опыт. Глядишь, и к вам на Корону тоже гости пожалуют.

— Они уже были,— равнодушно сказал Ратен.

— Были — кто? — не понял Дмитрий.

— Гости, как вы говорите. Пришельцы. Люди из космоса. Мы еще сами не знаем кто.

— И давно?

— Давно. В каменном веке Короны. Также оставили нам кучу всякой ереси. Молитвенный столб, который при ближайшем рассмотрении — через двадцать тысяч лет, естественно,— оказался исковерканным отражателем гравитационного двигателя. Ну и так далее. Легенда о Высекающем огонь, например. Сохранились даже его изображения... Вам в этом отношении повезло, лики ваших святых благообразны, а у нас... у этого Высекающего огромный шрам через все лицо.

— Любопытно. Что же, наскальные рисунки, скульптуры?

— И то, и другое. Наскальные — это прижизненные, а потом даже бронзовые статуэтки, фрески, как полагается. Богатая иконография.

— Значит, тоже по образу и подобию?

— Конечно! Деталь эта, в общем, утешительная. Нас во Вселенной больше, чем мы думаем. Но тех, кто был у нас, еще предстоит найти.

— Найдём,— сказал Дмитрий.— Куда они денутся. А почему, собственно, Высекающий огонь? Он что, вроде нашего Прометея? Первооткрыватель, так сказать?

— Нет, здесь совсем иное. Огонь уже был давно известен, но древние люди Короны просто не могли по-другому обозначить то, что они увидели. А увидели они плазменный резак. Увидели, как тонкая игла света режет камен-

ную гору, словно головку сыра. Впрочем, при желании вы можете это увидеть.

— Это как же?

— А вот так. Мы имеем возможность в исключительных случаях почти достоверно реконструировать некоторые эпизоды нашей истории. Видите, сколько оговорок сразу: в исключительных случаях, почти, некоторые эпизоды — я это подчеркиваю, потому что процесс реставрации необыкновенно сложен и требует такого количества энергии, которого даже мы не всегда можем себе позволить... Я не могу объяснить вам сам процесс: я не специалист, но если приблизительно, то мы имеем дело с остаточной информацией. Это, если хотите, энтропия наоборот. Тонарный анализ...

— Не надо, — перебил его Дмитрий. — Тонарный анализ говорит мне ровно столько же, сколько и энтропия наоборот. Я не гордый, могу признать, что кое в чем мы еще ученики. Давайте суть.

— Хорошо. Перейдем к сути. Итак, мы смогли реконструировать некоторые эпизоды пребывания Пришельцев. В частности, тот эпизод, из-за которого, по всей вероятности, один из них и стал Высекающим огонь. Сейчас вы это увидите.

— Прямо здесь?

— А почему бы нет? В конце концов я должен чем-то отплатить вам за Информаторий? — Он снова, как и в первый раз, достал из кармана передатчик. — Дайте, пожалуйста, эпизод дубль-два, первую часть крупным планом.

— Почему вы разговариваете с пилотом? То есть... Ну, с киберпилотом на нашем языке?

— Потому что я учитывал и несколько рискованные ситуации, в которые мог бы попасть на Земле. Понимаете? И в этих случаях мне легче было бы объясняться с пилотом на языках Земли. Он запрограммирован на шесть языков. А теперь, пожалуйста, будьте внимательны. Вы присутствуете при извержении вулкана Центарий. Это было двадцать тысяч лет назад, на заре цивилизации Короны...

Дмитрий едва не отшатнулся, потому что прямо ему в лицо полыхнул нестерпимо яркий поток клокочущей лавы. Она заполнила весь экран, если можно назвать экраном то, что возникало перед его глазами. Раскаленная река выплеснулась из кратера и стремительно неслась вниз, по крутому каменистому склону... Изображение на миг потускнело, потом масштабы изменились, и лава уже

выглядела пойманной на лету молнией: шевеля лучами-щупальцами, она лениво стекала в долину, обогренную отблесками огня, и в этом смещении черной ночи и горящего камня не сразу можно было заметить в самом устье долины крохотные домики обреченного города. Дмитрия не обманула эта кажущаяся медлительность: изображение передавалось с расстояния многих километров, и там, в натуре, он знал, лава текла со скоростью гоночного автомобиля...

— Это столица древнего государства Алканов,— сказал Ратен.— Колыбель нашей культуры. Город, который еще и сегодня...

— Не надо! — попросил Дмитрий.— Подождите... Какая... жуткая тишина!

Все происходило в полном безмолвии. Люди Короны или не умели реставрировать звук, или сделали это умышленно. По крайней мере ни душераздирающие крики, ни вопли, ни грохот не могли бы сейчас ничего прибавить к картине, которая открывалась Дмитрию. Он видел добела высеченные улицы, перечеркнутые резкими тенями мечущихся людей; видел полные предсмертного ужаса глаза женщин, прижимавших к себе детей, и сразу понял, что уже знает все это, потому что перед ним были последние минуты древней Помпеи...

— Везувий,— тихо сказал Дмитрий.

— Центарий,— поправил Ратен.— Не надо аналогий. Помпеи на этот раз не будет... Смотрите! Все закончилось иначе.

Он появился как-то сразу. Словно шагнул в кадр со стороны. Он стоял спиной к Дмитрию, широко расставив ноги, массивный, черный, совсем черный на фоне полыхающего неба. И потому что масштаб был явно смещен, город игрушечными кубиками стелился у его ног, а вершина вулкана едва доставала ему до плеча. Это было как у Свифта. Гулливер стоял над гибнущим городом... Но машина, проводившая реставрацию, быстро восстановила масштаб, и громада Центария нависла над крохотной фигуркой.

Лава была уже совсем близко. И тогда он понял, что надо делать. В устье долины вздымался колоссальный каменный палец, скала, оставшаяся после того, как ветры и солнце разрушили гору. Скала нависала над долиной, и он сразу все понял. Стремительная белая игла наискось перечеркнула небо: он пробовал резак, он примерялся,

прикидывал, как сподручней под корень полосонуть по каменному пальцу.

Скала секунду еще постояла, потом медленно и аккуратно рухнула поперек долины. Она упала математически точно в том месте, где ей надо было упасть, потому что за эти короткие мгновения он сумел рассчитать траекторию ее падения. Она упала так, что перекрыла дорогу лаве, но освободила ей сток в соседнюю долину...

Он опустил резак. Он держал его в руке, слегка отставив в сторону.

И в это время осколок скалы, крошечный осколок, маленький камешек, летящий, как снаряд из пращи, ударил ему в лицо...

— Вот и все,— сказал Ратен, когда изображение исчезло.— Один из двенадцати подвигов Геракла, как у вас говорят... Сейчас на центральной площади города стоит этот каменный Человек с резакom в отставленной руке. И шрам пересекает его лицо от виска до подбородка...

— А почему он все время стоял спиной? Почему ни разу не видно было его лица? Вы что, не смогли его реставрировать?

— Мы тоже задавали себе этот вопрос. Видимо, дело здесь вот в чем. Он стоял лицом к огню. К лаве. Так ведь? И та часть остаточной информации, которая должна была сохраниться в лаве, сохраниться не могла, потому что лава все время была в движении. Информацию, грубо говоря, размыло. И сохранилось лишь то, что было сзади... Но лицо мы его знаем. Я ведь говорил вам, что у нас много прижизненных изображений... Погодите! Знаете что! Я вспомнил... Ну да, он очень похож на командира вашего звездолета. На Дронова.

— Кто похож? — не понял Дмитрий.

— Высекающий огонь. Или Дронов похож на него. У меня хорошая зрительная память.

— Я вас больше не буду поить коньяком,— рассмеялся Дмитрий.— Но Дронову будет очень приятно узнать об этом. Тем более, что на Земле у него двойников не было. А теперь, пожалуй, в путь. У нас еще четыре автомата по дороге, и собака дома не кормлена. Надо торопиться.

Они включили автоматы и вышли на просеку, ведущую к дому. Шли молча. Дмитрий устал. Таблетка диконولا могла бы мгновенно возвратить силы, но он терпеть не мог все эти стимуляторы. Они необходимы в крайних случаях, когда другого выхода нет, а сейчас он просто чувствовал

себя усталым. Человеку нужно иногда чувствовать себя усталым.

На запястье тихо загудел браслет. Дмитрий остановился.

— Что это? — спросил Ратен.

— Всепланетное оповещение. Надо срочно к Информаторию. Видимо, снова «Двина».

— Поспешим, — сказал Ратен.

— Да нет, тут не поспешишь. Минуточку.

Он нажал на браслете кнопку. Почти сразу же рядом сел гравилет. А еще через две минуты они уже были перед Информаторием. Сообщение только что началось.

— ...развивались столь неожиданно, что сейчас мы не можем даже приблизительно судить о результатах, — закончил фразу озабоченный человек на экране, в котором Дмитрий узнал одного из руководителей Службы Контакт. — Мы передаем канал связи Лунной станции наведения. Там сейчас Председатель Совета, руководители основных служб обеспечения, представитель комитета по адаптации. Включаем Луну. Связь будет восстановлена через несколько минут.

Экран погас.

— В двух словах напомним маршрут «Двины», — попросил Ратен.

— Ушла к Эпсилону Бениты, где были замечены следы ноносферы. Перелет рассчитан на сто земных лет. Связь неожиданно прервалась. Больше никто ничего не знает, кроме того, что звездолет вернулся с полдороги. Ну вот! Включились. Смотрите внимательно, собрался весь цвет космонавтики. Дело серьезное. Микрофон берет кто-то из комитета по адаптации. Если я не ошибаюсь, это значит, что в Совете опасаются за психическое состояние экипажа.

Человек из комитета заметно нервничал.

— Час назад «Двина» вошла в зону дальней космической связи. Вы уже знаете из вчерашних сообщений, что связи с кораблем на выходе из тоннеля времени не было. Сейчас мы принимаем первую информацию. — Он посмотрел на Председателя Совета. Тот кивнул. — Странную информацию, если говорить осторожно. Дронов сообщает, что связь была потеряна из-за непонятного ему гравитационного возмущения. Но... далее он говорит о том, что полет проходил успешно, экипаж полностью выполнил программу, совершив посадку на третью планету Эпсилона Бениты... Совет решил пока воздержаться от встречной инфор-

мации. Есть опасения, что экипаж находится в состоянии психической депрессии.

— У меня таких опасений нет,— вмешался по земному каналу Ларин.— Будьте добры, доложите подробнее информацию, поступившую с «Двины». Что сообщает Дронов о Третьей Бениты?

— Сведения отрывочны. Связь, как я уже говорил, с «Двиной» односторонняя... На Третьей Бениты — гуманоидная цивилизация, каменный век. Планета — земного типа. Ярко выраженного земного типа. Режим обитания — оптимальный.

— Сколько они там были? — снова спросил Ларин.

Представитель Службы Контактв вопросительно посмотрел на Председателя Совета, словно ища у него поддержки: стоит ли на весь космос повторять явный бред больного человека. Председатель кивнул: продолжайте. На вопросы Ларина следует отвечать.

— Экипаж «Двины» пробыл на планете полтора года...— При этих словах все сидевшие за пультом станции переглянулись.— Полтора года! Так... Дальше. Гуманоиды идентифицированы как вид хомо сапиенс... Тут в информации пробел. На обратном пути вышли из строя все навигационные системы. Причины неизвестны. Дважды выходили из тоннеля времени для связи с Землей, оба раза безрезультатно. В критический момент получили пеленг. Дронов отмечает необыкновенную точность фокусировки, радуется нашим успехам. Это спасло экипаж...

— Дмитрий! — Ратен схватил его за руку.— Послушайте, Дмитрий, вы можете спросить его, откуда ориентировочно был подан пеленг? С какой точки Земли? Это очень важно!

— Я не могу,— сказал Дмитрий.— К сожалению, я не могу. Нас на Земле восемь миллиардов...

— Как же быть? Это действительно важно!

В этот момент на другой стороне земного шара еще один человек подумал о том, что это очень важно. В отличие от Дмитрия он имел право спрашивать.

— Откуда был подан пеленг? — спросил Ларин.— Дронов сообщил об этом?

— Да. Тибетская станция наведения.— Представитель Службы Контактв, чуть помолчав, потом не без язвительности добавил: — Вы, вероятно, знаете, что Земля не подавала пеленг. И что в Тибете нет станции наведения. Сейчас вы вынуждены прервать наши сообщения. «Двина»

выходит на орбиту дрейфа. Через десять минут связь будет восстановлена.

Ратен сидел в кресле, уронив голову на руки.

— Кто этот человек — Ларин? — глухо спросил он.

— Это большой человек. Автор тоннеля времени.

— Вы что-нибудь понимаете? — Ратен вскочил, быстро заходил по комнате. — Пеленг, который получила «Двина», — это сигнал капсулы Терния. Она замурована в Тибете и ориентирована таким образом, что при всяком пересечении поля, которое постоянно поддерживается между ней и Короной, особое устройство выдает импульс огромной силы. Направленный импульс точной фокусировки. Вы улавливаете мысль?

— Пока очень смутно. «Двина» пересекла это поле? То есть вы хотите сказать, что она была в окрестностях Короны?

— Я бы никогда не мог этого сказать. Но пеленг! И потом — почему Ларина интересуют его координаты? Вы можете с ним связаться?

— Увы!

— Плохо! Но еще успеем. — Он вдруг остановился прямо посреди комнаты. Все его возбуждение мигом пропало.

— Дмитрий, — сказал он. — А ведь я знаю, что произошло. Они действительно были где-то возле Короны. Идите сюда, садитесь. Дайте бумагу. Так. Видите — я рисую сектор. Между его лучами — большая часть траектории моего полета к Земле. И в этом же секторе, если принять пеленг за факт, — курс «Двины». Я потерял двести лет, слегка коснувшись внешней дуги Сферы гравитационного возмущения, — пока у меня нет точного названия этому явлению. Приближенный расчет показывает, что, если «Двина» прошла хоть на сотую градуса ближе к центру Сферы, она могла потерять... Не пугайтесь! Могла потерять двадцать тысяч лет. Укладывается такое?

Дмитрий вздохнул. Он всегда принимал невероятные законы времени и пространства и всегда беспомощно пытался хоть что-нибудь в них понять.

— А теперь приготовьтесь к самому невероятному, хотя я всегда избегаю этого слова.

— Я тоже стараюсь избегать, — сказал Дмитрий. — Вернее, старался...

— Так вот. Если «Двина» прошла с другой стороны, чем я, от центра Сферы, она прилетела на Третью Бениты через двадцать тысяч лет, но в минусовом варианте!

— В минусовом,— совсем тихо повторил Дмитрий.— То есть.

— Да-да! Двадцать тысяч лет назад. Провалилась в угольную яму времени. В прошлое. За несколько земных месяцев «Двина» ушла на двадцать тысячелетий назад, побывала на планете, вернулась обратно в своем, изолированном времени, а на планете, где она была, время шло своим чередом. Звездолет просто нырнул в прошлое и вынырнул. Сейчас там, где он застал каменный век,— могучая цивилизация.

Он снова зашагал по комнате.

— Все это, безусловно, суть одного и того же явления. Какое-то грандиозное возмущение материи. Кто знает, возможно, мы свидетели рождения новой Вселенной, первые, кто испытал на себе становление ее временных законов. И разрыв во времени Земля — Корона, и мой прыжок через два столетия, и провал «Двины» — все это связано между собой...

— Знаете что? — сказал Дмитрий.— Это, наверно, может быть. Даже наверняка может быть. Только...

— Что «только»?

— Только я, простите, в это не верю.

Сказав так, Дмитрий впервые за долгие годы удивился. Но удивиться своему удивлению он не успел, потому что снова включился Информаторий. На этот раз передачу вел сам Председатель.

— «Двина» швартуется к «Луне-2». Совет разрешил подключить Информаторий к внутренней связи звездолета. Через минуту будет говорить командир Шестой галактической Александр Дронов.

— Хочу воспользоваться этой минутой,— снова раздался голос Ларина.— Даю справку. Вчера геофизики нашего института обнаружили в труднодоступном районе Тибета вторую капсулу пришельцев. Приступаем к изучению. Склонны думать, что пеленг Дронову был послан аппаратурой капсулы.

Люди у пульта пришли в движение. Председатель выключил тумблер. Экран погас.

— Маленькое совещание в тесном кругу,— сказал Дмитрий.— Слишком много информации даже на тренированные головы.

— Да-да... Все сходится. Дайте мне кофе, Дмитрий. Покрепче, пожалуйста... Мне кажется, я не удивлюсь, если узнаю, что «Двина» побывала даже на Короне двад-

цать тысяч лет назад и оставила там свой гравитационный отражатель.

— Этому вы, пожалуй, удивитесь,— сказал Дмитрий.— Вот вам кофе, и не надо фантазий. Давайте пока придерживаться фактов. Трезвых фактов.

— Давайте,— согласился Ратен.— Только не моя вина, что факты пока не очень трезвые... Смотрите! Этот ваш Ларин снова у телевизора.

— Действительно! Неистовый академик, надо сказать, довольно бесцеремонно пользуется правом свободного выхода в эфир. Ну-ка, что-то он нам приготовил...

Ларин между тем некоторое время возился с какими-то бумажками, потом нашел, видимо, нужную запись.

— Швартовка несколько затянулась,— сказал он, поглядывая в камеру исподлобья,— поэтому хочу сказать еще несколько слов, чтобы подготовить общественность. На первый случай, хотя бы ученых... Анализ траектории «Двины» и других данных, полученных за последние несколько часов, показывает, что... Я перейду прямо к выводам. Тоннель времени обладает остаточным вектором, он не изотропен. Это значит, что между Землей и третьей планетой Бениты установились свои пространственно-временные отношения. Образно говоря, в общем потоке времени выделилось течение, омывающее наши планеты. И подобно тому, как если мы бросим пустую бутылку в Гольфстрим, она обязательно прибудет к берегу, омываемому этим течением, подобно этому любое материальное тело, вошедшее в тоннель времени в окрестностях нашей системы, будет прибито «течением» времени к третьей планете Бениты...

— И наоборот,— громко сказал Ратен.

— Что? — не понял Дмитрий.

— Подождите...

— Прошу моих коллег,— продолжал Ларин,— не требовать от меня немедленного объяснения, ибо его нет. Я даже не говорю «пока нет», потому что сомневаюсь, что это объяснение может быть получено в ближайшее время... Но я могу, чтобы хоть как-то придать этому факту реальность, поздравить всех нас с установлением транс-регулярной галактической пассажирской линии...

— Академик извоит шутить,— улыбнулся Дмитрий.— Академик извоит быть в некоторой растерянности.

— Напрасно вы так,— тихо сказал Ратен.— Я не знаю, каким математическим аппаратом располагает Ла-

рин, но он, по-моему, действительно гений... Пусть пока интуитивно, но он нащупал самую суть. И то, что мы долго воспринимали как цепь удивительных случайностей, начинает обретать форму... Я не знаю, как это сказать — форму Одной Великой Случайности, если это не будет звучать нелепо... Я думаю, что мы с Лариным в ближайшее время об этом поговорим...

— Ну вот! Они наконец включились... Хм! Чепуха какая!..

По экрану бегали рваные клочья, линии, мельтешили какие-то пятна.

— Как назло! — поморщился Дмитрий. — Всегда такая отличная видимость.

— Сейчас уберем, — успокоил Ратен. — Это мой пилот мудрит на досуге. — Он достал из кармана передатчик. — Рикар, снимите напряжение. Переходите на автономный режим.

Коробочка пропищала что-то непонятное. Дмитрий с интересом прислушался. Это были первые слова на языке Короны. Ратен побледнел, поднес зачем-то передатчик к самым губам и закричал срывающимся голосом:

— Немедленно снимай все системы! Немедленно! Иначе я просто взорву предохранитель!

Он щелкнул передатчиком, сунул его в карман. Сказал смущенно:

— Извините... Еще немного, и этот олух наделал бы дел. Он пытался связаться с капсулой, передать информацию, но ему мешали посторонние поля. А у него такая же штучка, как и у вас, — для снятия поля. Только, вы понимаете, мощнее.

— Нашел время! — усмехнулся Дмитрий. — Что ему нужно от капсулы?

— Он несколько... эмоционален. Слишком обширная память, произвольная программа. Собирался передать в капсулу сообщение о том, что изображение, идущее с «Двины», будто бы точно соответствует классической иконографии Высекающего огонь. Вы помните, я вам рассказывал...

— Да, помню. Тихо. Теперь все в порядке, видимость хорошая. Вот и он. Постарел. Ох, как постарел!

Дронов смотрел прямо в камеру. Лицо его было смертельно усталым. Щеки оплыли. Возможно, следы длительных перегрузок. От виска к подбородку тянулся глубокий, недавно заживший шрам.

— Где же это он так? — негромко сказал Дмитрий. — Прямо как топором двинули. — И в ту же секунду почувствовал у себя на плече руку Ратена. Тот сжал его с такой силой, что Дмитрий невольно поморщился.

— Немедленно в Галактический центр, — громким шепотом сказал он. — Сейчас же. Вы понимаете? Я не ошибся, нет! Вы говорите: «Где это он так?» На Короне? Возле вулкана Центарий...

Дмитрий еще ничего не понял, но волнение Ратена передалось ему. Выключив Информаторий, он потащил Ратена к стоянке гравилета.

— Сейчас я вызову рейсовый, — сказал он. — Это быстро. На моем мы далеко не улетим.

— Не надо! — Они уже бежали к просеке, и Дмитрий даже не удивился, что дорогу показывает Ратен. — Не надо гравилета! Вот давайте сюда! Этой мой посадочный отсек, вы еще спрашивали, куда я его дел. Садитесь скорее. Он хорошо работает и как орбитальный катер.

В густом можжевельнике стояла приземистая машина. Ратен распахнул дверцу.

— Сейчас, — сказал Дмитрий. — Сейчас. А это... что такое?

Он ткнул пальцем в рельефный силуэт на дверце отсека.

— Это? Ну, так... Наша эмблема. Символ единства Вселенной. Такой знак был оттиснут на одном из кораблей пришельцев, который мы недавно откопали. Садитесь же скорее!

— Все еще не веря своим глазам, Дмитрий провел пальцем по барельефу, известному всем людям Земли. Это был заводской знак корабля Александра Дронова. Цветок лотоса на хрупкой ладони женщины...

С 42 Сквозь завесу времени. Фантастические рассказы. Магадан, Кн. изд., 1971.

159 с.

На обороте тит. л. сост.: В. САВЧЕНКО и Л. ЮРЧЕНКО.

7—3—2

Р 2

18—71 М

СКВОЗЬ ЗАВЕСУ ВРЕМЕНИ

Фантастические рассказы.

Художник З. Д. Дидишвили.

Редактор Л. И. ЮРЧЕНКО.

Художественный редактор Д. Д. Власенко.

Технический редактор В. В. Плоская.

Корректоры М. Л. Лисичкина, В. И. Огрызко.

Сдано в набор 12/V 1971 г. Подписано к печати 28/VII 1971 г. АХ—01346. Формат 84×108/32. Объем 5 физ. п. л., 8¼ усл. п. л., 8,88 уч.-изд. л. Заказ 3866 Тираж 15 000. Цена 29 коп Бум. тип. № 1.

Магаданское книжное издательство, г. Магадан, ул. Пролетарская, 15. Магаданская областная типография Управления по печати, г. Магадан, пл. Горького, 9.

Сканирование - Беспалов
DjVu-кодирование - Беспалов

29 коп.

СКВОЗЬ
ЗАВЕСУ
ВРЕМЕНИ

